

Анализ и прогноз

Журнал ИМЭМО РАН

Analysis and Forecasting

IMEMO Journal

2019'3

Научный сетевой журнал
“Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН / Analysis and Forecasting/ IMEMO Journal”
издается с 2019 г., выходит 4 раза в год, языки журнала – русский и английский.
Все выпуски журнала находятся в открытом доступе.

Свидетельство о регистрации журнала Эл № ФС 77–76743 выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
16 сентября 2019 г.

Учредитель и издатель

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
“Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений имени
Е.М. Примакова Российской академии наук” (ИМЭМО РАН).

Главный редактор:

И.Л. Прохоренко

Редакция:

А.А. Алешин, А.В. Короткова (ответственный секретарь), Е.И. Матюхова,
Е.М. Харитоновна (зам. главного редактора)

Журнальная верстка:

ООО «Верди»

Верстка web-страниц:

Е.А. Клюева, А.А. Попонин

Дизайн обложки:

С.В. Сафонов

Контакты редакции:

117997, Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., д. 23
Тел.: +7 (499) 128-8560; +7 (499) 128-1748
e-mail: afjournal@imemo.ru

Официальный сайт журнала:

<https://afjournal.ru>

The scientific electronic journal
“Analysis and Forecasting. IMEMO Journal”
is published from 2019, 4 times a year in Russian and English.
All the issues of the journal are available online with open access.

The Registration Certificate of the journal, EL № FC 77–76743 was issued by the Federal Communications, Information Technology and Mass Media Regulatory Authority on 16 September 2019.

Founder and Publisher

Federal State Budgetary Institution of Science
“Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)”

Editor-in-Chief:

Irina Prokhorenko

Editorial Staff:

Alexander Aleshin, Alla Korotkova (Executive Secretary), Elizaveta Matyukhova,
Elena Kharitonova (Deputy Editor-in-Chief)

Layout and Design:

Ltd Verdi

Website Design:

Evgenia Kliueva, Alexey Poponin

Cover design:

Sergey Safonov

Contacts:

Russian Federation, Moscow, 117997, 23, Profsoyuznaya Str.
Tel.: +7(499)128-8560; +7(499)128-1748
e-mail: afjournal@imemo.ru

Website:

<https://afjournal.ru>

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

Войтоловский Ф.Г., д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Арбатова Н.К., д.полит.н., заведующий Отделом европейских политических исследований ИМЭМО РАН

Афонцев С.А., д.э.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, заведующий Отделом экономической теории, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Варнавский В.Г., д.э.н., профессор, заведующий Сектором проблем структурной политики и конкурентоспособности Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН

Журавлева В.Ю., к.полит.н., руководитель Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН

Звягельская И.Д., д.и.н., профессор, заведующий Лабораторией "Центр ближневосточных исследований" ИМЭМО РАН

Жуков С.В., д.э.н., руководитель Центра энергетических исследований, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Кобринская И.Я., к.и.н., руководитель Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН

Ломанов А.В., д.и.н., профессор РАН, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Мирошниченко И.В., д.полит.н., доцент, заведующий Кафедрой государственной политики и государственного управления Факультета управления и психологии Кубанского государственного университета

Портной М.А., д.э.н., профессор, руководитель Центра внешнеэкономических исследований ИСКРАН

Прохоренко И.Л., д.полит.н., заведующий Сектором международных организаций и глобального политического регулирования Отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН

Рябов А.В., к.и.н., доцент, руководитель отдела Группы проблем общественно-политического развития Отдела сравнительных политических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН, главный редактор журнала "Мировая экономика и международные отношения"

Семененко И.С., д.полит.н., член-корреспондент РАН, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований, заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН

Соловьев Э.Г., к.полит.н., руководитель Центра постсоветских исследований, заведующий Сектором теории политики ИМЭМО РАН

Федоровский А.Н., д.э.н., руководитель Группы общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН

Фитуни Л.Л., д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований, заместитель директора по научной работе Института Африки РАН

Харитоновна Е.М., к.полит.н., старший научный сотрудник ОМПП ИМЭМО РАН

Цапенко И.П., д.э.н., заведующий Сектором социально-экономического развития и миграционных процессов Отдела комплексных социально-экономических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН

Шаклеина Т.А., д.полит.н., профессор, заведующая Кафедрой прикладного анализа международных проблем Факультета международных отношений МГИМО МИД России

CHAIRMAN:

Feodor Voitolovsky, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Director of IMEMO (Russia)

MEMBERS:

Nadezhda Arbatova, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Department of European Political Studies, IMEMO

Sergey Afontsev, Doct. Sci. (Econ.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of RAS, Head of the Department of Economic Theory, Deputy Director, IMEMO

Vladimir Varnavskiy, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Sector of Structural Policy and Competitiveness, Center of Industrial and Investment Studies, IMEMO

Viktoriya Zhuravleva, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center of North American Studies, IMEMO

Irina Zvyagelskaya, Doct. Sci. (Hist.), Head of the Center of the Middle East Studies, IMEMO

Stanislav Zhukov, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Center of Energy Research, Deputy Director, IMEMO

Irina Kobrinskaya, Cand. Sci. (Hist.), Head of the Center of Situational Analysis, IMEMO

Alexander Lomanov, Doct. Sci. (Hist.), Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Deputy Director, IMEMO

Inna Miroshnichenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Mikhail Portnoy, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of External Economic Studies of the Institute for the U.S. and Canadian Studies, RAS (ISCRAN)

Irina Prokhorenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Sector of International Organizations and Global Political Governance, Department of International Political Problems, IMEMO

Andrey Ryabov, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Head of the Group of the Study of Problems of Political Development, Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies, IMEMO, Editor-in-Chief of the Journal "The World Economy and International Relations" of the Russian Academy of Science

Irina Semenenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Center of Comparative Socio-Economic and Political Studies, Deputy Director, IMEMO

Eduard Solovyev, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center of post-Soviet Studies, Head of the Sector for Political Theory, IMEMO

Alexander Fedorovskiy, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Group of the Asia-Pacific Region Problems, Center of Asia Pacific Studies, IMEMO

Leonid Fituni, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Centre of Global and Strategic Studies, Deputy Director of the Institute for African Studies, RAS

Elena Kharitonova, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Senior Researcher, Department of International Political Problems, IMEMO

Irina Tsapenko, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Sector of Social and Economic Development and Migration Processes Studies, Department of Complex Socio-Economic Research, IMEMO

Tatiana Shakleina, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Professor, Head of the Department of Applied International Analysis, School of International Relations, MGIMO

Арбатов А.Г., д.и.н., академик РАН, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН (Россия)

Барановский В.Г., д.и.н., профессор, академик РАН, руководитель научного направления Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН (Россия)

Громько А.А., д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН (Россия)

Дынкин А.А., д.э.н., профессор, академик РАН, президент ИМЭМО РАН (Россия)

Иванова Н.И., д.э.н., профессор, академик РАН, руководитель научного направления Отдела науки и инноваций ИМЭМО РАН (Россия)

Королев И.С., д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, советник РАН

Михеев В.В., д.э.н., академик РАН, руководитель научного направления Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН (Россия)

Наумкин В.В., д.и.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

Рогов С.М., д.и.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия)

Сюэтун Янь, Ph.D (Polit. Sci.), директор Института международных отношений Университета Цинхуа (Китай)

Alexey Arbatov, Doct. Sci. (Hist.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center of International Security, IMEMO (Russia)

Vladimir Baranovsky, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Center of Situational Analysis, IMEMO (Russia)

Alexey Gromyko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Director of the Institute of Europe, RAS (Russia)

Alexander Dynkin, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, President of IMEMO (Russia)

Natalya Ivanova, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Department of Science and Innovation, IMEMO (Russia)

Ivan Korolev, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Counselor of RAS

Vasily Mikheev, Doct. Sci. (Econ.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Center of Asia Pacific Studies, IMEMO (Russia)

Vitaly Naumkin, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Institute of Oriental Studies, RAS (Russia)

Sergey Rogov, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Institute of the U.S. and Canadian Studies, RAS (ISCRAN) (Russia)

Yan Xuetong, Ph.D (Polit. Sci.), Dean of the Institute of International Relations, Qinghua University (China)

К ЧИТАТЕЛЮ

Представляем номер 10

ПРОГНОЗНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**К вопросу оценки внешнеполитического потенциала государств
в прогнозных исследованиях***И.Л. Прохоренко, А.А. Алешин* 12**Содружество Независимых Государств:
пространственно-организационная динамика***Д.В. Малышев* 23**ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ****“Вестфальский миф”: история и критика***А.В. Курриянов* 37**ГЛОБАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ****Развитие экосистемы криптоактивов: новые тенденции***А.О. Масленников* 51**МИРОВАЯ ПОЛИТИКА****Европейский путь Молдовы: иллюзии и действительность***В.И. Васильев* 59**Будапешт и Бухарест перед вызовами украинских
внутриполитических процессов***А.Н. Смирнов* 73

TO READERS

Presenting the issue 10

FORECASTING STUDIES

**To the Issue of Assessing States' Foreign Policy Potential
in Forecasting Studies**

I. Prokhorenko, A. Aleshin 12

**The Commonwealth of Independent States:
Spatial and Organizational Dynamics**

D. Malyshev 23

THEORY AND METHODOLOGY

Westphalian Myth: History and Criticism

A. Kupriyanov 37

GLOBAL FINANCE

Development of Cryptoassets Ecosystem: New Trends

A. Maslennikov 51

WORLD POLITICS

A European Path of Moldova: Illusions and Reality (Specific Circumstances)

V. Vasiliev 59

**Budapest and bucharest in front of the challenges of ukrainian internal political
processes**

A. Smirnov 73

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Редакция рада представить третий номер научного сетевого журнала “Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН”.

Номер и тематическую рубрику журнала **“Прогнозные исследования”** открывает совместная статья Ирины Львовны Прохоренко и Александра Андреевича Алешина “К вопросу оценки внешнеполитического потенциала государств в прогнозных исследованиях”. Авторы детально рассмотрели понятие внешнеполитического потенциала государства и его составляющих, полагая, что оценка внешнеполитического потенциала государства важна не только в анализе внешней политики, но и в среднесрочном и долгосрочном прогнозировании мировых трендов. Используя предложенную ими трактовку внешнеполитического потенциала, они выявили ключевые факторы, влияющие на динамику внешнеполитического потенциала Соединенного Королевства и Испании, государств, ситуация в которых напрямую влияет на региональные и международные процессы.

Статья Дмитрия Валерьевича Малышева “Содружество Независимых Государств: пространственно-организационная динамика” посвящена тенденциям динамики и современному состоянию СНГ как международной организации, а также вызовам, с которыми сталкиваются государства – участники объединения. С использованием системного подхода и метода экстраполяции рассмотрены основные направления становления и развития Содружества Независимых Государств (СНГ) в пространственно-организационном разрезе, существующие в СНГ конфликтные зоны и их влияние на межгосударственное взаимодействие внутри Содружества.

В рубрике журнала **“Теория и методология”** – статья Алексея Владимировича Куприянова “Вестфальский миф: история и критика”, посвященная исследованию “Вестфальского мифа” – комплекса представлений, сложившегося в рамках теории международных отношений, согласно которому Вестфальский договор 1648 г. стал отправной точкой формирования современной системы международных отношений. Автор исследует одно из основных положений “Вестфальского мифа” – представление о Тридцатилетней войне как борьбе с универсалистскими устремлениями Габсбургов – и приходит к выводу об их несоответствии историческим фактам. В четвертом номере журнала – новая статья А.В. Куприянова, развенчивающая “Вестфальский миф”.

Рубрика **“Глобальные финансы”** представлена статьей Александра Оскаровича Масленникова “Развитие экосистемы криптоактивов: новые тенденции”. Под криптоактивами, или криптовалютами, понимаются цифровые токены, основанные на блокчейн-технологии. Их экосистему составляют сами токены, инфраструктура по их созданию и обращению, а также система взаимоотношений участников транзакций с ними. Автор изучает динамику, основные этапы и перспективы развития экосистемы криптоактивов, оценивая рыночные риски, уровень практического применения и специфику национальных систем регулирования криптоактивов в экономической деятельности.

Рубрику **“Мировая политика”** открывает статья Виктора Васильевича Васильева “Европейский путь Молдовы: иллюзии и действительность”. В фокусе внимания автора – влияние Германии, а также Европейского союза, США и России на трансформацию Республики Молдова в контексте интеграционных процессов в Европе и на постсоветском пространстве. В своем исследовании автор использует системно-исторический подход, а также метод глубинных интервью, которые провел лично с германскими политиками и экспертами. По мнению В.И. Васильева, анализ причин неудач Кишинёва в проведении реформ свидетельствует об ошибках Берлина, Брюсселя, Вашингтона и Москвы, связанных с недооценкой молдавских олигархических кругов, захвативших ключевые посты в структурах государственной власти.

Завершает раздел статья Алексея Николаевича Смирнова “Будапешт и Бухарест перед вызовами украинских внутривнутриполитических процессов”. Автор анализирует конфликтогенный потенциал политического кризиса, переживаемого Украиной с 2014 г., рассматривая его как серьезный вызов для восточноевропейских государств. Причиной тому их территориальная близость к очагу напряженности, а также особая исторически обусловленная сопричастность

украинским делам. По мнению А.Н. Смирнова, наибольшая схожесть наблюдалась в отношениях новой независимой Украины с Венгрией и Румынией, близок был и набор проблем, главная из которых – наличие венгерского и румынского этнических меньшинств, проживающих на приграничных территориях обеих стран. В статье рассматривается, каким образом внутривнутриполитические процессы последних лет в Украине повлияли на эти отношения и в чем различия подходов Будапешта и Бухареста к упомянутым проблемам.

В следующем, последнем за 2019 г., выпуске журнала будут представлены рубрики **“Теория и методология”, “Тренды и риски развития”, “Мировая политика”**.

Редакция

TO READERS

К ВОПРОСУ ОЦЕНКИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ГОСУДАРСТВА В ПРОГНОЗНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

© 2019 г. И. ПРОХОРЕНКО, А. АЛЕШИН

ПРОХОРЕНКО Ирина Львовна, доктор политических наук, заведующий Сектором международных организаций и глобального политического регулирования Отдела международно-политических проблем.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (irinapr@imemo.ru).

АЛЕШИН Александр Андреевич, младший научный сотрудник Сектора международных организаций и глобального политического регулирования Отдела международно-политически проблем.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (aleshin.a@imemo.ru).

Статья подготовлена в ИМЭМО РАН при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31625 "Основные тренды и риски мирового политического развития: методология и методики прогнозных исследований".

Прохоренко И.Л., Алешин А.А. К вопросу оценки внешнеполитического потенциала государств в прогнозных исследованиях.

Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2019, № 3, сс. 12-22. DOI: 10.20542/afij-2019-3-12-22.

DOI: 10.20542/afij-2019-3-12-22

УДК: (410)+(460): 327+323+005.521

Статья поступила в редакцию 12.10.2019.

В статье предложено определение внешнеполитического потенциала государства и его составляющих для его динамического измерения, анализа внешней политики и с точки зрения прогнозирования логики внешнеполитического поведения государств, региональных и глобальных международно-политических процессов. Дается оценка возможностей и предела использования факторного анализа в оценке внешнеполитического потенциала государств и отдельных внешнеполитических ресурсов. На примере современных Великобритании и Испании выявлены ключевые факторы изменений их внешнеполитического потенциала в контексте региональных и международных политических процессов.

Ключевые слова: внешнеполитический потенциал государства, внешнеполитические ресурсы, анализ внешней политики, факторный анализ, Великобритания, Брекзит, Испания, конфликт в Каталонии, Европейский союз, прогнозирование.

Понятие внешнеполитического потенциала государства является весьма значимым в анализе внешней политики. Не менее важное значение анализ внешнеполитического потенциала государств и его динамики, страновых трендов развития имеет для среднесрочного и долгосрочного прогнозирования региональных и международных процессов. Государства остаются ключевыми игроками современной мировой политики, а их субъектность на международной арене отнюдь не статична и подвержена изменениям, которые обусловлены как внутренними факторами, так и факторами международной среды, все более жесткой конкурентной борьбой за региональное и глобальное лидерство в формирующемся полицентричном мире.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОСУДАРСТВА И ЕГО СОСТАВЛЯЮЩИЕ

В целях анализа и прогнозирования внешней политики государства имеет смысл использовать понятие “внешнеполитический потенциал”, или “потенциал внешней политики” по аналогии с понятием “потенциал экономики” (или “экономические ресурсы”), который часто используют экономисты для выявления, оценки и сравнения страновых и макрорегиональных социально-экономических моделей [1]. На наш взгляд, понятие потенциала внешней политики, как, впрочем, и потенциала национальной экономики, следует рассматривать в широком смысле.

Внешнеполитический потенциал государства – понятие многомерное и исторически обусловленное, в анализе внешней политики современных государств под ним следует понимать:

- структуру внешней политики (прежде всего, специфику разработки, принятия и реализации внешнеполитических решений);
- инфраструктуру дипломатической службы государства (дипломатические ресурсы);
- кадровые ресурсы (в данном случае имеется в виду не только их численная динамика, но и качество дипломатии, национальная дипломатическая этика и культура, а также образовательные ресурсы);
- ресурсы как “жесткой силы”, так и “мягкой силы” государства;
- ресурсы знаний (в том числе экспертного сопровождения внешней политики);
- информационные ресурсы как традиционные, так и новые, связанные с новыми информационными технологиями;
- финансовые ресурсы, направляемые государством на решение внешнеполитических задач;
- имиджевые ресурсы внешней политики;
- а также степень единодушия в представлениях о внешнеполитической идентичности страны [2, с. 465-469], степень поддержки внешнеполитического курса правительства общественным мнением страны и консенсуса в обществе по ключевым вопросам внешней политики государства и т.д.

При этом внешнеполитические ресурсы справедливо интерпретировать не как запасы, которые в русском языке, скорее, понимаются как нечто материальное, то, что откладывается, аккумулируется для будущего использования, а как активы, средства, возможность и способность эффективно использовать материальные (осязаемые) и нематериальные (неосязаемые) преимущества и проецировать свою силу, неважно “жесткую”, “мягкую” или “умную”, вовне.

Все перечисленные ресурсы внешней политики в разной степени взаимопереплетены друг с другом (подобное наблюдается и в отношении ресурсов экономических). Другое дело – вопрос о возможности их мобильности и взаимозаменяемости (финансовые ресурсы во многом определяют ресурсы “мягкой силы”, хотя далеко не всегда – позитивный имидж страны за рубежом), а также об относительной непрозрачности самого процесса формирования и осуществления внешней политики независимо от политической формы правления и типа политического режима.

Факторный анализ традиционно считается одним из наиболее важных статистических средств анализа данных в политическом анализе. В его основе лежит процедура объединения групп коррелирующих друг с другом переменных (“корреляционных плед” или “корреляционных узлов”) в несколько факторов. Цель факторного анализа состоит в том, чтобы сконцентрировать исходную информацию, выражая большое число рассматриваемых признаков через меньшее число более емких внутренних характеристик, которые, однако, не поддаются непосредственному измерению (и в этом смысле являются латентными) [3].

Большинство представителей политической науки, изучающих возможности использования факторного анализа в исследовании политических явлений и политического процесса различного уровня, стремятся применить его для оценки статистических данных (результатов голосования на выборах, например, для оценки конфигурации

электорального пространства, при изучении общественного и массового сознания, политического и электорального размежевания в обществе, социальной стратификации общества и т.д.), выявления структуры или признаков объектов оценки, выявления и оценки количественного значения латентных факторов для каждого объекта, которые не поддаются непосредственному измерению.

Факторный анализ был результативно применен в изучении этнополитической конфликтности в исследовательском проекте Российского научного фонда № 15-18-00021 “Регулирование межнациональных отношений и этносоциальных конфликтов в современном мире: потенциал гражданской идентичности (сравнительный политический анализ)”, выполненном в Национальном исследовательском институте мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН) [4]. Центральной задачей исследования было путем качественного анализа массива эмпирических данных разработать и обосновать типологизацию этнополитических конфликтов посредством выявления ключевых для данного конфликта факторов напряженности. Разработка типологии факторов конфликтности и категориального аппарата ее классификации осуществлялась путем многомерного анализа 27 кейсов межэтнической конфликтности, отобранных посредством экспертных оценок, и соотнесения полученных данных с обоснованными в литературе подходами, которые исходят из осмысления причинных (каузальных) взаимосвязей в развитии этноконфликтных ситуаций. При этом было предложено измерить влияние одного из факторов, используя математическую формулу.

Что касается изучения внешней политики государств и их внешнеполитического потенциала, над наш взгляд, в данном случае должен преобладать именно качественный, а не количественный анализ. К этому мнению все чаще склоняются специалисты, предметным полем исследований которых является анализ внешней политики: сложно измерить идентичность или идеи, без которых анализ ключевых проблем внутренней политики и процесса принятия и реализации внешнеполитических решений не сможет предоставить полной картины [5]. Математизация порой ведет к упрощению ситуации, когда, например, в целях количественного факторного анализа внешней политики Бразилии в период 1998–2014 гг. и объяснения причин системного кризиса в стране, в том числе динамики внешнеполитической стратегии, используются такие параметры оценки, как количество заключенных двусторонних договоров, дипломатических представительств за рубежом, официальных визитов за рубеж, объем внешней торговли, участие в международных финансовых институтах, региональных и субрегиональных интеграционных проектах в Латинской Америке и количество инициатив, выдвинутых в рамках данных проектах, и т.д. [6]

Безусловно, без применения количественных методов, интерпретации динамических статистических данных, результатов международных рейтинговых исследований (например, “мягкой силы” государств [7]) не обойтись. Никто не отрицает методы сбора и анализа информации, включая статистические методы в страновых и сравнительных прикладных и прогнозных исследованиях, моделирование, теорию игр и т.д.

Однако использование нарратива в данном случае, в случае применения факторного анализа, сочетание логики и интуиции в анализе внешней политики, использование экспертной оценки отнюдь не является слабым местом в противовес “математически точному и неопровержимому” количественному факторному анализу с его строгим формально-математическим аппаратом, не мешает выстраивать причинно-следственные связи между структурными и новыми элементами политической действительности.

Напротив, поиски уникальной формулы, могущей наглядно, а главное – просто и быстро оценить внешнеполитический потенциал государства, наверняка заведут исследователя-международника в тупик, а читателя – политолога, историка или социолога – неизбежно поставят в сложную ситуацию, когда тот окажется не в состоянии понять смысл сложных математических формул и вычислений и оценить эффективность их применения. Ключевым здесь является вопрос: сколько показателей надо учитывать, чем больше, тем лучше, или наоборот, небольшое их число, полезно или нет пересечение или дублирование каких-то показателей для оценки?

К тому же некоторые ресурсы внешней политики государства нелегко или просто невозможно измерить количественно. Вероятно, объем и долю военных расходов к национальному ВВП следует учитывать в анализе военного потенциала, и эти показатели легко поддаются количественной оценке, однако как поступить, если мы говорим мы о внешнеполитической идентичности или качестве дипломатии? В случае оценки эффективности “мягкой силы” государств достаточно привести здесь, к примеру, критическое исследование различных международных рейтингов “мягкой силы” государств российского специалиста-международника Е.М. Харитоновой [7].

Задача факторного анализа состоит в том, чтобы выявить и отобрать наиболее значимые независимые переменные, с помощью которых можно формализовать зависимую переменную, а в итоге создать краткую, выразительную и точную модель структуры взаимосвязей переменных. В свою очередь, поисковый факторный анализ, который чаще применяется в политологических исследованиях, направлен на выдвижение гипотезы относительно природы и структуры взаимосвязей между признаками, подбираемыми с помощью экспертных оценок [8].

Выявление ключевых факторов, обнаружение политических трендов и рисков странового развития, которые могут носить долговременный системный характер, открывает возможности прогнозных оценок не только в анализе внешней политики конкретного государства, а в более широком региональном и даже глобальном контексте. Именно поэтому в фокусе внимания авторов оказались именно Соединенное Королевство и Испания – государства, ситуация в которых стала вызовом для Европейского союза и фактически не раз ставила вопрос о судьбе самого европейского интеграционного проекта.

КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ ДИНАМИКИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СОВРЕМЕННОЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии традиционно является одним из лидеров в Европе и на евроатлантическом пространстве. Это обусловлено историческими предпосылками, позволившими ему стать ключевым актором в европейских делах, получить статус великой державы, создать крупнейшую в мире колониальную империю, развивать политические и экономические связи со всеми регионами мира. После окончания Второй мировой войны Великобритания закрепила свои позиции, став сооснователем и участником влиятельных глобальных и региональных международных институтов, таких как Совет Безопасности ООН, МВФ, ВТО, Всемирный банк, Содружество, “Группа семи”, НАТО, Европейское экономическое сообщество и другие [9].

Однако распад колониальной империи существенно уменьшил внешнеполитический потенциал Соединенного Королевства, ставшего европейской державой с глобальными амбициями. При этом несмотря на сокращение субъектности на международной арене это государство сумело сохранить многие рычаги влияния на мировую и региональную европейскую политику. Среди них, помимо участия в вышеназванных организациях, “особые отношения” с единственной на сегодняшний день сверхдержавой – США, членство в Европейском союзе (ЕС), в ОБСЕ, мощная экономика¹, роль Лондона как одного из крупнейших финансовых центров мира, эффективная “мягкая сила” [10], развитая сеть дипломатических представительств, система военных союзов с британским лидерством, наличие ядерного оружия, профессиональные вооруженные силы, значительный уровень расходов на оборону², участие в новых влиятельных институтах глобального управления – “Группе двадцати” и Азиатском банке инфраструктурных инвестиций.

Тем не менее если экономическое влияние Великобритании после окончания холодной

¹ Пятое место в мире по размеру ВВП по данным Всемирного банка. См.: *The World Bank*. Available at: https://data.world-bank.org/indicator/ny.gdp.mktp.cd?most_recent_value_desc=true&view=map (accessed 02.09.2019).

² Седьмое место в мире в 2017 г. по данным Стокгольмского института исследования проблем мира SIPRI. См.: *SIPRI Fact Sheet May 2018*. Available at: https://www.sipri.org/sites/default/files/2018-04/sipri_fs_1805_milex_2017.pdf (accessed 02.09.2019).

войны оставалось глобальным, то политическое все больше становилось в основном региональным. Со времен Фолклендской войны 1982 г. можно отметить лишь две значимых внешнеполитических акции, которые были проведены британским правительством без оглядки на важных партнеров: военная операция “Баррас” в Сьерра-Леоне в 2000 г. и присоединение к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций в 2015 г. В остальном Соединенное Королевство в основном согласовывало внешнюю политику с союзниками, в первую очередь с США, НАТО и ЕС.

В актуальном стратегическом документе – Национальной стратегии безопасности и обзоре обороны и безопасности 2015 г. – сказано, что НАТО является краеугольным камнем национальной обороны страны, США – ее ключевым партнером в сфере безопасности, обороны, внешней политики и экономики; безопасность и процветание в Европе являются необходимыми для безопасности и процветания Великобритании. Отмечено, что почти во всех аспектах национальной безопасности и развития Соединенное Королевство должно работать с союзниками, потому что угрозы и возможности являются глобальными [11, р. 50-53]. Это было подтверждено и в Обзоре возможностей национальной безопасности 2018 г. [12] Можно сказать, что после окончания холодной войны политические интересы Великобритании в основном были связаны с евроатлантическим регионом, что, благодаря месту коллективного Запада в мире, позволяло ей сохранять значительное влияние на глобальные процессы. Одновременно с этим сложившаяся система взаимоотношений ограничивала ее возможности идеологической и стратегической конъюнктурой коллективного Запада, а членство в ЕС не позволяло свободно заключать торговые договоры с третьими странами. ЕС также обрамлял и значительную долю внутренней политики.

С проведением референдума о выходе из ЕС фактор Брекзита стал оказывать влияние практически на все сферы жизни британского общества, его политические институты, экономику, внутреннюю и внешнюю политику. В будущем его влияние только усилится. При этом невозможно предсказать длительность его воздействия вследствие неопределенности, вызванной трудностью переговоров с ЕС и политическим кризисом в стране. В связи с этим можно спрогнозировать несколько сценариев развития Соединенного Королевства, ряд которых диаметрально расходятся. Для этого необходимо разделить сферы, оказывающие непосредственное влияние на внешнюю политику Великобритании и подверженные деформации из-за фактора Брекзита. Это экономика, непосредственно внешняя политика и внутренняя политика. При этом нужно отметить, что все они неразрывно связаны.

Первая сфера – внешнеэкономические связи Соединенного Королевства и их воздействие на макроэкономику, на связи Лондона, Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии между собой и со странами – членами ЕС. По прогнозам Банка Англии в случае “жесткого Брекзита” (на сегодняшний день наиболее вероятного варианта выхода) к 2023 г. ВВП страны увеличится на 8% меньше тренда 2016 г., рост безработицы составит 7.5%, инфляции – 6.5%, базовой ссудной ставки – до 4% (сейчас 0.75%) [13]. Сегодня наблюдается замедление экономического роста: с 1.8% ВВП в 2017 г. до 1.4% ВВП в 2018 г., а во втором квартале 2019 г. ожидается рецессия³. По прогнозам PWC, в 2020 г. рост ВВП составит 1.3% [14]. На фоне негативных прогнозов наблюдается отток инвестиций, причем если с момента проведения референдума 2016 г. из экономики было выведено 29.7 млрд долл. США, то с момента подачи Терезой Мэй в отставку этот процесс ускорился: за три месяца было выведено более 4 млрд долл. [15]

В то же время в 2017 г. правительство опубликовало Промышленную стратегию, где ставится ряд амбициозных задач для британской экономики, в числе которых – превратить страну к 2030 г. в одного из мировых инновационных лидеров [16]. В выпущенной через год Стратегии экспорта вызванные Брекзитом экономические проблемы предлагается решить в том числе за счет повышения доли экспорта в ВВП с 30 до 35% [17]. Также ожидается, что после выхода из ЕС Великобритания сможет быстро заключить соглашения о свободной торговле со многими странами мира, в первую очередь с США. Если правительству это удастся, тогда не только в основном компенсируются экономические потери за счет роста торговли с неевропейскими странами, но и, с большой вероятностью, выгоды от новых соглашений превзойдут преимущества членства в Общем рынке. В этом случае Брекзит станет толчком для роста глобального влияния страны.

³ По данным Office for National Statistics. Available at: <https://www.ons.gov.uk/economy/grossdomesticproductgdp/bulletins/gdpmonthlyestimateuk/june2019> (accessed 02.09.2019).

Другой проблемой выхода из ЕС станет перенаправление дотаций этого объединения для стран Соединенного Королевства – их должен будет компенсировать Лондон. Несмотря на соответствующее обещание правительства, это вызывает недовольство субрегиональных сепаратистских сил, о чем речь пойдет ниже. Особое место занимает торговля Северной Ирландии с Республикой Ирландия. В 2018 г. Республика Ирландия была самым крупным экспортером и импортером для Северной Ирландии, занимая 28.2% и 36.1% в структуре торговли последней соответственно [18]. Закрытие границы и выход Великобритании из Общего рынка нанесет экономике этого британского региона значительный ущерб.

Вторая сфера состоит из стратегического внешнеполитического планирования, степени активности на международной арене, подходов к взаимодействию с ключевыми партнерами. В 2018 г. правительство разработало стратегию “Глобальная Британия” [19], в которой говорится о будущем позиционировании Великобритании в мире после Брекзита. В ее основу легло расширение политического и экономического взаимодействия с государствами вне евроатлантического региона. Для этого правительство уже увеличило количество дипломатов и военных за рубежом [20]. Одновременно Соединенное Королевство стремится сохранить отношения с ЕС максимально глубокими во всех сферах, при этом делается акцент на двусторонних связях с членами объединения, прежде всего с Францией и Германией. США же в стратегии отводится одна из ключевых ролей: отношения с этой страной лежат в основе влияния Великобритании на мировой арене, и именно с ней правительство стремится заключить соглашение о свободной торговле в первую очередь. Одним из следствий стремления увеличить влияние на своих союзников является активизация деятельности правительства в ключевых политических институтах Запада, таких как НАТО и “Группа семи”, в том числе и жесткая риторика по отношению к России.

Однако при реализации стратегии Соединенное Королевство может столкнуться с трудностями и противоречиями. Во-первых, вследствие негативных экономических последствий Брекзита правительство может быть вынуждено сокращать расходы, и, с большой долей вероятности, это прежде всего коснется бюджетов внешнеполитических и оборонных ведомств, к которым граждане наименее чувствительны. Во-вторых, неясно будущее отношений с ЕС. Пока не закончился процесс Брекзита, европейцы не пойдут на заключение каких-либо соглашений, если не будут урегулированы вопросы выхода Великобритании из объединения. Прежде всего это касается проблемы ирландской границы, так как по вопросам выплат и прав граждан стороны сумели прийти к консенсусу. В дальнейшем ЕС может продолжать не идти на уступки в качестве показательной меры для европейских евроскептиков. В-третьих, зависимость Великобритании от США и НАТО может привести к серьезным ограничениям для внешнеполитических амбиций Лондона вне Европы, например, в вопросах, касающихся британо-китайских отношений [21].

Третья сфера состоит из институционально-правовых изменений в британской политической системе, политической борьбы между ведущими партиями, проблем деволюции и сепаратизма в странах Соединенного Королевства. Первое касается эволюции государственных институтов страны, развития ее неписаной конституции. Сюда относится образование новых министерств и ведомств, например, создание Департамента международной торговли через месяц после референдума 2016 г. Также трансформация функций и влияния палат британского парламента, института монархии, столкнувшегося с имиджевыми рисками после избрания Бориса Джонсона на пост премьер-министра [22], взаимодействие местных, региональных и общенациональных институтов власти, реорганизация формы государственного устройства страны.

Далее – партийно-политический кризис, с которым столкнулось Соединенное Королевство. На фоне внутрипартийных расколов в рядах консерваторов и лейбористов и неспособности парламента прийти к консенсусу по вопросу Брекзита появились новые влиятельные партии, такие как Партия Брекзита [23, с. 17-23]. Одновременно с этим поменялась повестка региональных партий. Шотландская национальная партия взяла курс на новый референдум об отделении Шотландии. В Северной Ирландии ведущие партии не могут сформировать правительство из-за разногласий по вопросам Брекзита и отделения от Великобритании. В Уэльсе ужесточилась сепаратистская повестка ведущей националистской силы – Партии Уэльса. Сепаратистский дискурс в регионах требует от правительства

расширения деволюции в Шотландии, Северной Ирландии и Уэльсе, что в лучшем случае приведет к дальнейшей реорганизации власти в пользу последних [24], а в худшем – к их отделению от Королевства.

Таким образом, различные комбинации степени влияния ключевого фактора Брексита на факторы более низкого уровня в сферах экономики, внешней и внутренней политики могут привести к диаметрально противоположным результатам. Касаясь конфигурации регионального лидерства Великобритании в Европе и на евроатлантическом пространстве можно предложить несколько приблизительных сценариев. При этом в любом из них ее влияние в ЕС уменьшится.

Во-первых, Соединенное Королевство все еще может остаться в ЕС. Это произойдет в случае организации нового референдума, на котором победят сторонники членства в объединении. И, конечно, правительство должно обладать необходимой для такого решения политической волей. В этом случае Лондон, с большой вероятностью, лишится имевшихся для него ранее исключений внутри объединения. Однако после всеобщих выборов, прошедших 12 декабря 2019 г., возможность такого развития событий значительно сократилась.

Во-вторых, Великобритания может укрепить свои позиции в регионе через уплотнение взаимодействия с США и НАТО при одновременном отсутствии политического единства в ЕС по вопросам внешней политики и обороны. Однако прямого воздействия на политику ЕС оказывать не удастся – она будет третьей страной по отношению к этому объединению.

В-третьих, Лондон может перенаправить ресурсы на укрепление связей с ведущими неевропейскими государствами, в числе которых Китай, Индия, ЮАР, Австралия, Бразилия, Россия и другие. В этом случае субъектность страны в евроатлантическом регионе понизится, однако Великобритания получит возможность превратиться в еще одну независимую силу полицентричного мира, хотя и вряд ли первого разряда. Однако сегодня глубокие и обширные связи страны с США накладывают на нее значительные ограничения, что делает этот сценарий маловероятным.

В-четвертых, в случае тяжелых экономических последствий Брексита и провала внешнеторговых переговоров Соединенное Королевство может значительно понизить субъектность на мировой арене и усилить свою зависимость от США.

В-пятых, рост сепаратизма может привести к отделению от страны Шотландии и Северной Ирландии. В этом случае оставшиеся в составе Великобритании Англия и Уэльс существенно уменьшат свой внешнеполитический потенциал и станут средней страной с региональными амбициями.

В любом случае после запуска механизма выхода из ЕС и неудавшихся переговоров о его условиях статуса-кво уже не будет. Какой бы из сценариев ни реализовался, в Соединенном Королевстве произойдет одна из крупнейших политических трансформаций со времен распада колониальной империи.

КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ ДИНАМИКИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СЕГОДНЯШНЕЙ ИСПАНИИ

Политическое руководство Испании неоднократно заявляло об амбициях страны на мировой арене. В свое время правительство социалистов во главе с Х.Л. Родригесом Сапатеро даже облачило свои внешнеполитические амбиции в ставшей известной формулу: “региональная европейская держава с глобальными интересами”. Эта формула учитывала ресурсы постимперской идентичности страны, те несомненные успехи в экономике, которых достигла Испания в последнее десятилетие до глобального кризиса, а также отражала стремление центральных властей противостоять центробежным настроениям в автономных сообществах (регионах). Исторические особенности государственного и нациестроительства в этой иберийской стране, шаги по глубинной децентрализации экономического и административного управления в постфранкистский период заставляли центральные власти действовать с постоянной оглядкой на регионы, некоторые из которых все чаще пытались оспорить исключительные права государства на внешнеполитическую деятельность и использование инструментов “мягкой силы”.

На наш взгляд, традиционное деление факторов на внешние и внутренние для оценки внешнеполитического потенциала государства довольно условно. Возьмем, к примеру, фактор глобального финансово-экономического кризиса, который проявил себя в отношении Испании как системный, а его негативные последствия показали себя крайне драматически и действовали в течение довольно длительного времени, оказывая влияние и на финансовые, и на кадровые, и на имиджевые ресурсы внешней политики, и на ресурсы “жесткой” и “мягкой” силы страны [25].

Глобальный кризис, а вслед за ним кризис в зоне евро стремительно и убедительно вскрыли структурные слабости и уязвимые места в модели развития государства. Прежде всего под сомнение были поставлены такие показатели, как качество роста, степень соответствия стратегических планов и задач реальным экономическим ресурсам и потенциалу страны, эффективность экономического управления и работы политических институтов. Очень скоро Испания попала в список “больных людей” Европы. Журналисты даже придумали запоминающийся и весьма нелицеприятный неологизм для описания периферийных стран Южной Европы, а также Ирландии — “страны PIGS” (аббревиатура по первым буквам названия на английском языке Португалии, Ирландии, Греции и Испании, англ. *pigs* – свиньи) или “страны PIIGS” (к перечисленным государствам была в свое время добавлена еще и Италия).

В настоящее время стратегической задачей Испании является реформирование сложившейся социально-экономической модели. Однако это реформирование выходит за рамки модернизации, некоего “осовременивания” в технократическом духе с ориентацией на ведущие экономики Евросоюза (германскую – в первую очередь). Речь, вероятно, должна идти не только об институциональных, но и о неинституциональных переменах. В процессе реформирования необходимо учитывать такие параметры, как предпринимательская и трудовая этика, ценностные предпочтения, профессиональная идентичность работников и предпринимателей, эффективная работа институтов с точки зрения их взаимодействия с коллективными субъектами и с индивидами в целях формирования новых практик поведения, ценностей, смыслов и значений. Если исходить из такого понимания усовершенствования национальной социально-экономической модели, становится ясным переменный характер фактора глобального финансово-экономического кризиса – речь идет, скорее, не о внешнем, а о внутреннем факторе, который относительно стабилен во времени, к сожалению, а именно о недостаточной эффективности экономического управления, о невозможности создавать действенные решения для экономического роста.

В свою очередь на ресурсы внешней политики существенным образом оказывает влияние фактор нового подъема партикуляризма в Испании. Сегодня речь может идти, по-видимому, о кризисе государственности, который страна уже переживала в прошлом столетии, после смерти генерала Франко в 1975 г. и который смогла успешно предотвратить, отказавшись от модели жесткого унитарного государства в пользу “государства автономий”, регионального составного государства – некоего среднего между унитарным государством и федерацией.

Аналогичным образом непросто оценить фактор европейской интеграции, используя традиционное деление факторов, в первую очередь на внутренние и внешние. Ключевыми в связи с этим являются более общие концептуальные вопросы. Например, о том, как трансформация модели европейского национального государства в рамках регионального интеграционного проекта меняет, а если меняет, то в каком направлении идентичность граждан Европейского союза, в частности, испанцев; влияют ли и если да, то каким образом, на процессы формирования международно-политического региона в Европе как части глобального мира, на возрождение и политизацию этничности и сепаратистские тенденции в странах – участницах регионального интеграционного объединения; прослеживается ли связь между массовыми инокультурными миграционными потоками в Евросоюз (и в Испанию) и ростом этнических и территориальных форм самосознания и самоидентификации “старых” граждан ЕС.

Политика идентичности и внешнеполитические амбиции отдельных автономных сообществ, последние весьма драматические события в Каталонии, значительная часть политических элит и населения которой выступают за отделение региона от Испании и создание

независимого государства, определяют размежевания в представлениях граждан Испании о своей внешнеполитической идентичности и видимо сокращают ресурсы “мягкой силы” и имиджевые ресурсы государства, которое не всегда способно результативно противостоять сепаратистам.

Феномен сепаратизма в относительно благополучной Европе (не только Испании) привлекает к себе пристальное внимание. Ключевыми остаются вопросы о том, какие решения готовы национальные элиты принять касательно рисков политизации этничности, помимо охранительных и запретительных мер, какие новые пути регулирования межтерриториальных и межэтнических отношений, культурного разнообразия в составных обществах в состоянии разработать и предложить субнациональным элитам и рядовым гражданам, какие дополнительные эффективные инструменты и механизмы могут быть использованы для укрепления идей солидарности в европейских поликультурных национальных государствах, чтобы культурные различия не превращались в культурные размежевания и конфликты.

Не способствует увеличению внешнеполитического потенциала Испании и трансформация партийно-политической системы страны: ее последовательная и расширяющаяся фрагментация ощутимым образом затрудняет формирование устойчивого в политическом плане национального правительства, особенно на фоне непрекращающегося политического конфликта в Каталонии, и необходимости крупнейшим политическим партиям постфранкистской Испании нередко обращаться за парламентской поддержкой к региональным националистам при невозможности сформировать правительство большинства, учитывая специфику электоральной формулы.

* * *

Факторный анализ, особенно его вариант – качественный поисковый анализ долговременных факторов системного характера, может результативно использоваться в анализе внешней политики и внешнеполитического потенциала государства в частности. Появление специальных программ статистической обработки “больших данных”, формулирование гипотез для выявления возможной причинной связи политических явлений и событий позволяют создать достаточно краткую и понятную модель взаимосвязей переменных, провести анализ связи сложного политического явления с фоновыми показателями. Сложность для анализа факторов, влияющих или могущих оказать влияние на внешнеполитический потенциал конкретного государства составляет недостаток или отсутствие в открытых источниках информации об интересующем нас том или ином параметре внешнеполитического потенциала, невозможность в желаемом объеме проводить экспертные опросы и глубинные экспертные интервью, поскольку внешнеполитический процесс, несмотря на развитие новых информационных технологий и аккаунты глав государств и правительств и руководителей внешнеполитических ведомств в социальных сетях, является достаточно непрозрачным, а во многих случаях – попросту закрытым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Булатов А.С. *Национальная экономика: учебное пособие*. Москва, Магистр: ИНФРА-М, 2011. 304 с. [Bulatov A.S. *Natsional'naya ekonomika: uchebnoe posobie* [National Economy: A Study Guide]. Moscow, Magistr: INFRA-M, 2011. 304 p.]
2. Семенов И.С. ред., *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Москва, Весь мир, 2017. 992 с. [Semenenko I.S. ed., *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie* [Identity: Personality, society, politics. Encyclopedic Edition]. Moscow, Ves' mir, 2017. 992 p.]
3. Ахременко А.С. *Политический анализ и прогнозирование*. 2-е издание, исправленное и дополненное. Учебник и практикум. В 2 частях. Москва, Юрайт, 2018. 258 с. [Akhremenko A.S. *Politicheskii analiz i prognozirovaniye*. 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. Uchebnik i praktikum. V 2 chastyakh [Political analysis and forecasting. 2nd edition, revised and supplemented. Textbook and workshop. In 2 parts]. Moscow, Yurait, 2018. 258 p.]
4. Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы “большой теории”. *Полис. Политические исследования*, 2016, no. 6, сс. 69–94. [Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. Tipologiya etnopoliticheskoi konfliktnosti: metodologicheskie vyzovy “bol'shoi teorii” [Typology of Ethnopolitical Conflict: Methodological Challenges of the “Big Theory”]. *Political Studies*, 2016, no. 6, pp. 69–94.]

5. Garrison J.A. ed., Foreign Policy Analysis in 20 / 20 Symposium. *International Studies Review*, 2003, no. 5, pp. 155-202.
6. Rodrigues P., Urdinez F., Oliveira A. de. Measuring International Engagement: Systemic and Domestic Factors in Brazilian Foreign Policy from 1998 to 2014. *Foreign Policy Analysis*, 2019, vol. 15, no. 3, pp. 370-391. DOI: 10.1093/fpa/orz010.
7. Харитоновна Е.М. Эффективность “мягкой силы”: проблема оценки. *Мировая экономика и международные отношения*, 2015, № 6, сс. 48-58. [Kharitonova E.M. Effektivnost’ “myagkoi sily”: problema otsenki [Soft Power Efficiency: The Problem of Evaluation]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2015, no. 6, pp. 48-58.]
8. Ананьина К.А. Особенности использования факторного анализа в исследованиях. *Известия Саратовского государственного университета. Серия: Социология. Политология*, 2018, т. 18, вып. 1, сс. 107-110. [Anan’ina K.A. Osobennosti ispol’zovaniya faktornogo analiza v issledovaniyakh [Features of the use of factor analysis in research]. *Izvestiya Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 107-110.]
9. Капитонова Н.К., Романова Е.В. *История внешней политики Великобритании*. Москва, Международные отношения, 2016. 840 с. [Kapitonova N.K., Romanova E.V. *Istoriya vneshnei politiki Velikobritanii* [Great Britain Foreign Policy History]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2016. 840 p.]
10. Харитоновна Е.М. “Мягкая сила” Великобритании. Москва, ИМЭМО, 2018. 139 с. [Kharitonova E.M. “Myagkaya sila” Velikobritanii [The soft power of the United Kingdom]. Moscow, IMEMO, 2018. 139 p.]
11. *National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015* (2015). Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/478933/52309_Cm_9161_NSS_SD_Review_web_only.pdf (accessed 02.09.2019).
12. *National Security Capability Review* (2018). Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/705347/6.4391_CO_National-Security-Review_web.pdf (accessed 02.09.2019).
13. *EU withdrawal scenarios and monetary and financial stability, A response to the House of Commons Treasury Committee* (2018). Available at: <https://www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/report/2018/eu-withdrawal-scenarios-and-monetary-and-financial-stability.pdf?la=en&hash=B5F6EDCDF90DCC10286FC0BC599D94CAB8735DFB> (accessed 02.09.2019).
14. *UK Economic Outlook* (2019). Available at: <https://www.pwc.co.uk/services/economics-policy/insights/uk-economic-outlook.html> (accessed 02.09.2019).
15. *Investors pull billions from UK on prospect of no-deal Brexit* (2019). Available at: <https://www.ft.com/content/e9ed11e0-7fb4-35ec-b2d2-1cfc09fec50a> (accessed 02.09.2019).
16. *Industrial Strategy* (2017). Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/664563/industrial-strategy-white-paper-web-ready-version.pdf (accessed 02.09.2019).
17. *Export Strategy* (2018). Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/737201/HMG_Export_Strategy.pdf (accessed 02.09.2019).
18. *EU Exit – Trade Analysis*. Available at: <https://www.nisra.gov.uk/statistics/eu-exit-analysis/eu-exit-trade-analysis> (accessed 04.09.2019).
19. *Memorandum from the Foreign and Commonwealth Office* (2018). Available at: https://publications.parliament.uk/pa/cm201719/cmselect/cmfaff/780/78008.htm#_idTextAnchor035 (accessed 02.09.2019).
20. *UK to recruit 1000 more diplomatic staff to maintain international clout after Brexit, Jeremy Hunt to announce* (2018). Available at: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/uk-brexit-diplomats-staff-language-increase-foreign-embassies-jeremy-hunt-a8608921.html> (accessed 02.09.2019).
21. Алешин А.А., Кислицын С.В. Брекзит и будущее “особых отношений” США и Великобритании. *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*, 2019, т. 11, № 1, сс. 138-171. [Aleshin A.A., Kislitsyn S.V. Brekzit i budushchee “osobykh otnoshenii” SShA i Velikobritanii [Brexit and the future of “special relations” of the USA and Great Britain]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, 2019, vol. 11, № 1, pp. 138-171.]
22. Ананьева Е.В. Будет ли новый премьер-министр Британии пользоваться доверием парламента? *Институт Европы РАН. Аналитическая записка № 22*, 2019, № 173. 6 с. [Anan’eva E.V. Budet li novyi prem’er-ministr Britanii pol’zovat’sya doveriem parlamenta? [Will the new British Prime Minister enjoy the confidence of Parliament?] *Institut Evropy RAN. Analiticheskaya zapiska no. 22*, 2019, no. 173. 6 p.] Available at: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2019/an173.pdf> (accessed: 04.09.2019).
23. Ананьева Е.В. Британия: раскол в ведущих партиях на фоне брекзита. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, 2019, №1, сс. 17-23. [Anan’eva E.V. Britaniya: raskol v vedushchikh partiyaх na fone brekzita [Britain: split in leading parties against Brexit]. *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN*, 2019, №1, pp. 17-23.]
24. Шейн С.А. “Деволуция – это процесс, а не событие”. Деволуционная динамика в Шотландии и Уэльсе (1998–2018). *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*, 2018, т. 2, вып. 2, сс. 194-199. [Shein S.A. “Devolyutsiya – eto protsess, a ne sobytie”. Devolyutsionnaya dinamika v Shotlandii i Uel’sе (1998–2018) [“Devolution is a process, not an event.” Devolutionary dynamics in Scotland and Wales (1998–2018)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, vol. 2, iss. 2, pp. 194-199.]
25. Прохоренко И.Л. Кризис в еврозоне как вызов испанской модели развития. *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*, 2013, № 3, сс. 69-99. [Prokhorenko I.L. Krizis v evrozone kak vyzov ispanskoi modeli razvitiya [Eurozone crisis as a challenge to the Spanish development model]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, 2013, no. 3, pp. 69-99.]

**TO THE ISSUE OF ASSESSING A STATES' FOREIGN POLICY POTENTIAL
IN FORECASTING STUDIES**

(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2019, no. 3, pp. 12-22)

Received 12.10.2019.

*Irina L. PROKHORENKO (irinapr@imemo.ru),
Alexander A. ALESHIN (aleshin.a@imemo.ru).*

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Acknowledgements. The article was prepared at IMEMO within the project of the Russian Foundation for Basic Research No. 19-011-31625 "The Main Trends and Risks of Global Political Development: Methodology and Methods of Forecasting Studies".

The article introduces an approach to identifying a state's foreign policy potential and its components. It aims to assess the dynamics of the foreign policy potential and analyze foreign policy in the context of forecasting logic of states' foreign policy behavior. The authors offer their own interpretation of a state's foreign policy potential as a multidimensional and historically entrenched set of foreign policy resources, which interact with one another in varying degrees, as assets, means, possibility and capacity of a state to efficient use of its tangible and intangible advantages and project its strength externally. They evaluate the prospects and limitations of quantitative factor analysis in assessing foreign policy potential of states and specific foreign policy resources. Using contemporary United Kingdom and Spain as examples, the authors identify key (systemic) factors playing the role in their foreign policy potential transformation. Identifying such factors and detection of long-term political trends and risks of country development provide opportunities of predictive estimates not only for the foreign-policy analysis of specific states, but in a broader context of regional and international political processes.

Keywords: foreign policy potential of a state, foreign policy resources, foreign policy analysis, factor analysis, United Kingdom, Brexit, Spain, Catalan conflict, European Union, forecasting.

About the authors:

*Irina L. PROKHORENKO, Doc. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Sector of International Organizations and Global Political Governance, Department of International Political Problems,
Alexander A. ALESHIN, Junior Researcher, Sector of International Organizations and Global Political Governance, Department of International Political Problems.*

DOI: 10.20542/afij-2019-3-12-22

СОДРУЖЕСТВО НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ: ПРОСТРАНСТВЕННО-ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДИНАМИКА

© 2019 г. Д. МАЛЫШЕВ

МАЛЫШЕВ Дмитрий Валерьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора Баларуси, Молдовы и Украины Центра постсоветских исследований. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (dimal.68@mail.ru).

Статья подготовлена в ИМЭМО РАН при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31625 “Основные тренды и риски мирового политического развития: методология и методики прогнозных исследований”.

Малышев Д.В. Содружество Независимых Государств: пространственно-организационная динамика.

Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2019, № 3, сс. 23-36. DOI: 10.20542/afj-2019-3-23-36.

DOI: 10.20542/afj-2019-3-23-36

УДК: (4)+(57): 327.7: 323+323.1+327

Статья поступила в редакцию 04.12.2019.

В статье с использованием системного подхода и метода экстраполяции дан анализ основных направлений становления и развития Содружества Независимых Государств (СНГ) в пространственно-организационном разрезе с целью выявления возможностей и перспектив формирования в его рамках международного региона на различных этапах институционального структурирования. Особое внимание уделено тенденциям динамики и современному состоянию СНГ как международной организации, а также ключевым вызовам, с которыми сталкиваются государства – участники объединения. Рассмотрены существующие в СНГ конфликтные зоны и их влияние на межгосударственное взаимодействие внутри Содружества.

Ключевые слова: СНГ, международный регион, международная организация, Центральная Азия, Южный Кавказ, Российская Федерация, прогнозирование.

Со времени обретения республиками бывшего СССР независимости в 1991 г. минуло уже почти 30 лет. Тот путь, который новые независимые государства прошли за это время, сопровождался поиском их идентичности и места в системе новых международных отношений и мирового порядка. Целью статьи является попытка выявления возможностей и перспектив формирования в рамках СНГ международного региона на различных этапах его институционального становления и развития.

ОТ БИПОЛЯРНОСТИ И “ПЕРЕСТРОЙКИ” К СНГ

Одним из наиболее значимых итогов Второй мировой войны явилась трансформация господствовавшей с XVII в. в международных отношениях “Вестфальской системы” и частичная замена ее новой – Ялтинско-Потсдамской. Хотя само это название считается в определенном смысле условным в силу того, что конференции “большой тройки”, прошедшие в разные месяцы 1945 г. в Ялте (4–11 февраля) и Потсдаме (17 июля – 2 августа), “лишь наметили общие контуры послевоенного устройства” [1, с. 11], главным в этой системе стал феномен биполярности – новое (и иное, если сравнивать с предшествующими историческими периодами) соотношение сил на международной арене.

Ялтинско-Потсдамскую систему характеризовало не только (и не столько) геополитическое соперничество СССР и США – недавних союзников по антигитлеровской коалиции, ставших непримиримыми соперниками – сколько идеологическое противостояние по линии коммунизм–антикоммунизм. Логика биполярного противоборства привела к созданию двух соперничающих военно-политических блоков – Организации Североатлантического договора (НАТО) в 1949 г. и Организации Варшавского договора (ОВД) в 1955 г. С этими противостоящими друг другу силами и структурами активно взаимодействовали страны так называемого Третьего мира.

Ситуация в мире начала резко изменяться (и далеко не в пользу Москвы) с 1985 г., когда в СССР были запущены процессы политической трансформации, инициированные горбачевской “перестройкой”. На международной арене советское государство стало активно сдавать свои позиции. Особенно ощутимым это было в Восточной Европе, по которой в 1989–1990 гг. прокатились так называемые бархатные, или нежные, революции, приведшие к власти прозападные элиты. В итоге были распущены Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) и ОВД, произошло с согласия СССР объединение ФРГ и ГДР, откуда были выведены советские войска. За сдачей СССР внешнеполитических позиций последовали и просчеты в политике внутренней. Как вспоминал в своей книге “Мир без России? К чему ведет политическая близорукость” академик Е.М. Примаков, “Горбачев, как мне кажется, надеялся, что с помощью нового, учитывающего особенности перестроечного периода политического договора удастся сохранить СССР. Однако Ельцин, Кравчук и Шушкевич с необычайной легкостью и, как выяснилось, подбадривая себя невероятным количеством выпитого, подписали в Беловежской Пуще документ о ликвидации Советского Союза” [2, с. 13].

Как справедливо подмечено Е.М. Примаковым, после формального завершения холодной войны и ухода СССР из мировой политики вследствие распада биполярности, “на Западе, особенно в Соединенных Штатах, начал падать интерес к России как к одному из главных игроков на международной арене” [3, с. 5]. Объяснялась такая позиция Соединенных Штатов, а вслед за ними и других стран Запада, несколькими факторами: во-первых, убеждением в том, что Россия – это не СССР и никогда им не станет, а следовательно, она и не сможет играть ту ключевую роль в международных отношениях, которую играл Советский Союз; во-вторых, быстрым и очень динамичным развитием Китая, которому Запад, на фоне понижения в мировых делах российского фактора, уделял все большее внимание; в-третьих, вкладом в мировую экономику, который был не в пользу России, причем не только в сравнении с КНР, но особенно с рядом постиндустриальных стран [3, с. 5].

Известный американский политолог и политик З. Бжезинский в одной из своих наиболее часто цитируемых книг “Великая шахматная доска. Господство Америки и его стратегические императивы” отмечал: “В результате краха соперника Соединенные Штаты оказались в уникальном положении. Они стали первой и единственной мировой державой” [4, с. 20]. В какой-то мере ему вторил не менее известный американский ученый С. Хантингтон, утверждавший, что если США не будут господствовать в мире, то в нем начнутся беспорядки, произойдет рост насилия, будет меньше демократии. Отсюда делался вывод, что именно глобальное лидерство и даже гегемония Соединенных Штатов есть и будет самым важным для благосостояния и безопасности как американцев, так и всего международного порядка [5, с. 83].

После распада СССР в 1991 г. определенная асимметрия в экономических потенциалах России и США привела к возникновению подобной же асимметрии в ядерных потенциалах двух стран. США стремились закрепить свое превосходство над российским ВПК, следствием чего стало подписание в 1993 г. Договора СНВ-2. Он, во-первых, предусматривал более глубокое сокращение боезарядов, и, во-вторых, запрещал межконтинентальные баллистические ракеты с разделяющимися головными частями, которые на тот момент составляли основу российского ядерного потенциала сдерживания. В дальнейшем переговоры и заключение договоров в данной сфере были продолжены [6, с. 221-222].

После распада СССР перед новыми государствами, которые, по сути, оставались республиками бывшего Союза, возникло несколько альтернатив: а) более тесная интеграция; б) взаимодействие на базе сложившейся в советские времена системы инфраструктурных

связей; в) отказ от сотрудничества, что означало следование не вполне обоснованной логике существования в рамках разбалансированного и становившегося все менее взаимосвязанным "постсоветского пространства". Оно ни в экономическом, ни в политическом плане не могло в начале 1990-х годов и не может в настоящее время претендовать на некую коллективную субъектность в международных отношениях, не будучи по сути международным регионом подобно Европейскому союзу или АСЕАН. Да и само по себе понятие "постсоветское пространство" является достаточно расплывчатым и уязвимым.

Напомним, что оно было введено в политический и научный обиход советским ориенталистом, научным сотрудником Института востоковедения АН СССР (в настоящее время – РАН) профессором А. Прусаускасом. 7 февраля 1992 г. в "Независимой газете" была опубликована его статья с характерным названием "СНГ как постколониальное пространство" [7]. Основная идея А. Прусаускаса сводилась к сравнению положения государств постсоветского пространства с колониальными землями прошлых империй, которые и после обретения независимости оставались в сфере влияния бывших метрополий.

Но факт оставался фактом – СССР как единое и мощное государство прекратил свое существование, и на его пространстве образовалось 15 независимых государств, которые были до этого союзными республиками. Основным интеграционным объединением в данном регионе стало Содружество Независимых Государств. В последние месяцы существования СССР возникла идея создания Союза Суверенных Государств – ССГ [8], но вместе с распадом СССР и фактическим отказом М. Горбачева от власти этот проект уже не мог быть реализован.

СТАНОВЛЕНИЕ СНГ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЕГО РАЗВИТИЯ

8 декабря 1991 г. в Вискулях председатель Верховного Совета Республики Беларусь (РБ) С. Шушкевич, президент РФ Б. Ельцин и президент Украины Л. Кравчук подписали Соглашение о прекращении существования СССР и создании СНГ, которое более известно как Беловежское соглашение. Главная идея документа сводилась к тому, что РБ, РФ и Украина как государства – учредители СССР, который был создан 30 декабря 1922 г., констатируют, что он прекращает свое существование. Сам текст соглашения включал 14 статей. В них, в частности, подчеркивалась неприкосновенность существовавших на момент распада СССР государственных границ, гарантии их открытости и свобода передвижения граждан по территории нового образования – Содружества Независимых Государств [9].

Изначально "Высокие Договаривающиеся Стороны", как именовали себя главы государств, подписавшие Беловежское соглашение, определили основные сферы совместной деятельности: внешняя политика, развитие общего экономического пространства, развитие систем транспорта и связи, охрана окружающей среды, миграционная политика, борьба с организованной преступностью и др. Российский ученый Е. Пивовар в работе "Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Исторический очерк" отмечает, что юридическое оформление произошло, и было образовано Содружество Независимых Государств в результате принятия двух актов: Соглашения об образовании СНГ от 8 декабря 1991 г. (Белоруссия, Россия и Украина) и Протокола к нему от 21 декабря 1991 г., подписанного 11 суверенными государствами [10, с. 32].

В процессе создания СНГ его учредители ставили перед этой новой международной межправительственной структурой вполне определенные задачи. Во-первых, провести ликвидацию СССР с наименьшими потерями для бывших союзных республик; во-вторых, способствовать выполнению обязательств, которые на момент прекращения своего существования имел Советский Союз; в-третьих, способствовать новым республикам в получении международного признания; в-четвертых, создать новое общее экономическое пространство, используя богатый опыт совместного взаимодействия, который республики приобрели в рамках СССР [11, с. 17-18].

Необходимо отметить, что само решение о роспуске Союза, как с политической, так и особенно с юридической точки зрения, представляется крайне проблематичным. В частности, нельзя не учитывать тот факт, что на референдуме, который был проведен

по инициативе президента СССР М. Горбачева 17 марта 1991 г. и ставил целью выяснить отношение граждан к судьбе единого государства, подавляющее большинство населения (76.4%) высказалось за сохранение СССР в качестве “обновленной федерации равноправных суверенных республик” [12, с. 26]. Кроме того, в соответствии с Конституцией СССР как 1936 г., так и 1977 г., его учредителями являлись все 15 союзных республик – следовательно, возникал закономерный вопрос: какое юридическое право было у представителей только трех республик своим волевым решением распустить весь Советский Союз?

Но процесс распада СССР становился уже необратимым. Это объяснялось как общей ситуацией кризиса этого государственного образования, так и складывавшейся мировой конъюнктурой. В итоге 21 декабря 1991 г. главы на тот момент еще 11 советских республик (за исключением Грузии и республик Прибалтики – Латвии, Литвы и Эстонии) подписали “Протокол к Соглашению о создании Содружества Независимых Государств, подписанному 8 декабря 1991 года в Минске Республикой Беларусь, Российской Федерацией (РСФСР), Украиной” [13]. Этот документ фактически означал признание союзными республиками факта роспуска СССР и образования СНГ. Итогом данного процесса стало подписание “Алма-Атинской декларации”, основная идея которой сводилась к тому, что “с образованием Содружества Независимых Государств Союз Советских Социалистических Республик прекращает свое существование” [14]. Следовательно, распад Союза ССР был юридически оформлен крайне спорными по своему содержанию и значению документами, особенно учитывая тот факт, что декларация де-юре вообще не является документом обязательного значения, то есть предполагающим неукоснительное выполнение ее предписаний и носящим только рекомендательный характер.

Итогом всего этого процесса стало принятие 22 января 1993 г. уже образованным к этому времени Советом глав государств СНГ в Минске Устава СНГ. Данный юридический акт, являющийся основным базовым документом СНГ, состоит из 45 статей и определяет основные направления, цели и принципы СНГ. Главный посыл Устава – СНГ будет действовать, исходя из незыблемого права государств на суверенное равенство и право являться самостоятельными и равноправными субъектами международного правопорядка. Устав апеллирует и к основным принципам и нормам международного права, в частности, к Уставу ООН, Хельсинскому заключительному акту СБСЕ/ОБСЕ и т.д. [15]

Перед самими новыми постсоветскими странами встали неотложные задачи, связанные с обеспечением своего благоприятного развития и безопасности. Кроме того, им необходимо было определить и свое положение в системе современных международных отношений, направленность связей и взаимоотношений с другими странами, как с мировыми державами, так и со своими непосредственными соседями. Перед молодыми государствами стояла непростая задача отстоять свой суверенитет, заняться стратегически важными вопросами национально-государственного строительства.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СНГ

На сегодняшний день СНГ является полноценной международной организацией. После своего создания в декабре 1991 г. оно прошло непростой путь развития, итогом которого стало формирование целостной структуры органов и их подразделений, позволяющие Содружеству выполнять функции, определяющие суть деятельности данной организации.

Высшим органом СНГ является Совет глав государств (СГГ) (ст. 21 Устава СНГ). Он имеет полномочия рассматривать любые вопросы, которые затрагивают интересы как государств-участников, так и заинтересованных государств (которые, не являясь членами СНГ или не входя в СГГ, тем не менее, имеют свои интересы в решении тех или иных вопросов в рамках Содружества). К исключительным вопросам ведения СГГ относятся решения по поводу внесения изменений в Устав СНГ; создание новых органов Содружества, а также упразднение старых; совершенствование деятельности органов СНГ и т.д. В течение одного календарного года проводится, как правило, два заседания СГГ – одно очередное (официальное) и одно неофициальное (которое СМИ часто называют “встречей без галстуков”). В том и другом случае действует общее правило принятия решений в СГГ – консенсус, который предусматривает

общее согласие государств – членов СНГ по поводу того или иного вопроса. Если хотя бы одно государство выскажется против, решение не принимается. Исключением из данного правила может служить заявление государства СНГ о его незаинтересованности в решении данного вопроса, тогда оно (это государство) может воздержаться от голосования, и это не будет считаться нарушением “правила консенсуса”.

В 2019 г. ротационное председательство в СНГ осуществлял Туркменистан. Несмотря на то, что страна обладает в Содружестве статусом ассоциированного члена, это не препятствует выполнению республикой подобной функции. Туркменистан одновременно председательствует в Совете глав государств, Совете глав правительств, Совете министров иностранных дел, Экономическом совете, Совете полномочных представителей и в ряде других органов СНГ. Как следует из “Концепции председательства Туркменистана в Содружестве Независимых Государств в 2019 г.” приоритетными целями данного председательства является укрепление доверия и взаимопонимания между государствами СНГ, повышение уровня сотрудничества с авторитетными международными организациями, в частности, с ООН и ОБСЕ, укрепление взаимодействия между странами СНГ, прежде всего, в таких сферах, как энергетика, связь, транспорт и коммуникация [16].

Само председательство в СГГ СНГ осуществляется в порядке русского алфавита в течении календарного года, который начинается с 1 января. При этом государство может отказаться от своей очередности, и в этом случае председательство переходит к следующему по алфавиту государству (подобным правом, например, в 2014 г. воспользовалась Украина) [17]. В состав СГГ входят президенты стран СНГ (единственным исключением является Республика Армения, которая представлена здесь премьер-министром страны Н. Пашиняном, что объясняется строем парламентской республики, где основной объем полномочий сосредоточен в руках главы правительства). В СГГ представлен и новый президент Украины В. Зеленский, хотя формально, как уже было сказано выше, страна не является де-юре членом СНГ [18].

Координацию органов исполнительной власти СНГ осуществляет Совет глав правительств (СГП). Он, в соответствии со ст. 22 Устава Содружества, собирается на заседания не реже четырех раз в год. Его решения принимаются, как и в СГГ, консенсусом, но при этом действует то же правило – государство может уклониться от обсуждения того или иного вопроса, если он не затрагивает его интересы, и это не будет являться препятствием для принятия решения. Ст. 24 Устава указывает, что заседания СГГ и СГП проводятся, как правило, в столице СНГ Минске, но в соответствии с уже сложившейся практикой они проходят на территории государства, которое в текущем году председательствует в Содружестве. К основным функциям СГП относятся: реализация на практике поручений СГГ; содействие нормальному функционированию Зоны свободной торговли СНГ; принятие программ развития промышленности, сельского хозяйства, других отраслей экономики и их реализация; финансовое обеспечение деятельности органов СНГ и т.д. Председательство в СГП осуществляет глава правительства государства, которое председательствует в СНГ.

В соответствии со ст. 27 Устава СНГ координацию внешнеполитической деятельности Содружества осуществляет Совет министров иностранных дел (СМИД). Данная структура была создана решением СГГ СНГ 24 сентября 1993 г. В своей деятельности СМИД реализует задачи по развитию сотрудничества государств СНГ в области взаимодействия их дипломатических служб, гуманитарного и правового сотрудничества, мирному урегулированию споров и конфликтов, содействию органам СНГ в обеспечении безопасности, противодействие вызовам и угрозам и т.д. Председателем СМИД является министр иностранных дел страны, председательствующей в СНГ. В 2019 г. эту должность занимал министр иностранных дел Туркменистана Р. Мередов.

Большое значение в рамках формирования и развития институциональной структуры СНГ играли и играют проблемы обороны и безопасности. В этой связи очень важной структурой в рамках деятельности Содружества является Совет министров обороны (СМО).

В соответствии со ст. 30–31 Устава СНГ СМО – орган СГГ, который занимается вопросами военной политики и военного строительства. Непосредственно с подобной деятельностью связана и еще одна структура – Совет командующих Пограничными войсками (СКПВ),

являющийся органом СГГ по вопросам охраны внешних границ государств СНГ и обеспечения на них стабильного положения.

СМО был образован 14 февраля 1992 г. решением СГГ СНГ. (Тогда это решение было принято главами пяти государств СНГ – Республикой Арменией, Республикой Казахстан, Российской Федерацией, Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан; 22 января 1993 г. к ним присоединилась Кыргызская Республика). 15 апреля 1994 г. было утверждено Положение о СМО СНГ, и к нему, помимо вышеуказанных стран, присоединилась Азербайджанская Республика, а также Республика Беларусь и Грузия (последняя вышла из данной структуры еще в 2006 г. – то есть до того, как официально завершила в 2009 г. свое членство в СНГ). В СМО предусмотрен статус страны-наблюдателя – таковыми стали Республика Молдова, Туркменистан и Украина. В настоящее время молдавский министр обороны входит в СМО; Туркменистан остался там в статусе наблюдателя, а Украина в деятельности СМО не участвует.

Как структура СНГ СМО выполняет функции координации военного сотрудничества стран СНГ, решения вопросов военной политики и военного строительства, других проблем, связанных с военным взаимодействием государств – участников СНГ. Заседания СМО, как правило, проводятся два раза в год. Что касается председательства в СМО, то с момента его создания (хотя уставные документы СНГ это не предписывают) его осуществляет министр обороны РФ. С 2012 г. эту функцию выполняет С. Шойгу.

Со СМО связана и деятельность еще одной структуры СНГ – Антитеррористического центра СНГ (АТЦ). Его создание было вызвано возросшей в 1990-е годы в странах СНГ активностью террористических и экстремистских группировок, что создавало серьезные вызовы для национальной безопасности новых независимых государств, образовавшихся после распада СССР. После ряда консультаций СГГ СНГ в Москве принял 21 июня 2000 г. решение о создании АТЦ для противодействия террористической угрозе на пространстве СНГ. С 2006 г. эту структуру возглавляет генерал-полковник полиции А. Новиков (РФ) [19].

Ни одна международная организация (и СНГ в этом плане не является исключением) не может обойтись без исполнительно-координирующего органа. Такой структурой стал Исполнительный комитет (Исполком) СНГ, который был создан 2 апреля 1999 г. решением СГГ. В настоящее время он является одним из немногих постоянно действующих исполнительных, административных и координирующих органов Содружества. Важный аспект его деятельности – обеспечение нормального функционирования всех высших органов СНГ, о которых говорилось выше. Исполком возглавляет Исполнительный секретарь СНГ, с 2007 г. эту должность занимает С. Лебедев [20].

Как и многие международные организации, СНГ имеет свой парламентский компонент. Он связан прежде всего со взаимодействием парламентариев стран, входящих в данную международную структуру. В СНГ эту функцию выполняет Межпарламентская Ассамблея (МПА) СНГ. Она была образована 27 марта 1992 г. в Алма-Ате в соответствии с Соглашением, которое было подписано главами парламентов государств СНГ. Уже тогда штаб-квартирой МПА СНГ стал Таврический дворец в Санкт-Петербурге.

Одной из основных задач МПА является работа по гармонизации законодательства государств СНГ. Кроме того, важнейшее направление деятельности МПА – создание модельных законов, которые представляют четкие юридические ориентиры для сближения нормативных актов государств Содружества. Нельзя не отметить и такую важную составляющую деятельности МПА, как миротворчество – так, при ее активном участии в мае 1994 г. было подписано Бишкекское соглашение, положившее конец активной военной стадии противостояния в Нагорном Карабахе и действующее в настоящее время. Также МПА занимается мониторингом выборов в странах СНГ: наблюдатели ассамблеи следят за прозрачностью данного процесса в странах Содружества [21].

Экономическая составляющая СНГ представлена работой Экономического суда и Экономического совета СНГ.

Идеи экономического взаимодействия государств СНГ заложены в первых базовых документах Содружества – в Соглашении о создании СНГ от 8 декабря 1991 г. и Алма-Атинской декларации от 21 декабря 1991 г. 15 мая 1992 г. в Ташкенте было принято решение о создании Хозяйственного суда Содружества (таково первоначальное название Экономического суда СНГ). Чуть позже, 6 июля 1992 г., на заседании СНГ в Москве руководители Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Молдова, Российской Федерации, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан подписали Соглашение о статусе Экономического суда СНГ. Местом его нахождения избрали столицу Содружества – г. Минск. Правда, в дальнейшем свой статус в данной структуре изменили Армения и Молдавия, которые фактически дистанцировались от деятельности Экономического суда. Он с марта 2004 г. выполнял функции суда Евразийского Экономического Сообщества (ЕврАзЭС). В настоящее время Экономический суд СНГ представляет собой своеобразный арбитраж по разрешению экономических споров между государствами СНГ, которые не попадают под юрисдикцию национальных хозяйственных и арбитражных судов. С 2012 г. Председателем Экономического суда является Л. Каменкова (Республика Беларусь).

Нельзя не упомянуть и о такой консультативной структуре, действующей в рамках СНГ, как Экономический совет. Он был образован в апреле 1999 г. и стал преемником Межгосударственного экономического комитета Экономического союза. Его главным предназначением является разработка предложений о создании системы взаимных расчетов и платежей по торговым операциям, создание необходимых условий для перехода к более высокой степени экономической интеграции и вхождения государств СНГ в мировую хозяйственную систему. Для реализации своих целей Экономический совет вносит на рассмотрение СГГ и СГП предложения и проекты документов по вопросам социально-экономического характера, осуществляет консультации в данной сфере и содействует обмену опытом в плане решения социально-экономических проблем. Экономический совет состоит из заместителей глав правительств государств СНГ, в его заседаниях принимает участие Исполнительный секретарь СНГ [22].

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СНГ – СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И АКТУАЛЬНЫЙ ПРОГНОЗ

В современных международных отношениях в условиях взаимозависимости, транснационализации и глобализации возник феномен “региона” (международного региона), который формируется как пространственно-временная структура. Как правило, регион является в своем роде уникальным механизмом управления пространством. Регион исследуется многими естественными и гуманитарными науками, такими как экономика, география, культурология, этнология, политология и др. Выявить сходства и различия между отдельными регионами позволяет прежде всего сравнительный метод научного исследования [23, с. 4-19].

В регионализации СНГ и, если рассматривать шире, постсоветского пространства, существуют различные подполитико-географические элементы:

- 1) Восточноевропейский компонент;
- 2) подсистема Центрально-Азиатского региона;
- 3) Закавказский компонент.

Важно в этой связи учитывать, что одним из наиболее значимых субъектов СНГ является Россия, которая выступает не только в качестве суверенного государства – Российской Федерации, но и крупного территориального компонента Содружества.

Восточноевропейский компонент СНГ представлен тремя государствами – Украиной, Беларуссией и Молдавией. С определенной долей условности сюда можно включить и непризнанные де-факто государства – Приднестровскую Молдавскую Республику (ПМР), расположенную на левом берегу р. Днестр (за исключением города Бендеры, который находится на правом берегу этой реки), а также сформировавшиеся на Юго-Востоке Украины Донецкую и Луганскую Народные Республики, которые отказываются признавать режим, установившийся в Киеве после февраля 2014 г.

Восточноевропейский компонент представляет собой скорее некую искусственную модель исследования, поскольку включенные в него страны нельзя рассматривать в единой взаимосвязи: они существенно отличаются друг от друга как в социально-экономическом, так и в политико-культурном отношении. Две славянские республики – Украина и Белоруссия – имеют разные модели развития, разные партийно-политические системы. На Украине фактически сложилась парламентская республика, Белоруссия – республика полупрезидентская или президентско-парламентская. Парламентская республика установилась и в Молдавии, но этнически молдаване не имеют отношения к славянскому миру, относясь к балкано-романской подгруппе.

Украина занимает в СНГ особое положение. Она, с одной стороны, стоит у истоков создания Содружества (УССР – подписант Беловежского соглашения 1991 г.); с другой стороны, Киев изначально дистанцировался от всех интеграционных процессов, которые имели место в СНГ. Украина не ратифицировала Устав СНГ и, следовательно, де-юре не является членом данной организации. Кроме того, республика сразу же после распада СССР заявляла о стремлении интегрироваться в евроатлантические структуры – ЕС и НАТО. Переломными узлами в данном процессе стали “оранжевая революция” (укр. “помаранчева революція”) 2004 г. и “революция достоинства” (укр. “революція гідності”) 2013–2014 гг.

Украина не направляла официальных документов в Исполком СНГ о выходе из этой организации, но, по данным самого Исполнительного комитета, вышла из ряда тематических соглашений, которые действуют в рамках Содружества. В частности, в 2015 г. она отказалась от соглашения о направлении миссии наблюдателей СНГ на выборы, бывший президент страны П. Порошенко подписал Указ об отзыве представителей Украины из всех уставных органов СНГ, а в мае 2018 г. он опубликовал указ о выходе Украины из международных договоров СНГ. В самой организации тогда даже выразили удивление этим указом, так как к тому времени Киеву уже некого было отзываться из органов СНГ.

Экономика Украины находится в состоянии затяжного кризиса. Выход из него в ближайшее время маловероятен, учитывая огромный внешний долг страны – только в апреле 2019 г. он вырос на 1 млрд долл. и совокупно составил 79.82 млрд долл. [24] Общий уровень падения производства, который только в июне 2019 г. составил 2.3% по сравнению с июнем 2018 г. [25], не внушает надежд на преодоление негативных макроэкономических тенденций.

Во внутренней политике нового (шестого по счету) украинского президента В. Зеленского, который, преодолев два тура выборов, вступил в должность после инаугурации 20 мая 2019 г., просматриваются робкие попытки изменить и переформатировать политику своего предшественника П. Порошенко. Главные направления деятельности нового главы государства сводились до недавнего времени в основном к борьбе с коррупцией, охране окружающей среды, развитию туризма и рекреационных зон [26]. Проблемы у В. Зеленского возникали и будут возникать с Верховной Радой, так как строй парламентской республики, установившийся на Украине, очень существенно ограничивает полномочия президента, перераспределяя их в пользу депутатского корпуса.

Характер отношений к СНГ при новой власти абсолютно не изменился. В частности, вице-премьер и министр Украины по европейской и евроатлантической интеграции Д. Кулеба назвал СНГ “клубом неудачников”, который, по его словам, “ни на что не способен”. А потому лично для него “СНГ – это закрытая история” [27]. Его позицию, судя по всему, разделяют и другие представители новой украинской власти, и пока нет никаких признаков того, что эти взгляды изменятся, учитывая шаги Киева в сторону частичной интеграции и Европейским союзом (подписание соглашения об ассоциированном членстве и создание зоны свободной торговли с ЕС).

Украинское руководство продолжит стратегический курс на сближение с Западом, сохранятся и основные внешнеполитические тренды в отношении России – требование вернуть Крым, прекратить поддержку неподконтрольных официальным киевским властям территорий юго-востока страны, другие вопросы, которые обусловят безоговорочную поддержку Украиной санкционного давления на РФ.

Республика Беларусь (РБ) занимает особое место в Восточноевропейском компоненте СНГ. Эта страна участвует во всех интеграционных объединениях, созданных в регионе Содружества. РБ совместно с РФ является членом Союзного Государства России и Беларуси, состоит в ОДКБ и ЕАЭС, а с 2015 г. является государством-наблюдателем в Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС). РБ – наиболее последовательный союзник России на пространстве СНГ, несмотря на имевшиеся и имеющиеся определенные политические и экономические разногласия. Экономика РБ демонстрирует стабильный рост, лидирующие позиции традиционно занимают обрабатывающая промышленность, торговля и транспортная деятельность. Основным экономическим партнером РБ продолжает оставаться РФ. Хотя, учитывая некоторые сложности в российско-белорусских отношениях (связанные, в частности, с осуществлением поставок в Россию товаров, которые попадают под российские контрсанкции), РБ будет искать новые рынки сбыта для своей продукции. Маловероятно, что таким рынком станет Европа, скорее всего, продукция Белоруссии отправится на Восток и Юг, главным образом, в Казахстан, Китай и Турцию.

Внутриполитическое положение РБ отличается высокой степенью стабильности. Страна избежала и, как представляется, в будущем избежит серьезных политических потрясений. Маловероятен в ближайшее время сценарий смены власти в республике, несмотря на то, что на 2020 г. в стране намечены президентские выборы.

Внешняя политика РБ также достаточно стабильна. Страна участвует во всех мероприятиях, осуществляемых в рамках СНГ. При этом Минск не отказался от участия в программе ЕС “Восточное партнерство” и пытается нормализовать свои отношения с США, со стороны которых даже прозвучал призыв не называть больше Белоруссию “последней диктатурой Европы” [28]. И все же именно отношения со странами СНГ объявляются “одним из основных внешнеполитических и внешнеэкономических приоритетов Республики Беларусь”, что выглядит вполне закономерно, так как это определено целой совокупностью исторических, экономических, политических и культурных факторов [29].

Республика Молдова (РМ) является одной из наиболее проблемных стран Восточноевропейского компонента и СНГ в целом. Осложняет развитие республики замороженный конфликт в Приднестровье и проблема Гагаузии – также в какой-то мере лишь отложенная. Что касается первого узла противоречий, то в обозримой перспективе они не будут разрешены в силу наличия давно сложившихся в Приднестровской Молдавской Республике собственных структур власти и отличных от Молдавии экономических отношений, которые де-факто имеют место в этом непризнанном государственном образовании. Гагаузия, не претендующая на статус независимого государства, занимает, тем не менее, особое место в государственно-территориальной структуре РМ. Глава Гагаузии (башкан) фактически обладает правами полунезависимого правителя, не намеренного в обозримой перспективе утратить такой статус или же поделиться с официальным Кишинёвом частью своих полномочий.

Экономика РМ носит аграрный характер, при том, что основная часть промышленности республики находится на территории непризнанной ПМР. Значительную роль в формировании молдавского ВВП играют переводы трудовых мигрантов, главным образом из РФ и стран Европейского союза, с которыми Молдавия имеет безвизовый режим в рамках соглашения об ассоциированном членстве. В обозримой перспективе эта ситуация не изменится.

Внутренняя политика страны долгое время характеризовалась крайней неустойчивостью, связанной с противостоянием сил, выступающих за более тесную интеграцию с Россией, и сторонников сближения с Европой и Румынией. Республика Молдова является одной из самых бедных стран СНГ, очень зависимой как от России, так и от стран Запада, тесные связи у нее исторически сложились с Румынией. В последнее время в РМ удалось добиться хрупкого равновесия между противостоящими долгое время друг другу лагерями. Но расхождения по многим принципиальным для развития республики вопросам между первыми лицами государства и стоящими за ними силами сохраняются, и это в будущем чревато препятствиями для более тесной интеграции страны как непосредственно в СНГ, так и в структуры, созданные под эгидой Содружества.

Центрально-Азиатский компонент СНГ представлен самым большим количеством стран постсоветского пространства. Четыре из них – Республика Казахстан, Киргизская Республика, Республика Таджикистан и Республика Узбекистан являются полноправными членами СНГ, имеют право решающего голоса в его органах, хотя не во все из них входит Узбекистан. Туркменистан занимает особое место ассоциированного члена СНГ, что не помешало ему, тем не менее, в 2019 г. председательствовать в объединении.

В трех государствах (Казахстане, Туркменистане и Узбекистане), которые в ЦА являются экспортерами энергоресурсов, удастся поддерживать определенную политическую стабильность. Более сложная ситуация складывается в Киргизии и Таджикистане: обе страны четко разделены по линии Север–Юг, там имеют место территориальные диспропорции, сильные межклановые противоречия, а для Таджикистана роль постоянного негативного фактора играет соседний Афганистан и беспокойная обстановка в этой республике Среднего Востока.

Наиболее близким к России остается Казахстан, и эта ситуация не изменилась после выборов в стране нового президента К.-Ж. Токаева. Большое значение для РФ имеет и Таджикистан, на территории которого расположен самый крупный военный объект России за границей – 201-я российская военная база. Несколько улучшены в последние несколько лет и отношения с Узбекистаном, хотя в целом республика по-прежнему уклоняется от участия в многосторонних отношениях, предпочитая им двусторонние связи. Достаточно ровными остаются отношения России с Киргизией и Туркменистаном. С большой долей вероятности можно сказать, что в обозримой перспективе отношение этих стран как к СНГ в целом, так и к РФ, в частности, не претерпят изменений.

Государства Центральной Азии пытаются, находясь в СНГ, определенным образом маневрировать между Западом и Россией, хотя в последнее время, в силу усиления конфронтации этих двух “полюсов”, подобное лавирование становится все затруднительнее. При этом, в большей или меньшей степени, все республики ЦА задействованы в тех интеграционных процессах, которые имеют место на территории СНГ и так или иначе связаны с СНГ: все пять государств фактически являются членами Содружества, три из них (Казахстан, Киргизия и Таджикистан, а до 2012 г. и Узбекистан) – члены ОДКБ, две страны (Казахстан и Киргизия) – члены ЕАЭС, четыре государства (кроме Туркменистана) – члены ШОС. В ближайшем будущем государства региона продолжают следовать курсу на многовекторность, но основным направлением их внешнеполитических устремлений останутся СНГ и Россия.

Южный Кавказ представлен тремя государствами – Азербайджанской Республикой, Республикой Армения и Грузией. Кроме этого, на его территории находится два частично признанных государства – Республика Южная Осетия и Республика Абхазия, и одно непризнанное государство – Нагорно-Карабахская Республика. Именно в регионе Южного Кавказа очень активно идет борьба двух альтернатив – евроатлантической (ориентация на ЕС и НАТО) и евразийской (ориентация на СНГ, ОДКБ и ЕАЭС).

Наиболее последовательно ориентация на евроатлантические структуры прослеживалась и прослеживается в политике Грузии, которая еще в 2009 г. вышла из СНГ и в настоящее время не является членом этой организации. Отношения между Грузией и Россией осложнены конфликтом в Абхазии и Южной Осетии, поддержкой последних со стороны РФ и нахождением там российских войск. Едва ли в ближайшее время Грузия в качестве полноправного члена войдет в евроатлантические структуры. Но и в СНГ она вряд ли вернется, прежде всего по причине невозможности разрешить целый ряд принципиальных проблем, делающих крайне непростыми российско-грузинские отношения.

Евразийская интеграция наиболее четко прослеживается в политике Республики Армения (РА), которая является членом не только СНГ (туда входит и Азербайджан, с которым Армения находится де-факто в состоянии войны), но и ОДКБ и ЕАЭС. После прихода к власти в РА нового руководства во главе с президентом А. Саркисяном и премьер-министром Н. Пашиняном ситуация кардинально не изменилась. Но при этом необходимо отметить, что Армения, активно развивая отношения с ЕС и НАТО, при этом не пересмотрела и вряд ли пересмотрит в ближайшем будущем свое отношение к евразийским структурам. Республика

является участницей всех структурных подразделений СНГ и представлена на всех саммитах этой организации (правда, как парламентская республика на уровне премьер-министра, а не президента). Руководство Армении не поднимает вопроса о выходе из СНГ, хотя за это и ратуют отдельные оппозиционные политики и такие призывы на бытовом уровне звучали на улицах армянских городов. С большой долей вероятности можно предположить, что такая позиция руководства РА сохранится в ближайшем будущем.

Что касается Азербайджана, то он занимает, скорее, промежуточное положение между Грузией и Арменией, стараясь не сильно сблизиться как с евроатлантическими, так и с евразийскими структурами. Формально Азербайджан ближе ко вторым, так как он является и де-факто, и, что особенно важно, де-юре членом СНГ. Но на практике он не принимает активного участия в деятельности Содружества, а его отношения с СНГ в целом и с Россией в частности осложняются нерешенным Нагорно-Карабахским конфликтом. Помимо этого, имеет место и довольно парадоксальная ситуация, когда членами одной организации являются Азербайджан и Армения, не имеющие даже дипломатических отношений, при том что весь периметр границы между этими двумя государствами перекрыт. Тем не менее на заседаниях органов СНГ представители Азербайджана и Армении сидят рядом, так как рассаживаются в алфавитном порядке. Нормализацию армяно-азербайджанских отношений можно ожидать только в том случае, если в решении Нагорно-Карабахского конфликта произойдут какие-то подвижки. Но это, как представляется, станет вопросом отдаленного будущего.

Особым компонентом и, вне всякого сомнения, локомотивом СНГ является Россия, которая имеет такой статус в силу занимаемого ею особого геополитического положения на постсоветском пространстве и ее субъектности в мировой политике. По сравнению с другими государствами СНГ Россия имеет самую большую территорию, самое большое по численности население, самый мощный социально-экономический и военный потенциал. Россия играла и играет в СНГ системообразующую роль, и эта роль останется для нее основной в обозримом будущем. РФ берет на себя ответственность за поддержание стабильности в регионе СНГ, и те российские военные объекты, которые находятся в странах Содружества (в Таджикистане, Киргизии, Казахстане, Армении, Белоруссии, а также в де-факто государствах – ПМР, Республике Южной Осетии в Республике Абхазия), служат именно этой цели.

Россия обладает в регионе СНГ мощнейшим экономическим потенциалом, который позволяет ей оставаться стержневой экономической основой этого региона. Именно на базе российских технологий работает значительная часть мощностей в государствах СНГ; российские компании, включая лидеров нефтегазового сектора – Газпром и Роснефть – определяют динамику экономического роста в СНГ.

Важен и социальный аспект роли России в регионе: именно она является основным реципиентом трудовых мигрантов из стран Содружества, на переводы которых в значительной степени ориентированы местные бюджеты. Да и в целом трудно представить, чтобы СНГ смог без России нормально развиваться.

* * *

В настоящее время СНГ сталкивается со многими вызовами, и это понятно, поскольку само постсоветское пространство является чрезвычайно конкурентной ареной геополитической и геоэкономической борьбы, в которую вовлечены такие глобальные игроки, как Россия, США, Европейский союз, Китай. Не остаются в стороне от этого соперничества и такие региональные державы, как Турция и Иран. Часть этих вызовов стала следствием упущенных возможностей экономической реинтеграции постсоветского пространства в 1990-е годы, продолжением нерешенных противоречий, возникших в тот же период или позже, а некоторых сравнительно недавно, после кризиса на Украине и воссоединения в 2014 г. Крыма с Россией, разногласий национальных политических элит. Запущенная Западом санкционная война естественным образом сказывается не только на России, но и на ее партнерах по СНГ.

Содружеству Независимых Государств так и не удалось сформироваться в качестве полноценного международно-политического региона, институты регулирования которого

закрепили бы и придали новый импульс прежним плотным регулярным связям самого различного свойства, которые сложились в рамках народно-хозяйственного комплекса бывшего СССР. Но фактом остается то, что СНГ, несмотря на все негативные прогнозы, которые высказывались на протяжении всей 28-летней истории этой региональной межправительственной организации, смогло отстоять свое право на существование и развитие, реализовывать экономические, политические, социальные, военные, культурные и другие программы, и, несмотря на ряд как внутренних противоречий, так и внешнего давления, сохранить определенное единство и перспективы развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Торкунов А.В., Наринский М.М. ред., *История международных отношений. В трех томах. Учебник*. Москва, Аспект Пресс, 2012. Т. 3. Ялтинско-Потсдамская система. 552 с. [Torkunov A.V., Narinskii M.M. eds., *Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii. V trekh tomakh. Uchebnik* [The History of International Relations. Textbook. Volume three]. Moscow, Aspekt Press, 2012. 552 p.]
2. Примаков Е.М. *Мир без России? К чему ведет политическая близорукость*. Москва, ИИК "Российская газета", 2009. 239 с. [Primakov E. M. *Mir bez Rossii? K chemu vedet politicheskaya blizorukost'* [A World Without Russia? What Does Political Myopia Lead to?] Moscow, IIK "Russian Newspaper", 2009. 239 p.]
3. Дынкин А.А., Иванова Н.И. ред., *Россия в полицентричном мире*. Москва, Весь Мир, 2011. 580 с. [Dynkin A.A., Ivanova N.I. eds., *Rossiya v politsentrichnom mire* [Russia in a Polycentric World]. Moscow, Ves' Mir, 2011. 580 p.]
4. Бжезинский З. *Великая шахматная доска. Господство Америки и его стратегические императивы*. Москва. Международные отношения, 1998. 256 с. [Bzhezinskii Z. *Velikaya shakhmatnaya doska. Gospodstvo Ameriki i ego strategicheskie imperativy* [Brzezinski, Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1998. 256 p.]
5. Huntington S. P. Who International Primacy Matters. *International Security*, 1993, vol. 17, no. 4, pp. 68-83.
6. Иванов И.С. *Внешняя политика в эпоху глобализации*. Москва, "ОЛМА Медиа Групп", 2011. 288 с. [Ivanov I. S. *Vneshnyaya politika v epokhu globalizatsii* [Foreign Policy in the Era of Globalization]. Moscow, "OLMA Media Grupp", 2011. 288 p.]
7. Празиускас А. СНГ как постколониальное пространство. *Независимая газета*, 07.02.1992. [Prazauskas A. SNG kak postkolonial'noe prostranstvo [CIS as a Postcolonial Space]. *Nezavisimaya gazeta*, 07.02.1992.]
8. *Договор о Союзе Суверенных Государств*. [Treaty of the Union of Sovereign States (In Russ.)] Available at: http://www.gorby.ru/userfiles/08_dogovor_o_soyuze_suverennyh_gosudarstv.pdf (accessed 18.09.2019).
9. *Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (8 декабря 1991 года)*. [Agreement on the establishment of the Commonwealth of Independent States (8 December 1991) (In Russ.)] Available at: <https://e-cis.info/page/3373/79405/> (accessed 10.09.2019).
10. Пивовар Е.И. *Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Исторический очерк*. Санкт-Петербург, Алетейя, 2010. 400 с. [Pivovarov E.I. *Postsovetskoe prostranstvo: al'ternativy integratsii. Istoricheskii ocherk*. Saint-Petersburg, Aleteiya, 2010. 400 p.]
11. Дегтерев Д.А., Курyleв К.П. ред., *Внешняя политика стран СНГ: Учеб. пособие для студентов вузов*. Москва, Аспект Пресс, 2017. 496 с. [Degterev D.A., Kurylev K.P. eds., *Vneshnyaya politika stran SNG: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov*. [Foreign policy of the CIS countries]. Moscow, Aspekt Press, 2017, 496 p.]
12. Михайлов В.А., Сыздыкова Ж.С. *Содружество Независимых Государств: Учебное пособие*. Москва, МАКС Пресс, 2005. 724 с. [Mikhailov V.A., Syzdykova Zh.S. *Sodruzhestvo Nezavisimykh Gosudarstv: Uchebnoe posobie*. [Commonwealth of Independent States]. Moscow, MAKS Press, 2005. 724 p.]
13. *Протокол от 21 декабря 1991 года к Соглашению о создании Содружества Независимых Государств, подписанному 8 декабря 1991 года в г. Минске Республикой Беларусь, Российской Федерацией (РСФСР), Украиной*. [Protocol of December 21, 1991 to the Agreement on the Establishment of the Commonwealth of Independent States (in Russ.)] Available at: https://ru.wikisource.org/wiki/Протокол_к_Соглашению_о_создании_Содружества_Независимых_Государств_от_21_декабря_1991 (accessed 17.09.2019).
14. *Алма-Атинская Декларация (21 декабря 1991 года)*. [Alma-Ata Declaration (21 December 1991) (in Russ.)] Available at: <https://e-cis.info/page/3373/79406/> (accessed 18.09.2019).
15. *Устав Содружества Независимых Государств*. [Charter of the Commonwealth of Independent States (in Russ.)] Available at: <https://e-cis.info/page/3373/79407/> (accessed 15.09.2019).
16. *Концепция председательства Туркменистана в Содружестве Независимых Государств в 2019 году*. [The concept of the chairmanship of Turkmenistan in the Commonwealth of Independent States in 2019 (in Russ.)] Available at: https://e-cis.info/page/3686/81345/?sphrase_id=2669 (accessed 15.09.2019).
17. *Решение о Положении о председательстве в Содружестве Независимых Государств*. [Decision on the Status of the presidency of the Commonwealth of Independent States (in Russ.)] Available at: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=2515> (accessed 15.09.2019).
18. *Украина забыла выйти из СНГ*. [Ukraine forgot to leave the CIS (in Russ.)] Available at: <https://newizv.ru/news/politics/11-09-2019/ukraina-zabyla-vyyti-iz-sng> (accessed 18.09.2019).

19. *Антитеррористический центр государств – участников Содружества независимых государств.* [Antiterrorist Center of the CIS Member States (in Russ.)] Available at: <http://www.cisatc.org/132/167> (accessed 17.09.2019).
20. *Об Исполнительном комитете Содружества Независимых государств.* [On The Executive Committee of the Commonwealth of Independent States (in Russ.)] Available at: <https://e-cis.info/page/3466/81544/> (accessed 18.09.2019).
21. *Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества независимых государств.* [Interparliamentary Assembly of CIS Member States (in Russ.)] Available at: <http://iacis.ru/about/index.php> (accessed 17.09.2019).
22. *Экономический совет СНГ. Общая информация.* [CIS Economic Council. General information (in Russ.)] Available at: <https://e-cis.info/page/3412/81555/> (accessed 18.09.2019).
23. Каримова А.Б. *Региональное пространство в политической организации мира.* Москва, Институт востоковедения РАН, 2006. 208 с. [Karimova A.B. *Regional'noe prostranstvo v politicheskoi organizatsii mira* [Regional Space in the Political Organization of the World]. Moscow, The Institute of Oriental Studies, 2006. 208 p.]
24. *Госдолг в апреле увеличился на 1 млрд долларов.* [Public debt in April increased by 1 billion dollars (in Russ.)] Available at: <https://ukranews.com/news/633893-obshhij-gosdolg-v-aprele-velichilsya-na-1-3-do-79-8-mlrd> (accessed 20.09.2019).
25. *В Украине начало падать промышленное производство.* [In Ukraine, industrial production began to fall]. Available at: <https://biz.liga.net/ekonomika/all/novosti/v-ukraine-snova-nachalo-padat-promyshlennoe-proizvodstvo> (accessed 20.09.2019).
26. *“Люди в него еще верят”. Что успел сделать Зеленский за первые сто дней.* [“People still believe in him.” What Zelensky managed to do in the first hundred days. (in Russ.)] Available at: <https://ria.ru/20190827/1557946309.html> (accessed 20.09.2019).
27. *Кулеба: СНГ – это клуб неудачников, он ни на что не способен.* [Kuleba: CIS is a club of losers, it's not capable of anything (in Russ.)] Available at: <https://bykvu.com/ru/bukvy/kuleba-sng-jeto-klub-neudachnikov-on-ni-na-cto-ne-sposoben> (accessed 27.09.2019).
28. *В США призвали не называть Белоруссию последней диктатурой Европы.* [US urges not to call Belarus the last dictatorship of Europe (in Russ.)] Available at: <https://eadaily.com/ru/news/2019/09/22/v-ssha-prizvali-ne-nazyvat-belorussiyu-posledney-diktaturoy-v-evrope> (accessed 21.09. 2019).
29. *Беларусь и страны СНГ и Грузия.* [Belarus, the CIS countries and Georgia (in Russ.)]. Available at: <http://mfa.gov.by/bilateral/cis/> (accessed 27.09.2019).

THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES: SPATIAL AND ORGANIZATIONAL DYNAMICS**(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2019, no. 3, pp. 23-36)****Received 04.12.2019.**

Dmitry V. MALYSHEV (dimal.68@mail.ru).

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Acknowledgements. The article was prepared at IMEMO within the project of the Russian Foundation for Basic Research No. 19-011-31625 "The Main Trends and Risks of Global Political Development: Methodology and Methods of Forecasting Studies"

The article is focused on the major directions of the Commonwealth of Independent States (CIS) formation and development. The author uses systemic analysis and extrapolation to examine these processes in spatial and organizational perspectives and identify the possibilities and prospects for emergence of an international region within the CIS on different stages of its institutional establishment. Special attention is given to the dynamics and the current state of the CIS as an international organization as well as to the key challenges its member states are facing. The article considers existing conflict zones in the CIS and their impact on the inter-state relations within the Commonwealth.

Keywords: CIS, international region, international organization, Central Asia, South Caucasus, Russian Federation, forecasting.

About the author:

Dmitry V. MALYSHEV, Cand. Sci. (Hist.), Leading Researcher, Sector of Belarus, Moldova and Ukraine, Center of Post-Soviet Studies.

DOI: 10.20542/afij-2019-3-23-36

“ВЕСТФАЛЬСКИЙ МИФ”: ИСТОРИЯ И КРИТИКА

© 2019 г. А. КУПРИЯНОВ

КУПРИЯНОВ Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора международных организаций и глобального политического регулирования Отдела международно-политических проблем.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (a.kupriyanov@imemo.ru).

Куприянов А.В. “Вестфальский миф”: история и критика.

Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2019, № 3, сс. 37-50. DOI: 0.20542/afij-2019-3-37-50.

DOI: 10.20542/afij-2019-3-37-50

УДК: 30+321+327+341

Статья поступила в редакцию 15.10.2019.

Статья посвящена исследованию “Вестфальского мифа” – комплекса представлений, сложившегося в рамках теории международных отношений, согласно которому Вестфальский договор 1648 г. стал отправной точкой формирования современной системы международных отношений. Автор исследует одно из основных положений “Вестфальского мифа” – представление о Тридцатилетней войне как борьбе с универсалистскими устремлениями Габсбургов – и приходит к выводу об их несоответствии историческим фактам.

Ключевые слова: Вестфальский мир, Тридцатилетняя война, история международных отношений, “Вестфальский миф”, Франция, Священная Римская империя.

Идея о том, что положения Вестфальского мира 1648 г. лежат в основе всей современной системы международных отношений (СМО), является общим местом большинства течений в рамках теории международных отношений (ТМО) и составляет часть исторического фундамента, на котором их сторонники выстраивают систему доказательств. Согласно этой идее, заключение Вестфальского мирного договора породило структурные изменения в природе межгосударственных связей, в результате чего коренным образом изменился и механизм межгосударственных отношений: главным актором этих отношений стало так называемое вестфальское государство, основной чертой которого является абсолютный внешний суверенитет. Это, в свою очередь, привело к формированию “Вестфальской СМО”, базовым принципом которой стало равноправие государств как субъектов международных отношений. Тридцатилетняя война (1618–1648), завершившаяся Вестфальским миром, рассматривается, соответственно, как экзистенциальный конфликт между средневековой монархией Габсбургов, пытавшихся реализовать универсалистский проект в рамках империи, и сообществом национальных государств, одержавших в итоге победу и позволивших сформировать современную СМО.

Несмотря на появление новых течений в рамках ТМО, представление о Вестфальском договоре как отправной точке, с которой началось развитие современной СМО, в течение долгого времени оставалось неизменным. Однако на рубеже XX–XXI вв. в изучении истории МО произошел “исторический поворот”: благодаря накопленным исторической наукой знаниям ряд историков, специалистов по МО и правоведов, проанализировав сам текст Вестфальских договоров, исторический контекст, в котором они заключались, и их последствия, пришли к выводу о неправомерности трактовки этих договоров как поворотного пункта в формировании современной СМО. Согласно взглядам большей части представителей

этого течения, теоретический базис современной СМО был заложен спустя столетие после заключения Вестфальского договора в работах мыслителей эпохи Просвещения, причем основная роль в этом принадлежала Эмеру де Ваттелю, применившему разработанную Жаном Боденом во второй половине XVI в. теорию суверенитета к отношениям между государствами и теоретически обосновавшему отсутствие права на внешнюю интервенцию. Сам же переход к межгосударственным отношениям нового типа начался в первой половине XIX в. и продолжался до последней трети XX в. Традиционный комплекс представлений о Вестфальском договоре как о стартовой точке формирования современных СМО в работах представителей “исторического течения” получил название “Вестфальский миф”.

Настоящая статья посвящена анализу основных положений “Вестфальского мифа”, их соответствия исторической реальности. Представляется, что изучение этой темы крайне актуально в контексте дальнейшего развития ТМО: в случае, если дискурс базируется на шатком фундаменте, анализ и прогнозирование в его рамках в той мере, в которой они касаются вопроса о дальнейшем развитии как государства, так и системы государств, в общем случае будут неизбежно приводить к ошибкам, причем самого разного свойства: от идеи “конца истории” Ф. Фукуямы, которая вряд ли появилась бы, рассматривая эволюцию СМО в исторической перспективе, до концепций неомедиэвэлистов, предсказывающих скорый коллапс “вестфальского государства” и возвращение в воображаемое Средневековье.

При решении поставленной задачи определенную сложность представляет методология. История международных отношений находится на стыке двух наук – истории и политологии. Как следствие, для ее анализа необходим синтез их методов. При этом исторические методы являются ключевыми, так как имеют основополагающее значение в установлении фактов; в этом случае, если методы политического анализа противоречат методам анализа исторического, их ценность ничтожна. Таким образом, наиболее перспективными из исторических являются историко-генетический, хронологический и историко-типологический методы, из политологических – собственно исторический, сравнительный и структурно-функциональный.

Статья разбита на три части. В первой содержится краткое описание ключевых положений Вестфальских мирных договоров; во второй анализируется генезис представлений о “Вестфальском мифе” и дается краткая библиография работ участников “исторического поворота” (заведомо неполная по причине чрезвычайной широты темы); в третьей, состоящей из двух подчастей, анализируется и разбирается одно из ключевых положений “Вестфальского мифа” – представление о том, что Тридцатилетняя война являлась экзистенциальным конфликтом, в результате которого государства-нации нанесли поражение союзу испанской и австрийской ветвей Габсбургов, которые пытались создать общеевропейскую империю. Остальные положения “Вестфальского мифа” автор надеется проанализировать в следующей публикации.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ВЕСТФАЛЬСКОГО ДОГОВОРА

Необходимость данной главы объясняется тем, что до настоящего времени не издано полного перевода текста Вестфальского мирного договора на русский язык, что приводит к многочисленным проблемам вплоть до смешения положений Мюнстерского договора, заключенного между Францией и императором Священной Римской империи, и Мюнстерского мира, заключенного между Испанией и Республикой Соединенных провинций. Это делает необходимым хотя бы краткий обзор предмета обсуждения (настоящее изложение выполнено с опорой на оригинальный латинский текст договоров, опубликованный на сайте проекта *Acta Pacis Westphalicae* [1]).

Положения Вестфальского мирного договора, заключенного 24 октября 1648 г., зафиксированы в двух “инструментах мира” – *Instrumentum Pacis Osnabrugensis (IPO)* и *Instrumentum Pacis Monasterensis (IPM)*, которые вместе составляют единый Вестфальский договор (в дальнейшем для их обозначения будут использоваться названия “Оснабрюкский договор” и “Мюнстерский договор” в соответствии с отечественной традицией; там, где речь будет идти об обоих договорах, будет использоваться термин “Вестфальский мирный

договор”). Иногда к ним добавляют Мюнстерский мир, подписанный между Нидерландами и Испанией в январе 1648 г.

Оснабрюкский мирный договор был заключен между королевой Швеции и ее союзниками с одной стороны и императором Священной Римской империи германской нации (далее – СРИГН или Священная Римская империя) из династии Габсбургов и германскими князьями с другой. Мюнстерский договор – между королем Франции и его союзниками и императором и князьями и их союзниками. Договоры носят двойственный характер: во-первых, они заканчивают состояние войны между СРИГН и Швецией и Францией, во-вторых, – урегулируют внутриимперские вопросы. Таким образом, Вестфальский договор является как международным договором в классическом понимании, так и конституционным актом Священной Римской империи [2; 3; 4]. Как отмечает историк Рональд Эш, “сложно найти другой юридический документ в период раннего Нового времени, в котором эти два аспекта — внутреннее конституционное урегулирование и международное соглашение – были бы сплетены столь тесно” [5, р. 319]. В целом положения Вестфальских договоров касаются трех основных тем: урегулирования религиозных вопросов на территории империи; территориальных изменений и прав князей; ряда второстепенных вопросов, таких как амнистии, рекапитуляции и т.п.

В религиозном плане договоры подтверждали установленные Аугсбургским миром 1555 г. нормы, хотя с рядом существенных оговорок. Наиболее заметной из них стала зафиксированная в ст. 5 параграфа 11 Оснабрюкского договора, согласно которой князь Священной Римской империи, пожелавший изменить свою религию, не мог заставить своих подданных сделать то же самое. Кроме того, Вестфальские договоры формально признали право католиков жить в протестантских землях и наоборот, свободно исповедовать свои взгляды, молиться и давать детям соответствующее религиозное образование. Права религиозных меньшинств, включая политические, охранялись, гарантировалось равное представительство религиозных общин в имперских представительных и судебных органах, причем права, ранее предоставленные лишь лютеранам, распространялись и на кальвинистов, но не на остальные протестантские течения.

В том, что касается территориального урегулирования, вопрос в основном касался уступок со стороны империи Франции и Швеции. Швеции были переданы Западная Померания, острова Рюген, Узедом и Волин, епископства Бремен и Ферден и порт Висмар. При этом шведская корона не получила их во владение, а держала как имперские фьефы в соответствии со ст. 10 Оснабрюкского соглашения. Франция получила епископства Мец, Туль и Верден, город Брейзах, ландграфства Верхнего и Нижнего Эльзаса, Сундгау и провинциальный округ десяти имперских городов (Декаполис), расположенный в Эльзасе; были также признаны права короля Франции на крепость Пинероло – важный стратегический пункт в Италии. В данном случае речь шла о полной передаче прав, однако французский король обязался не отменять привилегий, полученных эльзасскими городами и селами от Габсбургов, что означало сохранение их автономного статуса.

Поскольку, как было указано выше, договоры являлись в том числе конституционными актами, в них определялись права княжеств Священной Римской империи. Так, в соответствии со ст. 65 Мюнстерского договора они имели право заключать союзы с внешними акторами “для собственного сохранения и безопасности” с условием, что такие альянсы не будут направлены ни против империи, ни против императора и не будут мешать сохранению мира в империи или противоречить положениям Вестфальского договора. Аналогичное положение содержится в ст. 8 параграфе 1 Оснабрюкского договора, которое предусматривает, что имперские княжества имеют право заключать договоры между собой или с внешними акторами при условии, что они не будут направлены против империи. При этом издание законов, установление налогов и объявление войны оставались в ведении имперского сейма (рейхстага).

Остальные пункты соглашений – всеобщая амнистия, нейтрализация ряда территорий, реституция собственности, отказ от долгов, восстановления торгового сообщения, разрешение вопросов наследования в некоторых княжествах и т.д., – не оказали существенного влияния на международные отношения.

Мюнстерский мир между Испанией и Нидерландами формально не входит в состав двуединой системы Вестфальского договора; тем не менее исследователи-политологи, как правило, включают его в общую систему Вестфальских мирных договоров. Вместе с тем Мюнстерский мир значительно отличается от Мюнстерского и Оснабрюкского договоров как в том, что касается содержания, так и по ряду формальных признаков: он составлен на французском языке, а не на латыни, был заключен за девять месяцев до подписания Вестфальского договора представителями Нидерландов и Испании и не налагал на представителей третьих сторон обязательств признавать и исполнять его положения. С другой стороны, сами переговоры между испанскими и нидерландскими представителями велись в рамках конгресса и при участии делегатов от других стран, что отчасти оправдывает включение этого мирного договора в систему Вестфальских договоров.

ГЕНЕЗИС “ВЕСТФАЛЬСКОГО МИФА” И “ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ”

Ключевую роль в формировании “Вестфальского мифа” сыграл американский юрист Лео Гросс, издавший в 1948 г. статью, посвященную Вестфальскому миру [6]. В ней Гросс, опираясь на фрагменты работ ряда юристов конца XIX – первой половины XX вв. (Поля Фошиля [7], Перси Уинфильда [8], Фрэнсиса Данна [9] и других), выдвинул концепцию комплекса договоров 1648 г. как отправной точки современной мировой системы и международного права. Именно Гросса, назвавшего Вестфальский мир “величественным порталом, ведущим из старого мира в новый”, который “отмечает конец одной эпохи и начало другой”, можно по праву считать основоположником “Вестфальского мифа”. Гросс, как следует из текста статьи, тщательно штудировал Вестфальский договор, однако не нашел в нем явных подтверждений основных положений своей теории и в результате заявил, что истинное значение этих договоров лежит не в самом их тексте, а “в тех обширных концепциях, на которых они покоятся, и в тех усовершенствованиях, которым они придали импульс”. Гросс был специалистом по современному ему международному праву, а не по истории – статья, посвященная Вестфальскому миру, является единственной его работой, в которой он касается событий, произошедших до начала XX в. [10, р. 265] Отсутствие достаточных исторических познаний привело его к спекулятивным выводам без должной доказательной базы.

Тем не менее удачная форма подачи и внешне убедительные примеры со ссылками на работы предшественников способствовали тому, что концепция Гросса завоевала широкую известность в кругах американских политических элит. Она была популяризирована в книге Ганса Моргентау “Политические отношения между нациями” и в статье “Пересмотр проблемы суверенитета”. Причем если в книге Вестфальский мир едва упомянут как договор, “сделавший территориальное государство краеугольным камнем современной системы международных отношений” [11, р. 210], то в статье Моргентау раскрывает свои взгляды более подробно: “К концу Тридцатилетней войны суверенитет как высшая власть над определенной территорией стал политическим фактом, обозначая победу территориальных князей над универсальной властью императора и папы с одной стороны и над частными устремлениями феодальных баронов – с другой” [12, р. 341]. Именно с подачи Моргентау, популяризовавшего идею Гросса, утвердилась концепция Вестфальского мира как фундамента современной системы МО.

При этом ни сам Моргентау, ни основная масса современных ему специалистов-международников, подхвативших концепцию Гросса, не являлись специалистами по эпохе раннего Нового времени. Со временем была забыта оговорка Гросса о том, что сам текст Вестфальского договора не подтверждает наличия кардинальных изменений СМО. По этой причине в новейших исследованиях можно встретить утверждения, что эти изменения не просто зафиксированы в тексте, но и сам текст был составлен таким образом, чтобы создать фундамент для современной СМО. В результате за полвека сложился широкий консенсус, обязанный своим возникновением отсутствию среди теоретиков МО историков, специализирующихся на соответствующем периоде и способных указать на ошибочность базовых положений. Дополнительную сложность вносила латынь, на которой были составлены Вестфальские договоры. Работа с ними для тех, кто не изучал древние языки, была затруднительна. Как следствие, такие специалисты не могли проанализировать употребляемую составителями терминологию и исследовать договоры в контексте исторической эволюции текстов.

Основу для изменения ситуации заложили работы Английской школы ТМО. По иронии судьбы ее основоположники и ключевые участники, включая Хедли Булла, не сомневались в истинности основ общепринятой к тому моменту концепции; в частности, сам Булл следом за Гроссом утверждал, что “Вестфальский мир ознаменовал конец претензий Габсбургов на универсальную монархию” [13, р. 31]. Однако характерные для Английской школы стремление подвести под современное состояние СМО исторический базис, поставить во главу угла исторические факты способствовали появлению в среде входивших в ее состав и примыкавших к ней международников интереса к истории. Не исключено, что “исторический поворот” произошел бы в рамках именно этой школы, не помешай тому ее распад. Показательно, что один из видных ее теоретиков, Барри Бузан, продолжая изучение формирования системы международных отношений в исторической динамике, впоследствии внес важный вклад в “исторический поворот”, предложив в своих работах новые ключевые даты для истории международных отношений [14; 15; 16].

Первым исследователем, публично усомнившимся в правильности концепции Гросса, стал профессор Стивен Краснер. В эссе, опубликованном в 1993 г. [17], он указал на ошибочность взгляда на Вестфальский мир как на решительный разрыв с прошлым. Однако, не получив поддержки коллег, спустя шесть лет Краснер вернулся к традиционной точке зрения, упомянув в одной из своих монографий события 1648 г. как “решительный разрыв с прошлым... ознаменовавший переход от христианства к государственному интересу и балансу сил как положениям, определяющим поведение правителей”. Хотя одновременно он подчеркнул, что Вестфальский мир является не единственным поворотным пунктом такого рода [18, р. 82].

Начало первой волны “исторического поворота” имеет смысл отсчитывать с публикации в 1999 г. историком Дерексом Крокстоном статьи “Вестфальский мир 1648 г. и истоки суверенитета” [19]. Крокстон, будучи ведущим специалистом по изучению Вестфальского договора, продемонстрировал, что ни в Мюнстерском, ни в Оснабрюкском договорах не содержится положений, которые позволили бы считать их ключевыми пунктами в формировании внешнего суверенитета государств. Выводы Крокстона в 2000 г. подтвердил Стефан Болак, опубликовавший статью, посвященную анализу влияния Вестфальского договора на развитие международного права [20], где особое внимание было уделено отсутствию изменения правовых норм после заключения мира в 1648 г. В 2004 г. вышли еще одна статья Болака на эту тему [21], а также его монография [22], где более подробно излагалась соответствующая аргументация и демонстрировалось, что истинным идеологом создания системы международных отношений как отношений равных субъектов является Эмер де Ваттель, живший на столетие позже заключения Вестфальского мира.

Поскольку Крокстон – историк, а Болак – юрист, их публикации остались почти незамеченными в среде специалистов-международников. Однако в 2001 г. немецкий ученый Андреас Осиандер, специализировавшийся на истории международных отношений и выпустивший к тому моменту фундаментальную работу, в которой проанализировал историю и основные векторы эволюции европейской межгосударственной системы [23], выступил с программной статьей “Суверенитет, международные отношения и Вестфальский миф” [10]. В ней он опровергал ряд ключевых положений, выдвинутых Гроссом и лежащих в основе общепринятой теории. Именно Осиандер первым проследил генезис “Вестфальского мифа” и продемонстрировал роль, сыгранную в его создании Лео Гроссом.

В 2002 г. вышла критическая статья еще одного немецкого специалиста по международным отношениям – Бенно Тешке [24]. Впоследствии Тешке расширил выдвинутые в ней тезисы, изложив их в своей монографии [25], а позже опубликовал статью с ответом на критику оппонентов [26]. В отличие от Осиандера, который анализирует исторические факты и процессы, не примыкая к какому-либо течению в рамках ТМО, Тешке критикует “Вестфальский миф” с марксистских позиций.

Таким образом, можно констатировать, что в 1999–2002 гг. “Вестфальский миф” оказался под огнем критики ряда ученых, представляющих различные науки. Однако большинство сторонников классической ТМО ее просто проигнорировали. Те же, кто выступил в защиту традиционного взгляда на Вестфальский мир как на поворотный пункт в развитии СМО,

избегали возражений по существу [27; 28; 29]. Исключением является работа Иэна Кларка, который, полностью признавая справедливость критики представителей “исторического поворота”, отстаивал, тем не менее, важность Вестфальского договора как акта, основанного на традициях прошлого и в то же время содержащего зародыш идеи международной легитимности. Однако в своей защите Вестфальского мира Кларк ушел так далеко от основных положений классической ТМО, что сам превратился в ревизиониста [30].

Схожую позицию занимает бельгийский специалист по истории международного права Рэнделл Лесаффер. Указывая, что сам по себе Вестфальский договор не является переломным моментом в истории развития европейской правовой системы, он, тем не менее, указывает: “Период, когда был заключен Вестфальский мир, и последовавшие десятилетия, стал важной цезурой в развитии европейского правового порядка в целом. Вестфальские мирные договоры положили конец последней долгой и ожесточенной религиозной войне в Европе... Эти десятилетия отмечали конец внутренних религиозных войн и гражданских усобиц внутри самых могущественных европейских стран и раздоров на религиозной почве между ними, разрушивших старый европейский правовой порядок. Короче говоря, Вестфальские мирные договоры не заложили новые базовые принципы современного международного права; они, однако, привели к созданию политических и религиозных условий, которые позволили европейским державам выстраивать новый международный правовой порядок” [31, р. 10]. Первым договором, в котором были зафиксированы нормы этого нового порядка, Лесаффер небезосновательно считает заключенный в 1713 г. Утрехтский мир [32]. При этом несложно заметить, что Лесаффер, понимая слабость аргументации сторонников “Вестфальского мифа” и при этом не желая кардинально перестраивать уже сложившуюся в научных кругах систему представлений, возвращается в итоге к позиции Гросса с ее апеллированием к туманным «концепциям» и «импульсам».

После 2002 г. возникла своего рода пауза: так как все аргументы были высказаны, а ответа на них не последовало, представителям первой волны ревизионистов осталось только ждать смены парадигмы через ознакомление новых поколений ученых-международников с их работами. Они продолжают публикацию трудов, в которых развивают свои взгляды: так, в 2007 г. Осиандер выпустил исследование, посвященное эволюции европейской международной системы от греческих полисов до XIX в. [33], а в 2010 г. в Интернете была размещена очередная статья Болака, посвященная критике “Вестфальского мифа” [34]; в 2013 г. вышла в свет фундаментальная работа Крокстона, в которой тот отстаивает идею о том, что Вестфальский мир был не началом нового мирового порядка, а попыткой вернуть прежний, став по сути “последним христианским миром” [35].

В 2009–2011 гг. на сцену вышла вторая волна критиков “Вестфальского мифа”, которые атаковали его с принципиально иных позиций. Если представители первой волны указывали прежде всего на несоответствие “вестфальского нарратива” историческим фактам, то представители второй – на его исключительный европоцентризм, который привел к полному игнорированию процессов, происходящих в других регионах мира. Среди наиболее ярких исследователей второй волны можно назвать Турана Каяоглу [36] и Джона Хобсона [37; 38], уделяющих особое внимание формированию суверенитета неевропейских государств и стремящихся расширить рамки анализа эволюции СМО до общемировых. Представители первой и второй волн не противоречат, а скорее дополняют друг друга: если Крокстон, Осиандер, Болак и Тешке демонстрируют ложность базовых положений “Вестфальского мифа”, то Каяоглу и Хобсон – его исключительную ограниченность.

Россию обе волны критики обошли стороной. “Вестфальский миф” по-прежнему царит в отечественных учебниках по истории и теории международных отношений. Это тем более удивительно в свете наличия в России традиционно сильной школы системных исследований истории МО, в русле основных положений которой действуют представители второй волны “исторического поворота”.

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ “ВЕСТФАЛЬСКОГО МИФА”

Вестфальский нарратив содержит ряд положений, которые в той или иной форме встречаются в большинстве трудов и составляет неотъемлемую часть дискурса МО. Вот как описывает их Г. Киссинджер в работе “Мировой порядок”:

«Вестфальский мир стал поворотным пунктом в истории народов. Отныне именно национальное государство, а не империя, династия или религиозная конфессия, признавалось “кирпичиком” европейского миропорядка. Была выработана концепция государственного суверенитета. Право каждой страны, подписавшей договор, устанавливать собственную внутреннюю структуру и религиозную ориентацию, не опасаясь вмешательства соседей, было закреплено формально... Договоры... формировали принципы системы “международных отношений”... Если государство принимает эти основные требования, оно признается членом международного сообщества, сохраняющим собственную культуру, власть, религию и внутреннюю политику, но защищенным международной системой от внешнего вмешательства. Идеал имперского или религиозного единства – основа миропорядка в Европе и в большинстве других регионов – предполагал, что лишь один центр власти может считаться полностью легитимным... С утратой единой церковью положения основного источника легитимности и с ослаблением позиций императора Священной Римской империи в качестве концепции порядка в Европе был выбран баланс сил... Устанавливалось “коренное” равенство суверенных государств, независимо от их могущества или формы правления. Новые игроки на европейской арене, такие как Швеция и Голландская республика, по протоколу считались равными столь уважаемым великим державам, как Франция и Австрия» [39].

В этом абзаце содержится перечисление почти всех основных положений “Вестфальского мифа”. В целом их можно условно разделить на две крупные группы: в первую войдут тезисы, касающиеся экзистенциальных изменений всего мирового порядка (утверждения о том, что Вестфальский мир покончил с претензиями Габсбургов на установление всеобщей монархии в Европе, заменив ее сообществом национальных монархий и республик; что он заместил религиозный интерес государственным и что на смену иерархическому миропорядку пришла система баланса сил), во вторую – те, которые касаются формирования по итогам Вестфальского мира сообщества суверенных государств, формально равных друг другу. В данной статье будет рассмотрена первая группа тезисов.

МИФ ОБ УНИВЕРСАЛИСТСКИХ ПРЕТЕНЗИЯХ ГАБСБУРГОВ: ИСТОКИ

Утверждение, что Вестфальский мир положил конец претензиям Габсбургов на создание общеевропейской монархии и не позволил им ликвидировать зарождающиеся национальные государства, является одним из столпов “Вестфальского мифа”. Корни представления о Тридцатилетней войне как об экзистенциальном конфликте лежат, как демонстрирует Осиандер, в антигабсбургской пропаганде военных времен [10, pp. 262-264].

Франция и протестантские князья в многочисленных памфлетах и открытых письмах обвиняли императора и католических князей в сговоре с королем Испании и с папой с целью захватить всю Европу и искоренить протестантизм. Существенную роль в этой кампании сыграла кальвинистская интеллектуальная элита Пфальца, превратившая Гейдельбергский университет в центр антигабсбургской пропаганды [40, pp. 14, 284] при поддержке курфюрстов. Обвинения Габсбургов в тайном сговоре содержались в манифесте шведского короля Густава Адольфа (1594–1632), в котором он оправдывал свое вступление в войну, многократно повторялись в письмах, направляемых французами и шведами германским князьям-протестантам. Широко распространившееся в обществе представление о наличии габсбургского и, в случае с протестантскими государствами, – католического заговоров в конечном счете оказало влияние на формирование системы взглядов в исторических научных школах Великобритании и Франции.

Этот взгляд господствовал в исторической науке вплоть до второй половины XX в., когда, благодаря главным образом трудам Зигфрида Штейнберга [41], исследователи

отказались от подобной односторонней концепции. Возникла так называемая Школа международной войны (*International War School*), рассматривающая Тридцатилетнюю войну как часть глобального общеевропейского конфликта [42]. Эта концепция позволила поместить Тридцатилетнюю войну в широкий контекст и выявить сложную систему взаимосвязей в мировой политике того времени. Немалый вклад в ее развитие внесли и отечественные исследователи, в частности, Б.Ф. Поршневу [43]. В ТМО же этого качественного перехода не произошло. В рамках господствующих ней в представлений Тридцатилетняя война по-прежнему воспринимается как экзистенциальный конфликт, и в этом проявляется почти столетнее отставание ТМО от развития исторической науки.

В последней в настоящее время в целом достигнут консенсус в отношении причин и движущих сил Тридцатилетней войны. Гипотеза о том, что одной из ее причин стало стремление Габсбургов подчинить себе Европу, не находит подтверждения в архивных документах. Более того, исторический анализ показывает, что последним монархом, всерьез пытавшимся осуществить шаги, которые можно трактовать как попытку установления гегемонии Габсбургов, являлся Карл V (1500–1558). После раздела его государства на Испанскую и Священную Римскую империи, в каждой из которых правила своя ветвь династии Габсбургов, отношения между этими династиями были весьма неравными, сближения сменялись конфликтами. Каждая из ветвей Габсбургов исходила при принятии решений из собственных интересов, а не из идеологии династического единства. Кроме того, в силу значительных ограничений возможностей имперской ветви Габсбургов, накладываемых системой власти, существовавшей в СРИГН, они даже при желании не могли оказать своим испанским родственникам существенной помощи.

Так, во время Восьмидесятилетней войны (1568–1648), известной также как Нидерландская революция, Священная Римская империя не выступила на стороне Испании против нидерландских повстанцев, что позволило мятежным провинциям набирать наемников на территории СРИГН и не опасаться удара в спину [44, р. 2]. Попытки испанского императора Фердинанда изменить эту ситуацию натолкнулись на сопротивление князей-электоров во время съезда курфюрстов в Регенсбурге в 1630 г.

Со своей стороны, испанские Габсбурги при принятии решений также руководствовались прежде всего собственными интересами. Так, в 1617 г. в обмен на поддержку кандидатуры Фердинанда на пост императора Испания вытребовала себе Эльзас [45, р. 55]. Позже испанские войска принимали участие в завоевании Пфальца не только для того, чтобы спасти осажденную войсками Бетлена Габора Вену, но прежде всего ради гарантий бесперебойного функционирования “Испанской дороги” – маршрута вдоль западной границы Священной Римской империи, по которому в годы Восьмидесятилетней войны перебрасывались войска во Фландрию. Испанские войска, сыгравшие важную роль в битве при Нёрдлингене в 1634 г., также руководствовались в первую очередь желанием открыть “Испанскую дорогу”, заблокированную вследствие успехов шведских войска в кампании 1631–1632 гг.

При этом объективно обстановка в Европе подталкивала Габсбургов обеих ветвей к ситуативным союзам: после смерти Филиппа II габсбургские монархии находились в состоянии обороны [46, р. 34], пытаясь в условиях распространения протестантизма и расширения географии мятежей и восстаний удержать свои владения. Габсбурги были слишком слабы, чтобы самостоятельно или в альянсе друг с другом ставить целью ликвидацию каких-либо иностранных государств. Планы императоров Рудольфа II и Фердинанда III по рекатолизации протестантских областей никогда не выходили за пределы СРИГН, а вся Тридцатилетняя война представляла собой процесс обороны императоров и их союзников от внутренних мятежей и ударов извне.

ИМПЕРСКАЯ ОБОРОНА

Чтобы подтвердить последний тезис, достаточно напомнить хронологию Тридцатилетней войны. В ней принято выделять четыре этапа: чешский (или чешско-пфальцский), датский, шведский и шведско-французский.

В ходе первого, чешско-пфальцского этапа, войска сперва эрцгерцога, а затем императора Фердинанда Штирийского при поддержке войск Католической лиги подавили восстание против Фердинанда в Чехии, поддержанное князьями-протестантами, входившими в состав Евангелической унии. Этот этап войны закончился решительной победой Габсбургов, которым удалось вернуть себе Чехию и захватить Пфальц. Курфюрст Пфальца Фридрих V, занявший ненадолго трон Богемии, не получил поддержки протестантских государств, на которую рассчитывал, и был низложен. Позиции императора Фердинанда по итогам этой стадии конфликта значительно ослабли: хотя он получил корону Богемии и был избран императором, этим он в значительной степени был обязан поддержке курфюрстов Саксонии и Баварии, которым вынужден был передать стратегически важные территории как гарантию уплаты долгов. Чешско-пфальцкий этап был сугубо внутренним и касался главным образом вопроса наследования богемской короны; показательно, что одной из причин победы Фердинанда стала поддержка его протестантским электором Саксонии Иоганном Георгом I.

Во время второго, датского этапа войска короля Дании Кристиана IV вторглись в пределы СРИГН под предлогом защиты прав протестантов от притеснений со стороны войск Католической лиги (но не императора Фердинанда). Речь шла о населении трех духовных княжеств – Ферденского и Хальберштадтского княжеств-епископств и Бременского княжества-архиепископства. Во время Богемского кризиса Кристиану удалось добиться того, чтобы его сын Фредерик был признан будущим администратором этих княжеств. Кроме того, его сын Ульрих был администратором княжества-епископства Шверин, а сам Кристиан IV пользовался поддержкой влиятельных герцогов Брауншвейг-Вольфенбюттельских, с которыми находился в родстве. Для того, чтобы заручиться поддержкой Англии и Нидерландов, Кристиан также заявил, что действует в защиту изгнанного курфюрста Пфальца. У датского короля были определенные шансы на успех, так как финансы империи истощились после войны в Богемии и Пфальце, а император остался почти без войск; но вторжение было отражено благодаря действиям Альбрехта фон Валленштейна, на свои средства нанявшего армию, разгромившего датчан и вынудившего Кристиана IV подписать мирный договор.

Этот этап также был исключительно оборонительным по сути. Однако тот факт, что император сделал в 1628 г. Валленштейна герцогом Мекленбургским, сместив протестантских герцогов-соправителей Мекленбурга Адольфа Фридриха I и Иоганна Альбрехта II по обвинению в измене, вызвал недовольство протестантских князей. Изданный в следующем году Эдикт о реституции, предусматривавший рекатолизацию земель, перешедших в руки протестантов начиная с Аугсбургского религиозного мира 1555 г., привел к открытому недовольству электоров, которые в 1630 г. в Регенсбурге потребовали от Фердинанда отстранить Валленштейна и распустить большую часть его армии, на что он согласился.

Пока шел съезд князей-электоров в Регенсбурге, шведская армия вторглась в земли СРИГН. Так как армия Валленштейна была распущена, а войска Католической лиги значительно уступали качеством шведским, то удача изначально была на стороне Густава Адольфа, получившего значительную субсидию от Франции. Благодаря серии успехов к Густаву Адольфу примкнули многие северогерманские протестантские князья, недовольные действиями императора. В течение последующих пяти лет боевые действия достигли крайнего ожесточения, практиковались массовые убийства пленных, территория Германии, на которой велись боевые действия, была разорена. В 1635 г. император Фердинанд II и большая часть протестантских князей в лице Иоанна Георга I, курфюрста Саксонии, подписали Пражский мир, в соответствии с которым приостанавливалось действие Эдикта о реституции, легализовывался кальвинизм, запрещалось образование коалиций между князьями наподобие Евангелической унии и Католической лиги, а войска императора и протестантских князей объединялись в единую армию.

В том же году на стороне противников императора в войну открыто вступила католическая Франция, и Тридцатилетняя война окончательно потеряла характер внутренней религиозной, превратившись в оборонительную войну СРИГН против внешних врагов. Франция при этом не объявляла войну императору; французские войска формально действовали под верховным шведским командованием, а в качестве итоговой цели было заявлено установление мира в Священной Римской империи. Реальной целью французов был захват Эльзаса и создание протестантско-католического альянса князей против Габсбургской

монархии в СРИГН. Последний этап войны характеризовался значительным истощением сил обеих сторон. Тем не менее удача в основном сопутствовала французам и их союзникам, и по условиям Вестфальского мира Франция и Швеция получили желаемые территории.

Разумеется, это краткий очерк не исчерпывает всей сложности политических отношений эпохи Тридцатилетней войны, но он ясно показывает, что ни о какой общеевропейской экспансии Габсбургов в описываемый период не могло идти и речи. Это хорошо понимали и князья Священной Римской империи, которые меняли сторону в войне, не желая ни усиления императорской власти, ни ее полного упадка. Каждая страна преследовала в этой войне свои цели, но лишь для Франции борьба с угрозой со стороны Габсбургов была ключевой задачей, которую она решала, сперва оказывая помощь деньгами Дании и Швеции, а затем вступив в войну непосредственно. Максимум, что угрожало Франции в случае поражения – потеря ряда крепостей и незначительных пограничных территорий, а не исчезновение в качестве государства.

ДИСБАЛАНС СИЛ И ПРОДОЛЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЛИКТОВ

Победа Франции привела к появлению нового претендента на европейскую гегемонию. Вопреки представлениям, господствующим в рамках ТМО, Вестфальские договоры не создали баланса сил. Сама эта идея, разумеется, в той или иной форме присутствовала в мировой политике с момента первых межгосударственных контактов. Но в современном понимании она была чужда средневековой Европе, которая представляла из себя сложную гетерономную систему, где вопрос территориальных приобретений зависел в большей степени от общеправовых и династических оснований, нежели от соображений баланса сил.

В этой системе внутренняя слабость аппарата управления и специфика династических связей не позволяли осуществлять эффективный контроль над крупными государственными образованиями и вынуждали их дробить. Как правило, составные государства раннего и высокого Средневековья разваливались на втором-третьем поколении правителей (империя Карла Великого, государство Кнута Великого, Анжуйская империя). С течением времени составные государства, однако, становились все устойчивее, улучшая механизмы управления и находя новые формы, позволяющие избежать дробления владений, такие как апанаж. Однако в XVI в. европейские монархи и сословия по-прежнему воспринимали международные отношения в рамках средневековых категорий. Это, в частности, привело к возникновению империи Карла V, который законным путем, при помощи браков и наследования, объединил под своим скипетром огромные европейские владения и бросил вызов доминированию Валуа, достигнутому по итогам Столетней войны (1337–1453).

После заключения Вестфальских договоров эта борьба возобновилась. По итогам Тридцатилетней, Восемидесятилетней и франко-испанской войн Габсбурги потерпели поражение. Это означало дисбаланс сил в Европе, началось новое возвышение французских королей – на сей раз Бурбонов. Франция, став сильнейшей державой Европы, проводила политику, направленную на обеспечение безопасности своих границ путем дальнейших территориальных приобретений и, как полагали ее соперники, на обеспечение гегемонии на континенте. Это привело к серии войн (Деволуционная война, Голландская война, Война Аугсбургской лиги, Война за испанское наследство), по итогам которых Франция лишилась доминирующего положения. Именно в 1713–1714 гг., с подписанием системы мирных договоров, завершивших Войну за испанское наследство (Утрехтского, Раштаттского и Баденского), была де-факто установлена система баланса сил, уже в 1718–1720 гг. доказавшая свою эффективность в ходе Войны четвертного союза, известной также как Война за французское наследство. Произошло это, однако, спустя 65 лет после подписания Вестфальского мирного договора.

Не покончил Вестфальский мир и с религиозными конфликтами в Европе. К моменту подписания мирного договора религиозная война в Священной Римской империи уже прекратилась, и Вестфальский договор лишь зафиксировал условия Пражского мира. При этом это урегулирование касалось только СРИГН и не распространялось на другие страны. В год подписания Вестфальских договоров в Украине произошло восстание Богдана

Хмельницкого, одной из движущих сил которого стала борьба православного казачества и крестьянства против католической шляхты. В 1642 г. началась гражданская война в Англии, также имевшая очевидную религиозную составляющую в виде борьбы английских пуритан против англикан, шотландских пуритан и католиков; иногда события этих лет именуют также Пуританской революцией. В 1656 г. произошла Первая Вильмергенская война в Швейцарии между протестантскими и католическими кантонами и городами, формальным поводом для которой стали преследования протестантов в католическом кантоне Швиц. Во Франции с начала 1660-х годов вновь начались гонения на протестантов, в 1681 г. была введена практика драгонад, в 1685 г. формально отменен Нантский эдикт. Эти события привели к массовому бегству протестантов из страны и восстанию камизаров в 1702–1705 гг. В 1684 г. произошло восстание вальденсов в герцогстве Савойском, в 1712 г. – Вторая Вильмергенская (Тоттенбургская) война в Швейцарии.

Актуальность для тогдашней европейской политики религиозного вопроса не стоит преуменьшать: в протестантских странах широко распространялись памфлеты и листовки, в которых провозглашалось скорое начало новой войны за веру в условиях ужесточения преследования протестантов в католических странах – Австрии и Франции [47]. Многие крупные войны воспринимались в этой парадигме как межконфессиональные – Война Аугсбургской лиги (1688–1697), Война за испанское наследство (1702–1713) и даже Семилетняя война (1756–1763) [48, р. 7-8]. Более того, защита прав единоверцев по-прежнему считалась легитимным поводом для вооруженной интервенции. В 1655 г. после Пьемонтской пасхи, в результате которой погибли до 6 тыс. вальденсов, лорд-протектор Англии Оливер Кромвель пригрозил начать войну против герцогства Савойского, если преследования протестантов не прекратятся.

Вестфальский мир отнюдь не привел к уменьшению влияния религии на внешнюю политику государств. Он лишь зафиксировал принципы межконфессионального урегулирования по итогам закончившегося за 13 лет до того религиозного конфликта внутри СРИГН, но на смену внутренним религиозным конфликтам, успешно завершившимся победой той или иной стороны или мирным урегулированием в пользу господствующей религии, пришли внешние конфликты, в которых религия играла важную роль.

* * *

Таким образом, можно констатировать, что представление о Тридцатилетней войне как о конфликте, от которого зависело само существование европейских национальных государств, не соответствует действительности. Оно сформировалось под влиянием антигабсбургской пропаганды XVII в. и прочно вошло в исторический и политический дискурс протестантских стран и государств, воевавших в составе антигабсбургской коалиции. Однако исследования последних десятилетий позволяют утверждать, что Габсбурги ни на момент начала войны, ни в процессе ее ведения не планировали создания общеевропейской универсальной монархии. Как следствие, Вестфальский мирный договор отнюдь не означал крах габсбургских экспансионистских намерений.

Аналогичным образом он не подразумевал создания баланса сил. Наоборот, подписание Вестфальского мирного договора и Пиренейского мира 1659 г. привело к росту влияния Франции. Претензии Людовика XIV на гегемонию в Европе вынудили другие великие державы объединиться, чтобы противостоять французской экспансии. Лишь после серии затяжных войн Франция вынуждена была отказаться от гегемонистских амбиций.

Наконец, крупные религиозные войны во Франции и Священной Римской империи фактически окончились задолго до подписания Вестфальского мирного договора. При этом религиозный аспект внешней политики являлся значимым фактором отношений европейских стран вплоть до наполеоновских войн.

Продолжение следует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Acta Pacis Westphalicae*. Available at: <http://www.pax-westphalica.de/> (accessed 25.07.2019).
2. Schmidt G. *The Peace of Westphalia as the fundamental law of the complimentary Empire-State. War and peace in Europe*. Bussmann K., Schilling, H., eds. Munster, Bruckmann, 1998. Vol. I, pp. 447-454.
3. Schröder P. The Constitution of the Holy Roman Empire after 1648: Samuel Puffendorf's Assessment in his Monzambano. *The Historical Journal*, 1999, vol. 42, no. 4, pp. 961-983. DOI: 10.1017/S0018246X99008754
4. Straumann B. The Peace of Westphalia as a Secular Constitution. *Constellations*, 2008, vol. 15, no. 2, pp. 173-188. DOI:10.1111/j.1467-8675.2008.00483.
5. Asch R.G. The ius foederis re-examined: the Peace of Westphalia and the constitution of the Holy Roman Empire. *Peace Treaties and International Law in European History: From the Late Middle Ages to World War One*. Lesaffer R., ed. New York, Cambridge University Press, 2004, pp. 319-337.
6. Gross L. The Peace of Westphalia, 1648-1948. *The American Journal of International Law*, 1948, vol. 42, no. 1, pp. 20-41. DOI: 10.2307/2193560
7. Fauchille P. *Traite de Droit International Public*. Paris, Rousseau and Co, 1922. Vol. I, iss. 4. 1058 p.
8. Winfield P.H. *The Foundations and the Future of International Law*. New York, The Macmillan Co., 1941. 125 p.
9. Dunn F.S. International Legislation. *Political Science Quarterly*, 1927, vol. 42, pp. 571-588.
10. Osiander A. Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth. *International Organization*, 2001, vol. 55, iss. 2, pp. 251-87.
11. Morgenthau H.J. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York, Alfred Knopf, 1948. 489 p.
12. Morgenthau H.J. The Problem of Sovereignty Reconsidered. *Columbia Law Review*, 1948, vol. 48, no. 3, pp. 341-365. DOI: 10.2307/1118308
13. Bull H. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. London, MacMillan Press Ltd, 1977. 329 p.
14. Buzan B., Little R. *International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations*. Oxford, New York, Oxford University Press, 2000. 452 p.
15. Buzan B., Lawson, G. Rethinking Benchmark Dates in International Relations. *European Journal of International Relations*, 2014, vol. 20, iss. 2, pp. 437-462. DOI: 10.1177/1354066112454553
16. Buzan B., Lawson G. *The Global Transformation: History, Modernity and the Making of International Relations*. Cambridge, Cambridge University Press, 2015. 396 p.
17. Krasner S.D. Westphalia and All That. *Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions and Political Change*. Goldstein, J., Keohane R.O., eds. London, Cornell University Press, 1993, pp. 235-264.
18. Krasner S.D. *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. Princeton, Princeton University Press, 1999. 264 p.
19. Croxton D. The Peace of Westphalia of 1648 and the Origins of Sovereignty. *The International History Review*, 1999, vol. 21, no. 3, pp. 569-591. DOI: 10.1080/07075332.1999.9640869
20. Beaulac S. The Westphalian Legal Orthodoxy – Myth or Reality? *Journal of the History of International Law*, 2000, vol. 2, iss. 2, pp. 148-177. DOI: 10.1163/15718050020956812
21. Beaulac S. The Westphalian Model in Defining International History: Challenging the Myth. *Australian Journal of Legal History*, 2004, vol. 8, no. 2. Available at: <http://classic.austlii.edu.au/au/journals/AJLH/2004/9.html> (accessed 25.07.2019).
22. Beaulac S. *The Power of Language in the Making of International Law: The Word Sovereignty in Bodin and Vattel and the Myth of Westphalia*. Leiden, Brill Academic Publishers incorporates the imprint Martinus Nijhoff Publishers, 2004. 200 p.
23. Osiander A. *The States System of Europe 1640–1990. Peacemaking and the Conditions of International Stability*. Oxford, Clarendon Press, 1994. 368 p.
24. Teschke B. Theorizing the Westphalian System of States: International Relations from Absolutism to Capitalism. *European Journal of International Relations*, 2002, vol. 8, no. 1, pp. 5-48.
25. Тешке Б. *Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений*. Пер с англ. Кралечкин Д., ред. Москва, Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. 415 с. [English edition: Teschke B. *The Myth of 1648: Class, Geopolitics, and the Making of Modern International Relations*. London, New York, Verso, 2003. 308 p.]
26. Teschke B. Debating 'The Myth of 1648': State Formation, the Interstate System and the Emergence of Capitalism in Europe – A Rejoinder. *International Politics*, 2006, vol. 43, pp. 531-573.
27. Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge, Cambridge University Press, 1999. 429 p.
28. Jackson R. *Global Covenant: Human Conduct in a World of States*. Oxford, Oxford University Press, 2000. 464 p.
29. Philpott D. *Revolutions in Sovereignty: How Ideas Shaped Modern International Relations*. Princeton, Princeton University Press, 2001. 339 p.
30. Clark I. *Legitimacy in International Society*. Oxford, Oxford University Press, 2005. 278 p.
31. Lesaffer R. Peace treaties from Lodi to Westphalia. *Peace Treaties and International Law in European History: From the Late Middle Ages to World War One*. Lesaffer R., ed. Cambridge, Cambridge University Press, 2004, pp. 9-44.

32. Lesaffer R. The non-Westphalian Peace. *Oxford Public International Law (OPIL)*. Available at: <https://opil.ouplaw.com/page/non-westphalian-peace/the-nonwestphalian-peace>. (accessed 25.07.2019).
33. Osiander A. *Before the State: Systemic Political Change in the West from the Greeks to the French Revolution*. Oxford, Oxford University Press, 2007. 564 p.
34. Болак С. Проявление силы вестфальского мифа в международном праве. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*, 2011, № 5, сс. 141-153. [English edition: Beaulac S. *The Power of the Westphalian Myth in International Law*. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2965241 (accessed 25.11.2019)].
35. Croxton D. *Westphalia: The Last Christian Peace*. New York, Palgrave Macmillan, 2013. 452 p.
36. Kayaoglu T. Westphalian Eurocentrism in International Relations Theory. *International Studies Review*, 2010, vol. 12, no. 2, pp. 193-217.
37. Hobson J.M. Provincializing Westphalia: The Eastern Origins of Sovereignty. *International Politics*, 2009, vol. 46, no. 6, pp. 671-90.
38. Carvalho B. de, Leira H., Hobson J.M. The Big Bangs of IR: The Myths That Your Teachers Still Tell You about 1648 and 1919. *Millennium – Journal of International Studies*, 2011, vol. 39, no. 3, pp. 735-758.
39. Киссинджер Г. *Мировой порядок*. Пер. с англ. В. Желнинов, А. Милюков, ред. Москва, АСТ, 2015. 512 с. [English edition: Kissinger H. *World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History*. New York, Penguin Press, 2014. 432 p.]
40. Thomas A.L. A House Divided: Wittelsbach Confessional Court Cultures in the Holy Roman Empire. *Studies in Medieval and Reformation Traditions*. Leiden, Boston, Brill, 2010. Vol. 150, pp. 1550-1650.
41. Steinberg S.H. *The 'Thirty Years War' and the Conflict for European Hegemony, 1600-1660*. New York, W.W. Norton and Company, 1966. 140 p.
42. Wilson P.H. *Europe's Tragedy: A History of the Thirty Years War*. London, Penguin, 2010. 1024 p.
43. Поршневу Б.Ф. *Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства*. Москва, Наука, 1976. 436 с. [Porshnev B.F. *Tridtsatiletnaya voina i vstuplenie v nee Shvetsii i Moskovskogo gosudarstva* [The Thirty Years War and the Entrance of Sweden and the Muscovite State]. Moscow, Nauka, 1976. 436 p.]
44. Parker G., ed. *The Thirty Years War*. London, New York, Routledge, 1997. 336 p.
45. Parker G. *The Army of Flanders and the Spanish Road, 1567-1659: the Logistics of Spanish Victory and Defeat in the Low Countries' Wars*. London, Cambridge University Press, 2004. 309 p.
46. Cooper J.P., ed. The Decline of Spain and the Thirty Years War 1609-48/59. *The New Cambridge Modern History*. Cambridge University Press, 1970. Vol. IV. 726 p.
47. Thompson A.C. After Westphalia: Remodelling a Religious Foreign Policy. *War and Religion after Westphalia, 1648-1713*. Onnekink D., ed. Farnham, Ashgate, 2009, pp. 47-67.
48. Onnekink D. The 'Dark Alliance' between Religion and War. *War and Religion after Westphalia, 1648-1713*. Onnekink D., ed., Farnham, Ashgate, 2009, pp. 1-15.

WESTPHALIAN MYTH: HISTORY AND CRITICISM**(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2019, no. 3, pp. 37-50)****Received 15.10.2019.**Aleksei V. KUPRIYANOV (a.kupriyanov@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

The article is devoted to the deconstruction of the so-called Westphalian Myth, a set of ideas about the Peace of Westphalia as the starting point and basis of the modern world order. The article is largely historiographic in nature and is intended to summarize for the Russian reader the position of critics of the Westphalian Myth. According to the author, the genesis of the Westphalian Myth dates back to the works of Leo Gross and Hans Morgenthau, who created a concept that formed the basis of the generally accepted history of international relations within the framework of the discipline of IR. Until recently this concept did not raise questions among researchers. However, the 1990s saw a so-called 'Historical Turn' in IRs, when historians and specialists in international law and IR challenged the generally accepted concept, after analyzing the text of the treaties of the Peace of Westphalia. The author identifies two waves of 'Historical Turn'. The first criticized the Westphalian Myth for its inconsistency with historical facts, the second focuses on the criticism of the Westphalian Myth as a Eurocentric construct that does not take into account the events taking place in the rest of the world at that time. Further, the author examines one of the key provisions of the Westphalian myth: the idea of the Thirty Years War as an existential conflict, during which the Spanish and Austrian Habsburgs tried to destroy the nation states in Europe and establish a universal monarchy. Analyzing the course of hostilities, the author comes to the conclusion that during most of the Thirty Years War, the Austrian Habsburgs defended themselves and were engaged in suppressing rebellions on their territory and repelling the invasions of foreign troops. The coordination of the Spanish and Austrian Habsburgs was rather weak, each branch of the dynasty pursued primarily its own interests. Further, the author considers two more claims of the Westphalian Myth: that the Westphalia established a balance of power in Europe, and that the religious factor in the post-Westphalian period was reduced. The author demonstrates that the Peace of Westphalia and Peace of Pyrenees did not mark a transition to a balance of power in Europe, but the growth of French hegemony, which was stopped only after series of wars resulted in signing of the Peace of Utrecht. In addition, the author argues that the religious factor played an important role in European politics until the 19th century.

Keywords: Peace of Westphalia, Thirty Years War, History of International Relations, Westphalian Myth, France, Holy Roman Empire.

About the author:

Aleksei V. KUPRIYANOV, Cand. Sci. (Hist.), Senior Researcher, Sector of International Organizations and Global Political Governance, Department of International Political Problems..

DOI: 10.20542/afij-2019-3-37-50

РАЗВИТИЕ ЭКОСИСТЕМЫ КРИПТОАКТИВОВ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

© 2019 г. А. МАСЛЕННИКОВ

МАСЛЕННИКОВ Александр Оскарович, научный сотрудник Центра энергетических исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (maslennikov@imemo.ru).

Статья подготовлена в рамках НИР “Формирование полицентричного миропорядка: риски и возможности для России” программы Российской академии наук КП19-268 “Большие вызовы и научные основы прогнозирования и стратегического планирования”.

Масленников А.О. Развитие экосистемы криптоактивов: новые тенденции.
Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2019, № 3, сс. 51-58. DOI: 10.20542/afj-2019-3-51-58.

DOI: 10.20542/afj-2019-3-51-58

УДК: 336+339+341.1+430

Статья поступила в редакцию 02.12.2019.

Происходит быстрый рост глобальной экосистемы криптоактивов, общее число которых уже превысило 2 тыс. шт. Около двух третей совокупной рыночной капитализации криптоэкокомплекса приходится на биткойны, хотя с середины 2018 г. увеличивается доля других цифровых инструментов. Качественный скачок в развитии рынка криптоактивов может произойти с приходом в него крупных институциональных инвесторов. Этому будет способствовать постепенное расширение перечня доступных им инструментов, развитие рынка кастодиальных услуг для криптоактивов, а также совершенствование механизма регулирования операций с ними в США.

Ключевые слова: экосистема криптоактивов, криптовалюта, биткойн, эфириум, институциональные инвесторы, рыночные риски.

В последнее десятилетие в мире сложилась целая экосистема криптоактивов. Под криптоактивами, или криптовалютами, понимаются цифровые токены, основанные на блокчейн-технологии. Их экосистему составляют сами токены, инфраструктура по их созданию и обращению, а также система взаимоотношений участников транзакций с ними.

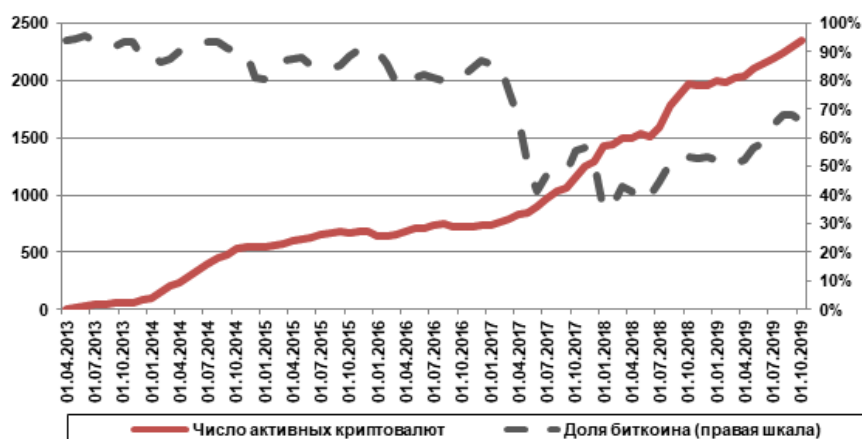
Экосистема криптоактивов продолжает динамично развиваться: среднемесячный объем ввода на рынок новых цифровых инструментов превышает количество выводимых из обращения. По состоянию на октябрь 2019 г. число криптоактивов, с которыми совершались операции на специализированных биржевых площадках, достигло исторического максимума 2348 шт.

ДИНАМИКА И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

Эволюцию экосистемы криптоактивов можно условно разбить на четыре периода. На начальном этапе – с момента генерации первого биткойна (*bitcoin*) в январе 2009 г. и до конца 2013 г. – количество обращавшихся на рынке криптоактивов не превышало 80 шт. В период 2014–2016 гг. число активных криптоактивов выросло почти в 10 раз – до 736 шт. Правда, подавляющая часть их совокупной рыночной стоимости по-прежнему приходилась на биткойны, доля которых в этот период стабилизировалась в диапазоне 80-90% (рис. 1).

В период 2017 г. – середины 2018 г. заметно возросла скорость появления новых цифровых инструментов, а доля биткойна в совокупной рыночной капитализации криптовалют упала до 40%. Во многом это связано с тем, что две другие криптовалюты, входящие в тройку крупнейших, основываются на собственных бизнес-моделях, отличных от бизнес-модели биткойна: эфириум (*ethereum*) опирается на систему смарт-контрактов, а XRP служит криптовалютой платформой для транзакций в разработанной компанией *Ripple* системе межбанковских платежей [1].

Рисунок 1. Количество торгуемых криптоактивов и доля биткойна в их совокупной рыночной капитализации, 2013–2019 гг.

Источник: рассчитано по данным *coinmarketcap.com*.

Современный этап развития рынка криптовалют начался с середины 2018 г. На фоне продолжающегося быстрого роста количества торгуемых токенов в их экосистеме наблюдается процесс консолидации. При этом к октябрю 2019 г. доля биткойна в их совокупной рыночной капитализации вновь выросла до 66% (в июне 2018 г. – 40%), доля эфириума за тот же период снизилась с 17.8% до 8.4%, а XRP – с 7.5% до 5.3% (табл. 1). Таким образом, центральное место в действующей криптоэкосистеме остается за биткойном.

Таблица 1. Крупнейшие криптоактивы, октябрь 2019 г.

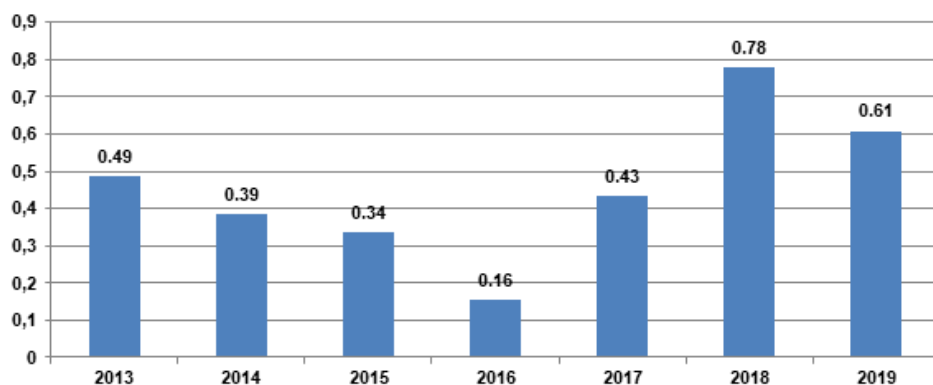
Криптоактив	Рыночная капитализация, млрд долл.	Доля, %
1 <i>Bitcoin</i>	150.9	65.8
2 <i>Ethereum</i>	19.4	8.4
3 <i>XRP</i>	12.1	5.3
3 крупнейших криптоактива	182.4	79.5
4 <i>Bitcoin cash</i>	4.2	1.8
5 <i>Tether</i>	4.1	1.8
6 <i>Litecoin</i>	3.6	1.6
7 <i>EOS</i>	2.9	1.3
8 <i>Binance coin</i>	2.7	1.2
9 <i>Bitcoin SV</i>	1.8	0.8
10 <i>Stellar</i>	1.2	0.5
10 крупнейших криптоактивов	202.9	88.5
Все криптоактивы	229.4	100.0

Источник: рассчитано по данным *coinmarketcap.com*.

Более того, наблюдается все большая гармонизация ценовой динамики отдельных цифровых инструментов. Средний коэффициент корреляции доходностей по десяти крупнейшим криптовалютам в 2018 г. достигал очень высокого уровня 0.78 (рис. 2). Хотя в январе–октябре 2019 г. показатель снизился до 0.61, он по-прежнему превышает диапазон значений, характерных для 2013–2016 гг. Однонаправленность ценовой динамики большинства

криптоактивов свидетельствует о том, что преобладающее влияние на их котировки оказывают ожидания рыночных игроков относительно перспектив развития криптоэкокомплекса как такового, а не особенности бизнес-моделей составляющих его отдельных проектов.

Рисунок 2. Динамика среднего коэффициента корреляции между 10 крупнейшими криптоактивами по рыночной капитализации, 2013–2019 гг.

Источник: рассчитано по данным *coinmarketcap.com*.

Вместе с тем по некоторым показателям возросла диверсификация криптоэкоэкосистемы. Во-первых, в апреле 2019 г. криптовалюта *tether*, курс которой привязан к американскому доллару (так называемый стейблкоин), обогнала биткойн по объему торгов и по состоянию на конец сентября 2019 г. сохраняет лидирующие позиции [2]. *Tether* в возрастающих объемах используется многими участниками рынка криптоактивов не только как инструмент первоначального выхода на этот рынок (путем обмена фиатной валюты на *tether* с последующим приобретением за нее других криптовалют, включая биткойн), но и для денежных переводов. Во-вторых, биткойн уступил эфириуму часть своих позиций как ценового лидера. Если в январе 2017 – июне 2018 гг. котировки более 70% активно торгуемых криптоактивов¹ в наибольшей степени коррелировали с биткойном, нежели с какой-либо другой цифровой валютой, то в июле 2018 – октябре 2019 гг. этот показатель снизился до 35%. В то время эфириум выступил в качестве ценового лидера уже для 37% активно торгуемых криптовалют (табл. 2).

Таблица 2. Десять крупнейших криптовалют: число в наибольшей степени скоррелированных с ними других криптоактивов

1.01.2017 – 30.06.2018			1.07.2018 – 30.10.2019		
	Количество скоррелированных криптоактивов	%		Количество скоррелированных криптоактивов	%
Bitcoin	318	71.6	<i>Ethereum</i>	456	36.8
<i>Ethereum</i>	34	7.7	Bitcoin	440	35.5
<i>Stellar</i>	27	6.1	<i>Litecoin</i>	113	9.1
<i>Monero</i>	22	5.0	<i>EOS</i>	50	4.0
<i>Litecoin</i>	20	4.5	<i>TRON</i>	48	3.9
<i>NEO</i>	9	2.0	<i>Bitcoin cash</i>	42	3.4
<i>Dash</i>	6	1.4	<i>XRP</i>	39	3.1
<i>Ethereum classic</i>	5	1.1	<i>Stellar</i>	35	2.8
<i>XRP</i>	3	0.7	<i>Binance coin</i>	14	1.1
<i>Tether</i>	0	0.0	<i>Tether</i>	3	0.2
Всего	444	100	Всего	1240	100

Источник: рассчитано по данным *coinmarketcap.com*.

¹ К активно торгуемым мы относим криптовалюты, которые торговались на биржах в течение как минимум 90% дней рассматриваемого периода.

В-третьих, если ранее биткойн был наименее рискованной криптовалютой с точки зрения масштаба возможных потерь при инвестировании (исключая стэйблкоины) [3], то с середины 2018 г. ситуация несколько изменилась. Из 30 крупнейших криптоактивов в период с июля 2018 г. по октябрь 2019 г. наименее рискованной оказалась *Unus Sed Leo* (инструмент одной из крупнейших криптобирж *Bitfinex*), биткойн же оказался на втором месте (табл. 3). При этом также существенно сократился разрыв между волатильностью доходности биткойна и второй крупнейшей криптовалютой – эфириума.

Таблица 3. Наименее волатильные из 30 крупнейших криптоактивов по рыночной капитализации (за исключением стэйблкоинов), 1.01.2017–30.10.2019

1.01.2017–30.06.2018		1.07.2018–30.10.2019	
	Стандартное отклонение дневной доходности, п.п.		Стандартное отклонение дневной доходности, п.п.
Bitcoin	5.0	<i>Unus Sed Leo</i>	3.3
<i>Ethereum</i>	6.9	Bitcoin	3.6
<i>Dash</i>	7.7	<i>Huobi-token</i>	4.4
<i>Monero</i>	7.7	<i>Binance coin</i>	4.6
<i>Zcash</i>	7.8	<i>Ethereum</i>	4.7
<i>Litecoin</i>	8.1	<i>Monero</i>	4.8
<i>Ethereum classic</i>	8.4	<i>Ethereum classic</i>	4.8
<i>Zilliqa</i>	9.2	<i>Stellar</i>	4.8
<i>Lisk</i>	9.4	<i>XRP</i>	4.9
<i>Iota</i>	10.2	<i>Dash</i>	4.9
Для сравнения: фьючерс на природный газ Henry Hub	2.4	Для сравнения: фьючерс на природный газ Henry Hub	3.1

Источник: рассчитано по данным *coinmarketcap.com* и *Bloomberg*.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Присущие криптоактивам высокие рыночные риски, наряду с операционными рисками и неопределенностью регулятивной среды, пока сдерживают аппетиты по отношению к ним со стороны крупных институциональных инвесторов, включая пенсионные и страховые фонды, хедж-фонды, а также паевые инвестиционные фонды. В перспективе приход таких инвесторов способен значительно изменить структуру и состав участников всей глобальной криптоэкосистемы. В 2018 г. совокупный объем активов под управлением (*assets under management, AUM*) институциональных инвесторов составил в мире 74.3 трлн долл. [4] Даже 1% этой суммы превышает текущую совокупную рыночную капитализацию глобального криптокомплекса более чем в три раза.

Текущая ситуация объясняется тем, что по сравнению с традиционными классами активов криптовалюты все еще остаются значительно более рискованным объектом для инвестиций, хотя в силу наблюдаемого снижения волатильности их котировок разрыв постепенно сокращается. Стандартное отклонение дневной доходности биткойна снизилось в июле 2018 г. – октябре 2019 г. до 3.6 процентных пунктов (в январе 2017 г. – июне 2018 г. оно составляло 5 п.п.). При этом аналогичный показатель для одного из наиболее рискованных из традиционных финансовых активов – фьючерсного контракта на природный газ [5] – увеличился за тот же период с 2.4 п.п. до 3.1 п.п.

В последние пару лет для институциональных инвесторов, которые не имеют возможности вкладывать средства в криптовалюту напрямую, стали доступны производные инструменты на криптоактивы на двух крупнейших глобальных биржевых холдингах *CME Group* и *Intercontinental Exchange (ICE)*. В декабре 2017 г. на *CME Group* были запущены фьючерсные контракты на биткойны, в сентябре 2019 г. аналогичные торги стартовали

на *ICE*. При этом в отличие от фьючерса на *CME Group*, исполняемого путем финансовых взаиморасчетов в зависимости от динамики цены биткойна, фьючерсный контракт на *ICE* предусматривает так называемую физическую поставку, то есть передачу криптовалюты продавцом покупателю через клиринговую систему биржи. Обе биржи объявили о планах запустить также опционные контракты на биткойны: *ICE* – в декабре 2019 г., *CME Group* – в первом квартале 2020 г.

Пока спрос участников рынка на новые инструменты носит ограниченный характер. Всего за 10 месяцев 2019 г. среднемесячный объем торгов фьючерсами на биткойны на *CME Group* составил 5.2 млрд долл., что почти на 80% превысило соответствующий показатель за аналогичный период 2018 г. Однако во второй половине 2019 г. наблюдалось снижение как объема торгов, так и открытых позиций (рис. 3). Объемы торгов новыми фьючерсами на бирже *ICE* пока существенно ниже: за период с 23 октября по 22 ноября 2019 г. всего 204 млн долл. [6]

Рисунок 3. Динамика объема торгов и среднемесячных открытых позиций по фьючерсным контрактам на биткойны на бирже *CME Group*

Источник: рассчитано по данным *CME Group*.

Необходимым условием прихода институциональных инвесторов в экосистему криптоактивов является развитие рынка кастодиальных услуг, то есть услуг по безопасному хранению и учету таких активов в интересах клиентов. В 2018–2019 гг. ситуация в этой области существенно улучшилась. В конце 2019 г. соответствующей лицензией обладали уже как минимум десять компаний, восемь из которых начали полностью или частично страховать активы клиентов [7]. В ноябре 2019 г. лицензию на оказание кастодиальных услуг для криптоактивов получила *Fidelity Digital Assets*, входящая в структуру одной из крупнейших в мире инвестиционных компаний *Fidelity* [8].

Последняя оказывает широкий спектр услуг на традиционных финансовых рынках, включая рынки акций, облигаций, валют и производных финансовых инструментов. По состоянию на сентябрь 2019 г. под управлением *Fidelity* находились активы в размере 3 трлн долл. [9], что составляет около 4% всех мировых активов, находящихся в доверительном управлении [4]. Приход крупного игрока из традиционного финансового сектора на рынок криптоактивов свидетельствует о возможном росте интереса институциональных инвесторов к нему.

Неопределенность регулятивной среды до сих пор выступает одним из основных сдерживающих факторов развития и диверсификации глобального криптоэкокомплекса. Регуляторы отдельных стран используют неодинаковые подходы. В ряде юрисдикций, включая Швейцарию, уже разрешен широкий перечень операций с криптоактивами. Однако глобальная ситуация будет определяться развитием системы их регулирования в США, поскольку американский финансовый рынок составляет основу глобальной финансовой системы.

Разработка системы регулирования криптоактивов в США происходит медленно. На федеральном уровне они подлежат регулированию со стороны Сетевого управления по

борьбе с финансовыми преступлениями (*Financial Crimes Enforcement Network, FinCEN*), Службы внутренних доходов (*Internal Revenue Service, IRS*), Комиссии по торговле сырьевыми фьючерсами (*Commodity Futures Trading Commission, CFTC*), Комиссии по ценным бумагам и биржам (*Securities and Exchange Commission, SEC*), Службы регулирования отрасли финансовых услуг (*Financial Industry Regulatory Authority, FINRA*). Отдельные аспекты обращения криптоактивов регулируются на уровне властей штатов. Каждый из регуляторов в рамках своей зоны ответственности решает вопрос о том, как новые инструменты должны быть интегрированы в существующую законодательную базу, причем процесс идет при взаимодействии с участниками рынка.

Американские финансовые регуляторы постепенно вводят криптоактивы и операции с ними в правовое поле, в том числе путем выпуска специальных разъяснений. В частности, в 2019 г. их выпустили *FinCEN* (о порядке регулирования денежных переводов с участием криптоактивов [10]), *IRS* (порядок налогообложения операций с криптоактивами [11]), а также *SEC* и *FINRA* (о комплаенс-процедурах для криптокастодианов, к которым предъявляются требования по обеспечению конфиденциальности, надежности и безопасности хранения цифровых активов, достаточности капитала, а также в области противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма [12]). Все большее число бирж, осуществляющих торговлю криптовалютами, внедряют механизмы идентификации своих клиентов. Сегодня уже шесть из десяти крупнейших криптобирж (*Gemini, itBit, Poloniex, Coinbase, bitFlyer, Bitstamp*) обладают лицензией *BitLicense*, включающей требования по процедурам надзора за рынком и предоставлению информации регуляторам, выдаваемым регулятором штата Нью-Йорк.

В целом американские регуляторы не запрещают участникам рынка большинство операций с криптовалютами, но предъявляют к ним жесткие требования. Они в общем аналогичны требованиям к операциям с фиатными валютами и традиционными активами, в том числе в отношении процедур по противодействию отмыванию денег, включая принцип “знай своего клиента”. Несмотря на жесткость требований, прояснение позиции регуляторов снижает уровень неопределенности регулятивной среды и способствует развитию криптоэкокомплекса, повышению его инвестиционной привлекательности.

* * *

Таким образом, экосистема криптоактивов пока остается “биткоиноцентричной”, хотя в последние полтора года наблюдалось повышение роли ряда других криптовалют. Приход крупных институциональных инвесторов, которые пока воздерживаются от инвестиций в цифровые токены, способен существенно ускорить развитие глобальной криптоэкосистемы. Этому будет способствовать расширение перечня доступных институциональным инвесторам инструментов, выход на рынок кастодиальных услуг для криптоактивов крупных игроков из сектора традиционных финансовых активов, а также совершенствование механизмов регулирования операций с криптоактивами в США.

Помимо высоких рыночных рисков, значительным сдерживающим фактором для развития криптокомплекса остается низкий уровень практического применения криптоактивов в экономической деятельности. При этом сами лежащие в основе криптовалют блокчейн-технологии уже находят применение в различных секторах экономики. Например, в сфере трансграничных переводов и платежей такие технологии активно тестируют уже не стартапы, а банковские и ИТ гиганты, включая *J.P. Morgan, IBM*, и систему *SWIFT* [13]. В сфере торговли нефтью и ее продуктами крупнейшие компании-производители и трейдеры переходят от стадии тестирования к рыночной реализации блокчейн-технологий [14]. Можно прогнозировать, что до тех пор, пока участники рынка не найдут жизнеспособные механизмы масштабного использования криптовалют в своей деятельности, вряд ли произойдет существенное повышение уровня развития глобальной криптоэкосистемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Жуков С.В., Копытин И.А., Масленников А.О. Экосистема финтех: крупнейшие частные криптосистемы. *Международные процессы*, 2019, т. 17, № 1(56), сс. 22-37. [Zhukov S.V., Kopytin I.A., Maslennikov A.O. Ekosistema fintekha: krupneishie chastnyye kriptosistemy [Fintech Ecosystem: Largest Private Crypto Systems]. *International Trends*, 2019, vol. 17, no. 1 (56), pp. 22-37.]
2. Kharif O. The World's Most-Used Cryptocurrency Isn't Bitcoin. *Bloomberg*, 01.10.2019. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-10-01/tether-not-bitcoin-likely-the-world-s-most-used-cryptocurrency> (accessed 19.11.2019).
3. Масленников А.О. Кластерная структура крупнейших криптовалют и возможности диверсификации рыночного риска инвестиционного портфеля. *Инновации и инвестиции*, 2018, № 11, сс. 22-25. [Maslennikov A.O. Klaster'naya struktura krupneishikh kriptovalyut i vozmozhnosti diversifikatsii rynochnogo riska investitsionnogo portfelya [Cluster Structure of the Largest Cryptocurrencies and Possibilities for Diversification of Investment Portfolio Market Risk]. *Innovatsii i investitsii*, 2018, no. 11, pp. 22-25.]
4. Global Asset Management 2019: Will These '20s Roar? *Boston Consulting Group*, July 2019. Available at: http://image-src.bcg.com/Images/BCG-Global-Asset-Management-2019-Will-These-20s-Roar-July-2019-R_tcm74-227414.pdf (accessed 13.11.2019).
5. Zhukov S.V., Kopytin I.A., Maslennikov A.O. What Value-at-Risk and Expected Shortfall Metrics Tell a Risk Averse Investor in Cryptocurrencies. Proceeding of the International Science and Technology Conference "FarEastCon-2018". Smart Technologies and Innovations in Design for Control of Technological Processes and Objects: Economy and Production. Solovov D.B. ed., *Smart Innovation, Systems and Technologies*, 2019, vol. 139-2, pp. 398-410. DOI: 10.1007/978-3-030-18553-4_50
6. *Bakkt official twitter account*. Available at: <https://twitter.com/bakktbot> (accessed 24.11.2019).
7. *Bitwise Asset Management. Presentation to the U.S. Securities and Exchange Commission*, 12.09.2019. Available at: <https://www.sec.gov/comments/sr-nysearca-2019-01/srnysearca201901-6135582-192240.pdf> (accessed 17.10.2019).
8. Irrera A. Fidelity's crypto company secures New York state license. *Reuters*, 19.11.2019. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-crypto-currency-fidelity/fidelitys-crypto-company-secures-new-york-state-license-idUSKBN1XT24C> (accessed 25.11.2019).
9. *Fidelity by the Numbers: Asset Management*. Available at: <https://www.fidelity.com/about-fidelity/fidelity-by-numbers/asset-management> (accessed 25.11.2019).
10. Application of FinCEN's Regulations to Certain Business Models Involving Convertible Virtual Currencies. *FinCEN*, 09.05.2019. Available at: <https://www.fincen.gov/resources/statutes-regulations/guidance/application-fincens-regulations-certain-business-models> (accessed 25.11.2019).
11. Virtual currency: IRS issues additional guidance on tax treatment and reminds taxpayers of reporting obligations. *IRS News Releases*, 09.10.2019. Available at: <https://www.irs.gov/newsroom/virtual-currency-irs-issues-additional-guidance-on-tax-treatment-and-reminds-taxpayers-of-reporting-obligations> (accessed 25.11.2019).
12. Pellecchia R., DeSouza A. Joint Statement on Broker-Dealer Custody of Digital Asset Securities. FINRA News Release, 08.07.2019. Available at: <https://www.finra.org/media-center/news-releases/2019/joint-statement-broker-dealer-custody-digital-asset-securities> (accessed 25.11.2019).
13. Копытин И.А. Экосистема финтех и усиление конкуренции на рынке трансграничных межбанковских платежей. *Инновации и инвестиции*, 2018, № 11, сс. 130-134. [Kopytin I.A. Ekosistema fintekha i usilenie konkurentsii na rynke transgranichnykh mezhbankovskikh platezhei [Fintech Ecosystem and Increasing Competition in the Cross-border Interbank Payment Market]. *Innovatsii i investitsii*, 2018, no. 11, pp. 130-134.]
14. Kopytin I.A. Could Large International Oil and Gas Companies make advantage of Blockchain? (In Russ., unpublished).

DEVELOPMENT OF CRYPTOASSETS ECOSYSTEM: NEW TRENDS**(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2019, no. 3, pp. 51-58)****Received 02.12.2019.**

Alexander O. MASLENNIKOV (maslennikov@imemo.ru),
Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23,
Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Acknowledgements. The article was prepared as part of the research work "Formation of a polycentric world order: risks and opportunities for Russia" of the program of the Russian Academy of Sciences KP19-268 "Big Challenges and the Scientific Foundations of Forecasting and Strategic Planning".

The number of actively traded cryptoassets reached 2348 in October 2019, though the largest cryptocurrency bitcoin still remains at the core of the crypto ecosystem as it accounts for about two-thirds of the ecosystem's total market capitalization. The article shows that despite persistently high level of cryptocomplex concentration the role of crypto assets other than bitcoin has been increasing since mid-2018 at least in three aspects. First, tether overtook bitcoin in trading volume. Second, ethereum caught up with bitcoin as a price leader for other cryptocurrencies. During Jul. 2018 – Oct. 2019 ethereum was the most correlated large cryptocurrency in terms of daily returns for 37% of actively traded cryptocurrencies, which is close to that of bitcoin (35%). That is a sharp contrast to the results for the period Jan. 2017 – Jun. 2018, when bitcoin was the price leader for more than 70% of actively traded cryptocurrencies. Third, the gap between the level of market risk of non-bitcoin cryptocurrencies and that of bitcoin itself is narrowing although the former still remains to be more risky than bitcoin. It is also shown that bitcoin and other major cryptoassets alike have become less risky during the last 1.5 years in terms of volatility of their daily returns. The potential inflow of funds into crypto complex from institutional investors, which currently prefer to stay away of cryptoassets, could accelerate the development of the crypto ecosystem. The author argues that recent trends in expanding the list of crypto instruments available to institutional investors, development of custodial services for cryptoassets and crypto market regulation in the United States could increase the attractiveness of cryptoassets for institutional investors, provided that large enough number of companies in different economic sectors chose to include cryptoassets into their business models.

Keywords: cryptoassets ecosystem, cryptocurrency, bitcoin, institutional investments, market risks.

About the author:

Alexander O. MASLENNIKOV, Researcher, Center of Energy Studies.

DOI: 10.20542/afij-2019-3-51-58

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПУТЬ МОЛДОВЫ: ИЛЛЮЗИИ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

© 2019 г. В. ВАСИЛЬЕВ

ВАСИЛЬЕВ Виктор Иванович, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник сектора политических проблем европейской интеграции Отдела европейских политических исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 23 (vvi-1947@yandex.ru).

Васильев В.И. Европейский путь Молдовы: иллюзии и действительность.
Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2019, № 3, с с. 59-72. DOI: 10.20542/afj-2019-3-59-72.

DOI: 10.20542/afj-2019-3-59-72

УДК: (430)+(478): 323+327

Статья поступила в редакцию 03.12.2019.

Статья посвящена влиянию Германии, а также Европейского союза, США и России на трансформацию Республики Молдова в контексте интеграционных процессов в Европе и на постсоветском пространстве. Автор выстраивает исследование на основе системно-исторического подхода, а также использует метод глубинных интервью, которые провел лично с германскими политиками и экспертами. По мнению автора, анализ причин неудач Кишинёва в проведении реформ свидетельствует об ошибках Берлина, Брюсселя, Вашингтона и Москвы, связанных с недооценкой молдавских олигархических кругов, захвативших ключевые посты в структурах государственной власти. При поддержке РФ, ЕС и США парламентскому большинству Молдавии удалось создать уникальную правительственную коалицию из Партии социалистов и правого блока АКУМ. Компромисс открывал возможности для взаимовыгодного сотрудничества республики с РФ, ЕАЭС, ЕС, США. Однако амбиции партнеров по правительственной коалиции привели к ее развалу и избранию нового кабинета министров.

Ключевые слова: СНГ, Россия, Республика Молдова, Германия, Европейский союз, "Восточное партнерство", ЕАЭС, европейская интеграция, НАТО.

Тектонические сдвиги в европейской и мировой политике не могли не затронуть и страны на постсоветском пространстве. Попытки руководителей государств бывшего Советского Союза провести реформы в сферах политики, экономики, образования, окружающей среды, управления государством заметных результатов пока не принесли. Причин достаточно много. Например, Кишинёв не использовал благоприятные возможности интеграции в рамках СНГ, отдав в период с 2009 г. по 2016 г. предпочтение европейскому вектору внешней политики. Германия, Европейский союз, США, оказав реальную поддержку процессам обновления, судя по всему, продолжительное время не замечали концентрации власти в руках олигархических кругов Республики Молдова (РМ), ухудшение жизненного уровня ее граждан.

Актуальность темы в том, что на молдавском примере можно проследить тенденции развития некоторых стран СНГ, политика руководителей которых находится в остром противоречии с интересами и ожиданиями жителей. Элиты оказались не способными творчески и разумно использовать потенциал и СНГ, и Евросоюза.

Автор исходит из того, что исследований на тему отношений Германии и Республики Молдова практически нет. Новизна предопределена ее актуальностью с точки зрения

выявления факторов, оказывающих влияние на трансформационные процессы в РМ. В числе задач, поставленных автором, попытка спрогнозировать эволюцию отношений Берлин–Кишинёв, с одной стороны, и показать потенциальные преимущества для Молдавии в ее многовекторной политике, в том числе на российском направлении. Одна из целей – через комплексное исследование частично восполнить пробел, имеющийся в научных работах по проблемам германо-молдавских отношений, их роли и места в диалоге между Москвой, Кишинёвом, Берлином и Брюсселем.

Германия признала Республику Молдову в 1991 г., дипломатические отношения с ней были установлены в апреле 1992 г. РМ стала первым государством из бывшего СССР, которая была принята в Совет Европы в 1995 г. Важной вехой в отношениях между Евросоюзом и РМ стало подписание в 1994 г. “Соглашения о партнерстве и сотрудничестве” (СПС). Молдова стала третьим после РФ и Украины государством, подписавшим такой документ. Среди приоритетных направлений внешнеполитического курса Берлина на постсоветском пространстве – оказание содействия Кишинёву в сближении с ЕС [1].

Берлин постоянно подчеркивал, что проводит в отношении Кишинёва политику на основе ценностей и интересов Евросоюза, оказывает помощь в сотрудничестве Молдавии с ЕС, НАТО, европейскими и международными финансовыми структурами. Посольство ФРГ в Кишинёве с середины 1990-х – начала 2000-х годов инициировало многочисленные проекты оказания гуманитарной помощи, как в рамках двусторонних контактов, так и по линии ЕС. Немцы постоянно выделяли уникальное географическое положение РМ, которая могла бы играть роль моста между Западом и Востоком, СНГ и ЕС. Берлин поощрял амбиции молдавских элит в том плане, что республика, располагая солидным потенциалом в агропромышленном комплексе, способна производить экологически чистую продукцию для европейских потребителей по надлежащим ценам. Германская сторона обещала помочь Кишинёву использовать молдавскую продовольственную нишу овощей и фруктов, а также вино-коньячную продукцию на рынках ФРГ и других стран Европы [2, сс. 160-163].

По всем линиям Берлин последовательно сопровождал сближение Кишинёва с Брюсселем. Молдова, занимающая значимое место в политической повестке Германии, некоторое время являлась примером для стран – участниц “Восточного партнерства”¹. Немцы были удовлетворены хорошей и слаженной работой исполнительной и законодательной властей, добившихся немалого прогресса в реформировании законодательства. Германское МВД поощряло либерализацию визового режима с перспективой его эффективной реализации, подчеркивало хороший уровень сотрудничества двух стран в сферах обеспечения внутренней безопасности и верховенства закона. Деловые круги ФРГ обнадеживали Кишинёв суждениями о благоприятном инвестиционном рынке, планами ряда немецких компаний инвестировать в молдавскую экономику. Со своей стороны, руководство РМ, независимо от политико-идеологических воззрений, всегда стремилось закрепить отношения с ФРГ и ЕС в целом в надежде на солидную финансовую поддержку.

Если канцлер ФРГ (с 2005 г.) и теперь уже бывшая председатель ХДС А. Меркель активно взаимодействовала с премьер-министрами РМ В. Филатом (2009–2013) и Ю. Лянкэ (2013–2015), то СДПГ оказывало поддержку Демократической партии Молдовы (ДПМ). Представитель руководства ДПМ принял участие в съезде социал-демократов в Берлине в декабре 2015 г. В годы премьерства Ю. Лянкэ специальный представитель Германии в ранге старшего советника премьер-министра РМ, эксперт по проблемам безопасности в Европе, вопросам германо-молдавских отношений консультировал молдавское правительство в сферах модернизации государственного управления, реформирования судебной системы, органов правопорядка.

Контакты по линии гражданских обществ ФРГ и РМ были направлены на закрепление проевропейских настроений, на содействие развитию демократии, правового государства.

¹ Проект “Восточное партнерство” был инициирован Польшей и Швецией, утвержден Европейским советом в 2009 г. Он направлен на активизацию сближения Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Молдавии и Украины с Евросоюзом в политической и экономической сферах. Берлин последовательно выступает за активное вовлечение РМ в процессы частичной интеграции с ЕС в рамках “Восточного партнерства”.

После прихода к власти проевропейских партий в 2009 г. по инициативе депутатов Бундестага от ХДС и СДПГ был создан “Германо-молдавский форум” с участием политиков, дипломатов, бизнесменов, активистов гражданского общества [3]. На основе Соглашения Молдовы об ассоциации с ЕС свою работу развернула “Платформа гражданского общества ЕС–Молдова” в целях мониторинга ее активистами выполнения документа по сближению республики с Брюсселем. Заметной площадкой стал “Форум ЕС–Молдова” с участием политиков и ученых. В рамках его второго заседания в Берлине в 2012 г. комиссар ЕС по вопросам расширения и политики добрососедства ЕС Ш. Фюле охарактеризовал РМ как самого надежного, прилежного ученика, поскольку республика проводила реформы достаточно быстро и тщательно. Тем самым страна подтверждала свое лидерство среди стран – участниц проекта “Восточное партнерство”. Госсекретарь МИД ФРГ Э. Хубер презентовала “дорожную карту” по либерализации визового режима, модернизации экономики, борьбе с коррупцией, а представитель министерства экономического сотрудничества ФРГ У. Бёльхоф заявила о готовности Берлина значительно увеличить финансовую помощь Кишинёву [4].

В настоящее время Институт европейских политик и реформ РМ совместно с МИД ФРГ готовят экспертизы по вопросам ассоциированного членства страны с ЕС. По линии немецкого Фонда имени Конрада Аденауэра организуются тематические мероприятия о роли и месте политических партий в развитии демократических институтов, методах борьбы с коррупцией, рисках связки олигархов с правительственными и законодательными структурами. Фонд также делится опытом в области немецкой культуры памяти и исследования диктатуры в ГДР.

КИШИНЁВСКИЕ СОБЫТИЯ 7 АПРЕЛЯ 2009 Г.

Переломным этапом в развитии государственности Республики Молдова стал переворот в Кишинёве 7 апреля 2009 г. Поводом послужили итоги парламентских выборов, на которых коммунисты страны во главе с тогдашним президентом РМ В. Ворониным в очередной раз одержали победу. Оппозиционные силы поставили под сомнение легитимность вота избирателей и использовали силовой метод захвата власти. По сообщениям “Немецкой волны”, противники режима штурмом захватили здания высшего законодательного органа страны. В основном несовершеннолетние и молодежь устроили настоящий погром, разбили мебель и компьютеры, подожгли административные здания. “Миротлюбивые” демонстранты скандировали лозунги: “Свобода, долой коммунистов, мы – часть Европы!”, сжигали флаги местных коммунистов и бывшего СССР, на зданиях были вывешены флаги ЕС и Румынии. В то время как оппозиционеры обвиняли В. Воронина в фальсификации выборов, тогдашний глава государства оценивал события как государственный переворот, предупреждал об опасности дестабилизации положения в стране, кровопролития, настаивал на версии о хорошо организованной и оплаченной акции [5]. Нападение на административные здания представительной и исполнительной власти Берлин назвал внутренним делом суверенного государства, призвал обе стороны к мирному преодолению возникших проблем. Всегда внимательные к нарушениям прав человека немцы на этот раз были сдержанны, корректны, повторяли тезисы о магистральном движении республики по европейскому пути. В 2009 г. германские политики и эксперты в частных беседах старались убедить автора данной статьи в желании и способностях новых молдавских элит, разумеется, при поддержке Берлина и Брюсселя, через 10 лет, то есть к 2019 г., преобразовать отсталое государство в процветающее с высокими европейскими стандартами жизни.

В этой оптимистической философии России отводилась роль поставщика природного газа, а также рынка сбыта молдавской сельскохозяйственной продукции. При этом Москва должна была проявлять сдержанность, не вмешиваться во внутренние дела суверенной страны, уверенно идущей по европейскому пути. Сюжеты, связанные с выдачей гражданам Республики Молдова, прежде всего – находящимся на государственной службе, паспортов Румынии, а также со всплесками румынизации в общественно-политической жизни независимого государства, немецкие коллеги отказываются комментировать, не называя причин².

² Интервью автора с представителями СДПГ, ХДС и Фонда им. Конрада Аденауэра.

С приходом к власти в 2009 г. проевропейского правительства во главе с премьер-министром В. Филатом от Либерально-демократической партии Молдовы (ЛДПМ) Берлин приступил к активной фазе политического, финансового, организационного сопровождения реформ в РМ. В ходе визита в Кишинёв в августе 2012 г. канцлер А. Меркель говорила об успешном развитии Республики Молдова, посоветовав ее жителям радоваться процессам модернизации при правительственном «Альянсе за европейскую интеграцию». Однако, несмотря на мощную поддержку правительства В. Филата со стороны Берлина и Брюсселя, страну все больше охватывал системный кризис. С точки зрения немецких и молдавских экспертов, на пробуксовку трансформационных процессов оказали влияние правящие элиты, сформированные в основном из представителей бизнеса; отсутствие у гражданского общества возможностей оказывать воздействие на правительственный аппарат; политическая мягкотелость ЕС применительно к правительственным элитам РМ.

В 2015 г. эксперты с тревогой предупреждали о ползучей коррупции, поощряемой именно теми партиями, лидеры которых назвали свои организации проевропейскими политическими объединениями. Еще тогда немецкие аналитики признали ошибочность своих представлений о Республике Молдова как образцовом ученике, элиты которой все глубже погружались в коррупцию, заботились больше о личном обогащении, тогда как общество раскалывалось. В результате для граждан РМ курс на частичную интеграцию в ЕС все отчетливее ассоциировался с властью олигархов и взяточничеством, в обществе росло разочарование политической робостью Евросоюза, не замечавшего процессов разложения олигархической верхушки страны. Формирование в январе 2016 г. правительства П. Филипа – ставленника олигарха В. Плахотнюка (ночью, в тайном формате с нарушением норм регламента) вызвало массовое протестное выступление жителей страны, которое организовала Гражданская платформа «Достоинство и правда» при поддержке Партии социалистов Республики Молдова (ПСРМ).

Настроения граждан стали заметно меняться, появилась ностальгия по Советскому Союзу. Согласно социологическим опросам, проведенным в декабре 2018 г., 47.1% жителей республики положительно оценивали коммунистический режим (до 1990 г.), 58.6% считали, что развал союза привел к негативным последствиям для Молдавии; на возможном референдуме о возвращении РМ в состав СССР 40% населения проголосовали бы «за». Примечательно, что состоянием дел в стране оказались разочарованы не только люди старшего поколения, но и молодежь, часть которой выступает за возвращение к советскому прошлому. В целом почти каждый второй респондент жалеет о развале СССР, более половины населения полагает, что республика идет в неправильном направлении. Самыми болезненными источниками беспокойства назывались бедность, безработица, высокие цены [6].

Этими причинами объясняется победа на президентских выборах в 2016 г. И. Додона от партии социалистов, а также возросшее в 2019 г. число ностальгирующих по СССР: по некоторым опросам, уже 52% респондентов жалеют о распаде страны. Немецкие комментаторы сетуют, что в этих условиях все попытки США и ЕС поддержать Республику Молдова на проевропейском пути терпят неудачу, хотя РМ в течение восьми лет (2009–2017) получила от Запада более 3 млрд евро кредитов и целевой финансовой помощи [7]. По данным германских экспертов, половина финансовой поддержки осела в криминальных структурах [8].

НЕЗАВИСИМОЕ ГОСУДАРСТВО ИЛИ ЧАСТЬ «ВЕЛИКОЙ РУМЫНИИ»?

Дискуссии о будущем страны, противостояние между президентом, правительством, правящими партиями в парламенте свидетельствуют о противоречивом подходе Кишинёва к роли США, ЕС, НАТО и РФ.

По сообщениям ряда СМИ, в 2013 г. тогдашний президент республики Н. Тимофти (2012–2016) на встрече с госсекретарем США Дж. Керри в молдавской столице заявил о необходимости американской поддержки для противодействия давлению со стороны РФ. Москва якобы поддерживает не только Тирасполь, но и другие антизападные пророссийские силы в Молдавии. Заявление главы государства было настолько скандальным, что в ситуацию

был вынужден вмешаться руководитель парламента страны И. Корман. Он публично обвинил Н. Тимофти в безответственном отношении к внешней политике Кишинёва.

Провокационным посчитали эксперты высказывание занимавшей в то время пост главы Министерства иностранных дел и европейской интеграции Республики Молдова Н. Герман. В 2013 г. в интервью румынскому каналу *Digi24* она заявила: "Власти и народы Молдавии и Румынии разделены только рекой Прут. У нас те же ценности, тот же язык, та же история, но два различных государства, одно из которых уже в ЕС и НАТО, и теперь мы прилагаем максимум усилий для того, чтобы привести Молдавию в это пространство общих ценностей, где мы будем все вместе" [9].

По утверждению румынского политолога К. Гушэ, которое он сделал летом 2018 г., ряд исследовательских центров США при поддержке Белого дома, Госдепартамента Соединенных Штатов, ЦРУ, ФБР якобы разрабатывают идею о создании в будущем единого посольства США для Румынии и Молдавии в Бухаресте, а в РМ должна остаться дипмиссия с полномочиями консульства. Вашингтон делает акцент, в частности, на румынском языке, который, по его мнению, объединяет два государства [10].

Германская сторона ведет мониторинг настроений граждан Республики Молдова и Румынии применительно к вопросу о возможном воссоединении двух государств. По оценкам немецких экспертов, необходимым либо весьма необходимым восстановление общего политического, экономического и культурного пространства двух стран считают лишь 27% румын. В течение двух десятилетий прорумынские силы РМ не смогли мотивировать граждан республики на сближение с Румынией, их электоральный потенциал держался на уровне 10%. В связи с ухудшением социально-экономической обстановки маятник симпатий качнулся в сторону Румынии, которая, несмотря на высокий уровень бедности, преступности и коррупции, стала притягательной для молдаван.

Опросы в 2017 г. выявили, что включение Республики Молдова в состав Румынии уже поддерживали 22%, хотя 66% опрошенных на возможном референдуме по этому вопросу отвергли бы растворение страны в другом государстве. По утверждениям немецких экспертов, с начала преобразований в РМ среди проевропейских партий около 10% считали приоритетным направлением включение страны в состав Румынии. В то же время 30% населения с проевропейскими воззрениями, сторонники признания языкового и культурного родства с Румынией, сдержанно относились к возможному воссоединению либо вообще его отвергали. В молдавском лагере правоцентристских сил полагают, что акцентирование сближения между двумя государствами выгод Кишинёву не принесет [11]. Не стихали дискуссии о воссоединении и после создания нового правительства во главе с М. Санду. Комментарии премьер-министра Санду сводились к тому, что такой важный вопрос может быть решен лишь в рамках референдума.

Проевропейские партии последовательно продвигают идеи сближения РМ не только с ЕС, но и с НАТО. На пресс-конференции в Брюсселе 23 октября 2017 г. с участием генерального секретаря НАТО Й. Столтенберга и молдавского премьер-министра П. Филипа было заявлено о предстоящем открытии в Кишинёве по просьбе республики Информационного бюро НАТО. По словам руководителя Организации североатлантического договора, работа бюро организуется по схеме аналогичных структур в Москве, Киеве, Тбилиси. При этом Й. Столтенберг подчеркнул выбор Молдавии в пользу нейтрального статуса, к чему в штаб-квартире альянса относятся с уважением. Со своей стороны П. Филип заявил о желании Республики Молдова продолжить политический диалог с НАТО в рамках программы "Партнерство во имя мира". Он отвел упреки критиков такого сотрудничества тезисом, что нейтралитет страны не означает изоляцию. 8 декабря 2017 г. по случаю открытия Информационного бюро НАТО премьер П. Филип обратил внимание на значение структуры как дипломатического представительства, в задачи которого входит информирование граждан республики о программах и проектах трансатлантического блока, которые реализуются на территории РМ. Одновременно он заявил, что сближение страны с НАТО не выхолащивает положение конституции о нейтральном статусе республики [12].

Премьер-министр Молдавии П. Филип и заместитель генсека НАТО Роуз Геттемюллер заявили на церемонии открытия Информационного бюро НАТО в Кишинёве, что новая структура будет способствовать процессу реформ, усилению оборонного сектора и формированию современной армии страны, обеспечению кибернетической безопасности, завершению проекта по уничтожению просроченных боеприпасов, пестицидов с истекшим сроком хранения. Оба политика заверили, что Республика Молдова руководствуется принципами нейтралитета, который, однако, не означает изоляцию от международного сообщества [12].

Ожидаемо против открытия на территории страны представительства НАТО высказался президент РМ И. Додон, усмотревший в усилении контактов Кишинёва с альянсом дополнительный раздражитель и помеху урегулированию приднестровского конфликта [13]. Глава государства с ограниченными полномочиями не смог дезавуировать решение правительства и парламента, который большинством голосов проевропейских партий поддержал планы по укреплению связей Кишинёва с этим военно-политическим блоком.

В центре дискуссий – нейтральный статус РМ. В 2017 г. представители молдавского министерства обороны, так называемых проевропейских партий неоднократно заявляли о том, что нейтралитет превратился в инструмент шантажа со стороны России для сохранения своего влияния на республику. Между тем Республика Молдова уже давно сотрудничает с НАТО. В 1994 г. был подписан рамочный документ программы “Партнерство ради мира”, в 2006 г. утвержден индивидуальный план действий между НАТО и РМ, в 2007 г. в Кишинёве открыт Центр информации и документации НАТО с задачами по продвижению положительного образа альянса [14]. С 2016 г. на территории страны проводятся совместные учения военнослужащих США и РМ, рассчитанные на четыре года. Молдавия направляла своих военнослужащих для участия в миротворческих силах НАТО, например, с февраля 2014 г. они вовлечены в операции *KFOR*, проводимые под руководством НАТО в Косово, что, по мнению части молдавских экспертов, не нарушает нейтральный статус республики. По опросам 2018 г., 54% респондентов отвергают вступление Республики Молдова в НАТО, но 22% склонны поддержать объединение страны с Румынией [15].

ИЮНЬ 2019 г. – “МАЛАЯ” ЯЛТА?

Спусковым крючком для радикального изменения ситуации в РМ стали выборы в парламент в феврале 2019 г., по итогам которых было сформировано правительство парламентского большинства с участием Партии социалистов Республики Молдова и правого блока АКУМ. Избирательный блок *ACUM Platforma DA si PAS* во главе с М. Санду был создан в декабре 2018 г. из проевропейских партий для участия в парламентских выборах 24 февраля 2019 г. В альянс вошли Политическая партия “Достоинства и правды” (ППДП) во главе с А. Нэстасе и Партия “Действие и солидарность” (ПДС) во главе с М. Санду.

Созданное на основе компромисса правительство, возглавленное М. Санду, заявило о решимости деолигархизации и реорганизации системы управления государством. Формирование кабинета министров проходило под давлением действующего правительства во главе с П. Филипом. Тогдашний лидер Демократической партии Молдовы В. Плахотнюк в начале июня 2019 г. провел через Конституционный суд республики решение об отстранении с поста президента И. Додона, поставил под вопрос легитимность премьерства М. Санду и назначил и.о. главы кабмина П. Филиппа. Впервые в истории новой Молдавии три внешних политических актора – США, ЕС и РФ – с согласованных позиций выразили поддержку легитимному правительству М. Санду.

Как подчеркивали молдавские, немецкие и другие зарубежные эксперты, Вашингтон, Брюссель и Москва сыграли решающую роль в преодолении острого внутривнутриполитического кризиса. Споры в молдавских СМИ и на телевидении свидетельствовали о желании подавляющего большинства граждан республики избавиться от преступного олигархата, о расколе общества на сторонников евроинтеграции, с одной стороны, и сближения с Россией, с другой, а также о позитивной оценке политиков, экспертов и общества касательно участия США, ЕС и РФ в урегулировании политического и социально-экономического кризиса в РМ.

В то же время звучали диаметрально противоположные мнения о возникновении опасного двоевластия. Одни эксперты сравнивали происходящие события с путчем в Москве в августе 1991 г., другие пугали возможным “майданом” с молдавским окрасом, третьи не скрывали радости по поводу отсутствия “революции черешни” (июнь в Молдавии – месяц сбора и реализации этих ягод). Уникальность и парадоксальность ситуации определили процедуру смены власти, изгнание олигархов из властных структур, участие США, ЕС и РФ в переговорах с лидерами ключевых политических сил, желание и готовность субъектов политического процесса в РМ к эволюционной трансформации общества и государства. Коалиция из социалистов и правого блока, несмотря на скептические прогнозы аналитиков, в течение нескольких месяцев демонстрировала слаженное взаимодействие. Но амбиции участников правительственной коалиции привели к ее развалу, созданию нового кабинета министров. Новый состав правительства во главе с И. Кику 14 ноября 2019 г. получил вотум доверия в национальном парламенте.

Важна предыстория ключевых событий. Далеко не случайно совпадение прихода проевропейского альянса к власти в 2009 г. с активизацией усилий Запада по включению Республики Молдова в орбиту влияния НАТО и ЕС. Евросоюз настаивал на форсированном характере частичной интеграции с ЕС с обещаниями превратить РМ в образцовую страну на постсоветском пространстве. По мере усиления антироссийской риторики в Кишинёве расширялись финансовые потоки из ЕС и США на поддержку “демократических” процессов, которые на одном из этапов возглавила Демократическая партия Молдовы с олигархом В.Плахотнюком. Примолчаливым согласием, возможно, и прямой поддержке Запада его команда узурпировала власть, назначив своих ставленников на ключевые посты в государственных структурах, органах правопорядка, Конституционном суде, члены которого, кстати, имели румынские паспорта. К слову, ни Берлин, ни Брюссель не возмущались раздачей паспортов Румынии на территории суверенного государства.

Приватизация властных структур, как пишут некоторые молдавские эксперты, сопровождалась заметным обнищанием населения – в 2015 г. из 3 млн жителей страны почти 1 млн проживал и работал за рубежом, 700 тыс. из них – в России [16]. Молчание на Западе прервал в 2015 г. генсек Совета Европы Т. Ягланд, предупредив об опасности для РМ, которая находится на краю пропасти вследствие коррупции и всевластия олигархов. Он констатировал раскол страны на две части – одна смотрит на Брюссель, другая – на Москву, но оба лагеря объединяет негодование по поводу коррумпированных элит. Генеральный секретарь Совета Европы назвал страну “захваченным государством”, рекомендовал Кишинёву решительно вести борьбу с коррупцией и усилить контроль над властью, предупредив, что кризис в соседней Украине начался с глубокого разочарования в политических институтах. За шесть лет нахождения у власти проевропейских сил – с 2009 по 2015 гг. – было сделано чрезвычайно мало для развития экономики страны, ее институтов. Коррупция все также оставалась нормой, а государство находилось в руках олигархов. С учетом приднестровского конфликта Т. Ягланд предостерег о возможном возникновении очередного военного очага [17].

Однако с течением времени влияние Плахотнюка не снижалось, отток населения продолжался. Власть явно злоупотребляла лозунгами о европейском пути РМ, риторикой о западном векторе политики. США и ЕС, избегая публичной критики Кишинёва, иногда упрекали верхи республики в отсутствии политической воли, недостаточности реформ, но продолжали финансовые вливания в госбюджет республики. Как писали в 2018 г. немецкие эксперты, в ЕС никто не знал, на какие цели расходуются деньги западных налогоплательщиков. Отсюда последовало заключение о том, что “Евросоюз поддерживал коррумпированную систему Молдовы на плаву вместо решительной борьбы против этого зла” [18].

Крайне сомнительно, что в Берлине, Брюсселе и Вашингтоне ничего не знали о засилье коррупции в Республике Молдова и продажных чиновниках от Демократической партии. Видимо, в США и ЕС безраздельно доверяли лозунгам олигархов о европейском выборе страны, а критика политики Москвы, которой приписывались планы оккупации республики, соответствовала стратегическим интересам США и ЕС. Поэтому финансовые вливания в Кишинёв не прекращались, а западные наставники заявляли о своей солидарности с молдавскими властями в противодействии “российской угрозе”. Германское правительство в целом продолжало поддерживать режим Плахотнюка, но в новый кабинет министров ФРГ

стали обращаться с запросами парламентские фракции оппозиционных партий Бундестага. Они требовали внятного отчета о подходах Берлина к происходящему в РМ, сокращения финансирования Кишинёва, четкой зависимости дальнейших траншей и кредитов от результатов реформ.

Итоги молдавских парламентских выборов в феврале 2019 г. выявили реальный расклад сил. Политики, которые учитывали настроения граждан, трезво оценили шанс на “освобождение страны” от олигархической диктатуры. Социалистов и правый блок объединила одна цель – изгнание из власти олигархов. Задача позволила найти компромисс, без которого невозможно социально-экономическое и культурное развитие страны. Молдавское общество оживилось. Вытеснение олигархов из властных структур конституционным путем нельзя назвать “революцией черешни”, это разумный компромисс, возможно, тактический. Как известно, РФ, ЕС и США содействовали смене власти в рамках Конституции, поддержав уникальную коалицию с участием социалистов и правого блока. В Берлине приветствовали взаимодействие РФ, ЕС и США в преодолении правительственного и политического кризисов, высказали надежду на возможное использование алгоритма для решения украинского конфликта. Хотя немцы вслух слово “Ялта” произносить избегают, тем не менее, они ценят активное конструктивное подключение Москвы к решению проблем Республики Молдова.

ОТ ИЛЛЮЗИЙ К ПРАГМАТИЗМУ

Построение государственности в Республике Молдова, формулирование и реализация ее внешнеполитических ориентиров свидетельствуют о противоречивом продолжительном процессе. Никто не брался давать прогнозы относительно политического долголетия редкой правительственной конфигурации союзников с диаметрально противоположными мировоззренческими установками, в то же время новые власти РМ учитывали настроения жителей страны, 80% которых поддерживали коалицию большинства.

В июне же 2019 г. председатель парламента Молдовы З. Гречаный ходе официального визита в Москву встретилась с Председателем Правительства Российской Федерации Д. Медведевым, председателями Совета Федерации и Государственной думы Федерального Собрания РФ В. Матвиенко, В. Володиным. Она подчеркнула роль РФ, ЕС и США в разрешении политического кризиса в стране, политическую мудрость партии социалистов и блока АКУМ при достижении консенсуса ради интересов подавляющего большинства жителей, спасения республики от криминального режима. По ее оценкам, эта уникальная ситуация могла служить ярким примером компромисса между различными силами как на региональном, так и на международном уровне.

Знаковыми можно считать визиты М. Санду в Брюссель, где она встретилась с представителями ЕС и НАТО, а также в Берлин по приглашению канцлера А. Меркель. Заявление немецкого канцлера в рамках этого визита об отсутствии объективных представлений о глубине политического кризиса, уровне коррупции с участием высших эшелонов власти в Молдавии косвенно свидетельствовало либо о слабой работе германской дипломатии, либо о сознательном игнорировании Берлином действий политических сил РМ, называющих себя проевропейскими [19].

Хотя Берлин сдержанно реагировал на заявления премьера М. Санду о желании страны вступить в ЕС после проведения модернизации, международные структуры были готовы разморозить транш финансовой помощи, поступление которого приостанавливалось вследствие системного кризиса в РМ. Предпосылки для поддержки Кишинёва имеются. В напряженные дни переформатирования молдавского правительства М. Санду Евросоюз обозначил положительную динамику сближения Кишинёва с Брюсселем. В ЕС констатировали, что в год десятилетия проекта “Восточного партнерства”, пятилетия подписания Соглашения об ассоциации с ЕС и предоставления безвизового режима молдавским гражданам для республики характерна довольно продвинутая стадия частичной интеграции в единое европейское пространство.

В то же время, подчеркивая в прошлом лидерство Молдавии в переменах, поощряемое солидными объемами финансовой помощи, Брюссель указал на утрату в последние годы статусного положения республики, что привело к заметному сокращению поддержки Кишинёва со стороны Запада. Но ситуация снова меняется. Благодаря имплементации Соглашения в ассоциации с ЕС, по мнению западных партнеров, решительно изменился экономический тренд РМ: молдавские компании сумели за короткий срок достаточно успешно адаптироваться к требованиям рынка ЕС.

Сегодня почти 70% общего объема экспорта страны идет на рынки единой Европы. Молдавские текстильные предприятия осваивают рынки не только СНГ, но и Евросоюза. РМ постепенно становится частью европейской промышленной кооперации. По оценкам Брюсселя, если в 2015–2017 гг. экспорт молдавского АПК на рынок ЕС возрос на 44%, то импорт аналогичной продукции из ЕС в Молдавию снизился на 49% [20]. В РМ оптимистические европейские оценки состояния экономики страны, пропорций экспортной продукции на рынки ЕС и СНГ трактуются по-разному. Некоторые эксперты сомневаются, например, в достоверности сведений Брюсселя об успешном развитии молдавской автомобильной промышленности.

В год десятилетия “Восточного партнерства” Берлин объективно оценивает ситуацию в Республике Молдова. Отмечаются размежевания в обществе по вопросам внешнеполитических приоритетов. Считается, что реформы зашли в тупик вследствие возрастающего влияния олигархов на правительство, что привело к официальной критике в адрес Кишинёва, приостановлению финансовой помощи ему со стороны ЕС [21]. Принятая за месяц до июньских событий 2019 г., до формирования правительства парламентского большинства, резолюция в Бундестаге подтверждает озабоченность Берлина в отношении когда-то самого прилежного ученика Европейского союза. Тем не менее правительство ФРГ намерено и далее выступать в поддержку политических и экономических реформ в РМ.

В Берлине внимательно анализировали заявления М. Санду о том, что молдавское общество расколото – один сегмент связывает бедность и коррупцию с демократией и смотрит в сторону Кремля, другая часть общества ориентируется на Запад, видит шансы в Евросоюзе. Премьер делала ставку на сближение с Евросоюзом, что, по словам М. Санду, является наивысшим приоритетом Кишинёва, на практике означает радикальный отход от плановой экономики и переход к модели социально ориентированной экономики. В Берлине, который проявляет большой интерес к сближению республики с ЕС, обещают дальнейшую поддержку, правда, с оговоркой о важности проявления собственной политической воли к качественным изменениям. Политическую волю не могут заменить никакие консультации, ни какая-либо помощь [22].

Правительство М. Санду могло бы использовать созданный задел, возможности рынков РФ, СНГ, ЕАЭС, ЕС для оздоровления собственной социально-экономической ситуации. Летом 2019 г. Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Евросоюза Ф. Могерини приветствовала смену власти в Кишинёве, взявшем курс на реформы, заявила о готовности Брюсселя оказать незамедлительную помощь стране, в том числе путем разблокирования макрофинансовой помощи в 100 млн евро. В эти же дни Евросоюз принял решение о выделении Республике Молдова гранта в 14.5 млн евро. Правительство М. Санду поддерживало плотные контакты с США, которые Кишинёв называл стратегическим партнером, рассчитывая на солидные инвестиции.

Не подлежала сомнению корректировка проекта “Большой пакет для Молдовы”, который президент республики представил на международной конференции по безопасности в Мюнхене в феврале 2019 г. Узловые блоки документа посвящены истории молдавской государственности, он отражает концептуальные контуры выстраивания современного демократического единого нейтрального полиэтничного государства с комфортными и безопасными условиями жизни. В проекте заявлена цель проведения в ближайшие годы Международной конференции высокого политического уровня по Молдавии для принятия возможных решений применительно к постконфликтному развитию республики.

В РМ проходит болезненный процесс избавления от олигархов, осмысление прошлого опыта, исследуются преимущества европейского проекта, пробуждается интерес к евразийской интеграции. В Германии, в ЕС, хотелось бы верить, пришло понимание необходимости проведения политики на молдавском направлении не только в защиту европейских ценностей, но и в интересах суверенного полиэтничного государства, его жителей с запросами на устойчивую систему социальных амортизаторов, профессиональную подготовку, высшее образование, рабочие места в собственной стране с достойным уровнем зарплаты. Республика Молдова по определению является европейской страной, ее жители не ставят под сомнение свою европейскую идентичность, а руководство страны может использовать все преимущества сотрудничества и с Берлином, и ЕС, и с Москвой, и с СНГ, ЕАЭС и США.

Происходит перезагрузка отношений с Россией, заявляющей о своей готовности восстановить полноформатные двусторонние связи на основе Договора о дружбе и сотрудничестве от 2001 г. При этом важно развивать отношения не только по линии “профессиональных газодиков”, но и в рамках диалога гражданских обществ. Такой формат позволяет более объективно оценивать настроения населения дружественной России европейской страны, предлагать целевые проекты, в частности, с предоставлением грантов для учебы в высших учебных заведениях, в целом выстраивать линию сотрудничества с учетом потребностей будущих поколений двух государств, связанных культурно-историческими традициями и торгово-экономическим сотрудничеством.

Визит М. Санду в Москву так и не состоялся. Можно лишь предполагать: либо не было желания, либо она была слишком занята. Не исключены другие причины. В качестве премьер-министра М. Санду побывала в Бухаресте, Брюсселе, Берлине, Киеве. В то время как И. Додон неоднократно посещал Москву, участвовал в мероприятиях по линии Евразийского экономического союза, М. Санду так и не реализовала имеющееся приглашение посетить РФ. Она воздержалась от поездки на саммит глав правительств стран СНГ, который состоялся в Москве 25 октября 2019 г. На данном мероприятии правительство Республики Молдова представлял министр экономики и инфраструктуры В. Брынзан. Без преувеличения можно сказать, что если бы М. Санду приехала на саммит глав стран СНГ, то, во-первых, это было бы полезно и важно для республики с точки зрения развития экономики, взаимодействия участников этого формата, например, в области цифрового развития общества. Во-вторых, в Москве ее приняли бы на достойном уровне, не исключались беседы с двумя первыми руководителями России.

Тем временем заявления руководителя правительства Молдовы М. Санду о возможности проведения досрочных парламентских выборов с предположением о жизнеспособности власти в течение лишь одного года подпитывали домыслы экспертов о глубоких разногласиях внутри коалиции. Поэтому представлялось сложным делать прогнозы о коалиции социалистов и правых на перспективу. Противоречия между союзниками по правительственной связке, например, в подходах к решению приднестровского конфликта либо иным спорным вопросам могли стать катализатором досрочных выборов в парламент Молдовы, смены правительства. Внутри правительственной коалиции сохранялся хрупкий баланс интересов, общий знаменатель которых основывался на консолидированных усилиях по деолигархизации страны, решению насущных проблем населения. Было важно не допустить идеологизации работы, которая, опасались эксперты, может расколоть коалицию, разрушить ранее достигнутые между партнерами договоренности о достижении политической стабильности в целях выхода на позитивные показатели в сферах экономики, образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения и охраны окружающей среды.

Противоречия между партнерами по коалиции обострились после выборов мэра Кишинёва. Проведенный в два тура избирательный марафон в молдавской столице в октябре–ноябре 2019 г. определил победителя от партии социалистов. Впервые за многие годы жители Кишинёва отдали предпочтение политику от оппозиционных левых сил, среди предвыборных обещаний которого были тезисы об элементарном благоустройстве города, модернизации инфраструктуры. Апогеем противостояния между политическими соперниками стало решение парламента от 12 ноября 2019 г. об отставке правительства М. Санду. Поводом стали планы премьер-министра в обход парламента выдвигать

кандидатов на пост генерального прокурора республики. Решение было неожиданным не только для социалистов – партнеров по коалиции, но и для однопартийцев из правого блока. С инициативой о вотуме недоверия выступила фракция социалистов, в результате чего за отставку высказались 63 (всего 101 депутат) парламентария при поддержке депутатов от Демократической партии Молдовы. По оценкам немецких экспертов, партнеры разошлись по вопросу распределения важных государственных постов, борьбы за пост генерального прокурора.

Вотум недоверия привел кабинет министров во главе, как подчеркивают в Берлине, с самым прозападным премьером РМ к отставке. Президент И. Додон призвал все политические партии в срочном порядке принять меры для создания нового правительства, в противном случае политический кризис вызовет болезненные социально-экономические последствия. Немцы достаточно объективно разъяснили причины вотума недоверия правительству М. Санду, которая на основе обновленного законодательства планировала провести своего кандидата на пост генерального прокурора страны. Социалисты, предупреждавшие о пагубности такого шага, стали инициаторами вотума недоверия правительству. Евросоюз и Румыния выразили глубокую озабоченность по поводу отставки кабинета министров М. Санду, поскольку ее правительство было гарантом проведения реформ, соблюдения личных прав и свобод граждан республики [23].

Тем временем партнеры по коалиции – социалисты заявили о готовности и дальше продолжать реформы в сфере правосудия, подтвердили такой подход в беседах с главой миссии ОБСЕ в Кишинёве, послом США в Республике Молдова. Дипломатическая миссия России в Кишинёве выступила за сохранение внутривнутриполитической стабильности в интересах граждан и верховенства права в РМ. Как подчеркивают руководители социалистов, обновление должно проходить динамично, в интересах общества, а не в интересах какой-либо партии, одного политика, одного человека. Социалисты, ряд экспертов настаивают на своей версии ухода М. Санду в отставку, согласно которой она действовала по хорошо продуманному плану. Во-первых, бывший премьер разуверилась в своих силах проводить фундаментальные преобразования в социально-экономической сфере, во-вторых, для нее открывалась возможность уже сейчас вступить в предвыборную гонку за пост президента. Выборы главы государства намечены на осень 2020 г. Примечательно, что сразу же после отставки правительства она как лидер ПДС призналась в амбициях занять президентский пост.

Хотя М. Санду подверглась резкой критике за скромные итоги своего премьерства с июля по 12 ноября 2019 г., тем не менее правительство парламентского большинства смогло выполнить часть взятых на себя обязательств. Благодаря усилиям М. Санду, ее репутации реформатора-политика с либеральными воззрениями ЕС предоставил Молдавии 54 млн евро в качестве бюджетной поддержки и первый транш в размере около 30 млн евро на помощь в микрофинансовой сфере. Значительно продвинул и нормализован диалог с Москвой, правда, без ее личного участия, новый импульс получили отношения с Киевом. Особо выделяется отмена торговых ограничений для молдавской экспортной продукции, прежде всего сельскохозяйственной, на российском рынке.

Приведенное к присяге правительство во главе с новым премьер-министром И. Кику 14 ноября 2019 г. обозначило приоритетные направления внутренней и внешней политики. Акцентируется неотложность реформ в сфере экономики, социального обеспечения, юстиции, правоохранительной системы, борьбы с коррупцией. Во внешней политике упор сделан на реализации Соглашения об ассоциации с Евросоюзом, восстановлении стратегических отношений с РФ и США, дальнейшее развитие сотрудничества, дружбы, добрососедства с Румынией и Украиной. Глава кабинета министров РМ особо подчеркнул значение внутренней политики в интересах жителей республики, а также взвешенной внешней политики, которая не позволит втянуть Кишинёв в геополитические игры других стран.

Немецкие эксперты с сожалением констатировали неудачу реформаторского эксперимента, продолжавшегося всего пять месяцев, короткий срок правительства реформаторов во главе с выразителем радикальных реформ, неподкупным прозападным политиком М. Санду. Одновременно была выражена обеспокоенность по поводу нового

премьер-министра Молдовы И. Кику, которого немецкие аналитики считают ставленником президента. Последний, по мнению немцев, со своими пророссийскими настроениями явно будет тормозить реформы и даже может повернуть вспять развитие страны. В Берлине И. Кику воспринимают как критика интеграции с ЕС.

Известно, что, будучи советником главы государства, он в одном из своих комментариев в *Facebook* обвинил высоких чиновников ЕС в соучастии в мошенничестве олигархов. После выдвижения своей кандидатуры на пост премьера И. Кику удалил эти комментарии, но в Берлине обвинения не забыли. Попытки премьера оправдаться в Берлине и Брюсселе, судя по всему, всерьез не восприняли.

По оценкам немецких экспертов, сделанных в ноябре 2019 г., одна из беднейших стран Европы находится “в состоянии агонии”, разорвана коррупцией, организованной преступностью, а ее граждане утратили социально-экономические перспективы. В свою очередь, политики от АСУМ, которые в большинстве своем вышли из протестного движения, не имеют опыта практической работы, наивны. Вместо решительных шагов по проведению радикальных реформ для построения правового государства и налаживания системы управления по модели “шоковой терапии” лидеры правого блока совершили стратегические кадровые ошибки, не смогли действовать наступательно против социалистов [24].

Новому премьеру Республики Молдова 47 лет, он профессиональный экономист с большим опытом работы в государственных структурах. В политических партиях не состоит. Его карьерный путь от руководителя управления до министра финансов подкреплялся научными исследованиями в сферах микро- и макроэкономики, работой на профильной кафедре вуза. Он участвовал в целевых проектах, в том числе по линии Всемирного банка. В начале 2018 г. был назначен генеральным секретарем Министерства финансов РМ, с декабря 2018 по июнь 2019 г. был министром финансов. С июня 2019 г. до утверждения на пост премьер-министра работал советником президента.

Перед правительством во главе с И. Кику, которое экспертами оценивается как кабинет министров-профессионалов, стоят сложные задачи по выводу страны из кризиса, восстановлению доверия граждан к исполнительной власти, призванной дать старт реформаторским проектам на благо народа. С учетом традиций смены власти в республике представляется сложным делать прогнозы применительно к работе нового правительства, ходу и перспективам реформ. Насколько тонко чувствует правительство страны опасения жителей, желание которых о серьезных переменах сопряжено с боязнью социальной платы, психологическими издержками, особенно, если изменения будут происходить скачкообразно, покажет будущее.

Аналитики исходят из недопустимости идеологизации преобразований, рекомендуют РФ, ЕС, США относиться к РМ как суверенному государству, лидеры которого, надеются эксперты, будут проводить многовекторную политику. Склонность ряда политиков, экспертов, журналистов РФ, ФРГ, других европейских стран, США искусственно делить молдавское общество на пророссийских и проевропейских граждан, не говоря уже о партиях, не способствует консолидации общественно-политических сил, ослабляет интеллектуальный потенциал республики в плане выхода из кризиса, противодействия новым вызовам и рискам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Antrag der Fraktionen CDU/ CSU, SPD, FDP und BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN. Die europäische Integration der Republik Moldau unterstützen.* Deutscher Bundestag. 25.06.2008. Available at: <http://dipbt.bundestag.de/doc/btd/16/097/1609755.pdf> (accessed 04.05.2019).
2. Кожокин Е.М. *Молдавия. Современные тенденции развития.* Москва, РОССПЭН, 2004. 492 с. [Kozhokin E.M. *Moldaviya: Sovremennye tendentsii razvitiya* [Moldavia: Current Tendencies of Development]. Moscow, ROSSPEN, 2004. 492 p.]
3. *Das Deutsch-Moldauische Forum.* Available at: <http://www.deutsch-moldauisches-forum.de> (accessed 07.07.2019).
4. *Östliche Partnerschaft: Moldau übernimmt Vorreiterrolle. Deutsche Gesellschaft für Auswärtige Politik (DGAP), 22.10.2012–23.10.2012.* Available at: <https://dgap.org/de/node/22473> (accessed 05.07.2019).

5. Strassenschlachten nach Wahl in Moldawien. Deutsche Welle, 07.04.2009. Available at: <https://www.dw.com/de/straßenschlachten-nach-wahl-in-moldawien/a-4159185> (accessed 14.04.2019).
6. Почти половина граждан Молдовы сожалеет о развале СССР и готова вступить в его состав. [Almost half of Moldovan citizens regret the collapse of the USSR and are ready to join it (In Russ.)] Available at: <https://nokta.md/opros-zhiteli-moldovy-vse-eshhe-nostalgi/> (accessed 16.11.2019).
7. Cozer A. Das Erbeschlägt zurück. 06.01.2017. Available at: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2017-01/republik-moldau-sowjetunion-erbe-russland-emigration/komplettansicht?print> (accessed 08.05.2019).
8. Mehr K.-M. Showdown im ärmsten Land Europas Bündnis legt sich mit Oligarchen an- der schlägt zurück. 09.06.2019. Available at: <https://www.merkur.de/politik/moldova-showdown-im-aermsten-land-europas-polit-krieg-mit-oligarchen-zr-12363702.html> (accessed 20.06.2019).
9. Кишинёв: Молдавия и Румыния объединятся в пространстве общих ценностей ЕС и НАТО. 23.10.2013. [Chisinau: Moldova and Romania will unite in the space of common values of the EU and NATO (In Russ.)] Available at: <https://regnum.ru/news/1723563.html> (accessed 15.11.2019).
10. Космин Гушэ: США рассматривают возможность объединения Молдавии с Румынией. Молдавские ведомости, 18.06.2018. [Cosmin Gusa: The USA is considering the possibility of unification of Moldova with Romania (In Russ.)] *Moldavskie vedomosti*, 18.06.2018. Available at: <http://www.vedomosti.md/news/kosmin-gushe-ssha-rassmatrivayut-vozmozhnost-obedineniya-mol> (accessed 20.06.2019).
11. Sieg M., Avram A. Rumänien und Republik Moldau: 100-jähriges Jubiläum der Vereinigung feierlich begangen. 29.03.2018. Available at: <https://www.kas.de/web/moldau/laenderberichte/detail/-/content/rumaenien-und-republik-moldau-100-jaehriges-jubilaeum-der-vereinigung-feierlich-begangen> (accessed 14.06.2019).
12. NATO Liaison Office in Moldova opened in Chisinau. 08.12.2017. Available at: <https://gov.md/en/content/nato-liaison-office-moldova-opened-chisinau> (accessed 12.06.2019).
13. Семенова Ю. Молдавия и НАТО стали ближе еще на шаг. Deutsche Welle, 08.12.2017. [Semenova Yu. Moldaviya i NATO stali blizhe eshche na shag [Moldova and NATO became one more step closer]. *Deutsche Welle*, 08.12.2017.] Available at: <https://www.dw.com/ru/молдавия-и-нато-стали-ближе-еще-на-шаг/a-41712689> (accessed 14.06.2019).
14. В Молдове открыт Центр информации и документации НАТО. 03.10.2007. [NATO information and documentation Centre opened in Moldova (In Russ.)] Available at: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_8221.htm?selectedLocale=ru (accessed 09.12.2019).
15. Moldawier lehnen NATO-Mitgliedschaft strikt ab. 15.05.2018. Available at: <https://smopo.ch/moldawier-lehnen-nato-mitgliedschaft-strikt-ab/> (accessed 24.06.2019).
16. Deutscher Bundestag. 106. Sitzung, den 21. Mai 2015. Available at: <http://dipbt.bundestag.de/dip21/btp/18/18106.pdf#P.10049> (accessed 15.11.2019).
17. Jagland T. Bring Moldova Back From the Brink. *The New York Times*, 10.08.2015. Available at: https://www.nytimes.com/2015/08/11/opinion/bring-moldova-back-from-the-brink.html?_r=0 (accessed 15.11.2019).
18. Pfütznert T. Der Milliarden-Krimi im ärmsten Land Europas. *Die Welt*, 27.08.2018. Available at: <https://www.welt.de/politik/ausland/article181211552/Republik-Moldau-Der-Milliarden-Krimi-im-aermsten-Land-Europas.html> (accessed 14.06.2019).
19. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und der Ministerpräsidentin der Republik Moldau, Maia Sandu. 16.07.2019. Available at: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-der-ministerpraesidentin-der-republik-moldau-maia-sandu-1648712> (accessed 17.07.2019).
20. Калак Д. Посол ЕС в Молдове Петер Михалко: DCFTA впечатляющим образом изменил молдавскую экономику. *Экономическое Обозрение "Логос-Пресс"*, 07.06.2019. [Kalak D. Posol ES v Moldove Peter Mikhalko: DCFTA vpechatlyayushchim obrazom izmenil moldavskuyu ekonomiku [EU Ambassador to Moldova Peter Michalko: DCFTA has changed the Moldovan economy in an impressive way]. *Ekonomicheskoe Obozrenie "Logos-Press"*, 07.06.2019.] Available at: http://logos.press.md/1283_11_1/ (accessed 09.12.19).
21. Zehn Jahre Östliche Partnerschaft der Europäischen Union. *Deutscher Bundestag*, 10.05.2019. Available at: <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2019/kw19-de-oestliche-partnerschaft-eu-635476> (accessed 17.07.2019).
22. "Wir wollen das Vertrauen der Bürger wiederaufbauen". *Moldauische Ministerpräsidentin will Korruption bekämpfen und die Moldaunäher an die EU rücken*. 17.07.2019. Available at: <https://www.kas.de/veranstaltungsberichte/detail/-/content/wir-wollen-das-vertrauen-der-buerger-wieder-aufbauen> (accessed 17.07.2019).
23. Nach Misstrauensvotum. Ungewöhnliches Regierungsbündnis in Moldaugescheitert. *Der Spiegel online*, 12.11.2019. Available at: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/moldau-ungewoehnliches-regierungsbuendnis-nach-misstrauensvotum-gescheitert-a-1296159-druck.html> (accessed 17.11.2019).
24. Verseck K. Ende eines kurzen Reformexperimentes. 15.11.2019. Available at: <https://www.dw.com/de/ende-eines-kurzen-reformexperimentes/a-51262621> (accessed 16.11.2019).

A EUROPEAN PATH OF MOLDOVA: ILLUSIONS AND REALITY (SPECIFIC CIRCUMSTANCES)

(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2019, no. 3, pp. 59-72)

Received 17.07.2019.

Viktor I. VASILIEV (vvi-1947@yandex.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and National Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

The article is devoted to the influence exercised by Germany, the European Union, the USA, and Russia on Moldavia's home and foreign policy in the context of integration processes in Europe and in the post-Soviet territories. The analysis of the causes of Kishinev's failures in carrying out the reforms testifies to the mistakes made by Germany, the EU, the USA, and the Russian Federation due to the underestimation of the Moldavian oligarchic clans which seized the key posts in the governmental structures. While relying on the support from Russia, the EU and the USA, the parliamentary majority in Moldova succeeded in bringing into being a governmental coalition composed of the Party of Socialists and the right-wing block ACUM. The compromise opens prospects for a mutually beneficial cooperation of Moldova with Russia, the CIS, the EAEU, the EU, and the USA. The statement by Chancellor A. Merkel in June 2019 as to the absence of trustworthy information about the depth of political crisis in Moldova is either an evidence of poor performance by German diplomats, or an evidence of Berlin's deliberate disregard of the activities by political forces in Moldova who are identifying themselves as pro-European. One thing is clear: having seen the endorsement of the Kiev regime by Germany, the EU and the USA, the oligarchs in Moldova also decided to assume the reins of authority within the country. Meanwhile the pronouncements by the head of the government M. Sandu on the possibility of holding out-of-term parliamentary elections and the supposed viability of the government that can last only one year encourage the experts in their assumptions that there are profound differences inside the coalition. Therefore, any forecasts of the future of the coalition between socialists and the right-wing forces seem difficult to make. Contradictions between the participants in the governmental alliance, for example regarding the approaches to the solution of the conflict in Transdnistria, may act as a catalyst on the out-of-term elections to the Moldavian parliament.

Apprehensions concerning the likely resignation of the government of parliamentary majority composed of socialists and the right-wing forces headed by Premier Maia Sandu (the right-wing bloc) came true. According to the experts, she did not seek agreement with her socialist partners in the coalition when planning to update the legislative procedure for appointing Prosecutor General. Nor she consulted the members of her own party. A step of this kind could have strengthened the positions of the government's right-wing bloc and secure a favourable head-start for the Premier when launching the Republic's presidential elections of 2020. Maia Sandu's government was fired by means of the no confidence vote lodged by the socialists in parliament.

The new government of Moldova headed by Prime Minister Iona Kiku (no party affiliation) declared its intention to pursue reforms in the fields of economy, justice, state governance, to go ahead with the implementation of the Agreement of Association with the European Union, to build back Kishinev's strategic relations with Moscow and Washington and to promote cooperation and friendship with Ukraine and Romania. Now there are too few people who venture to predict the capacity of Moldova's new government.

Russia has an incentive in the resumption of a pragmatic and mutually beneficial dialog with Moldova in various fields on the basis of the 2001 Treaty of Friendship and Cooperation.

Keywords: the CIS, Russia, Moldova, Germany, European Union, Eastern Partnership, the EAEU, European integration, NATO.

About the author:

Viktor I. VASILIEV, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Leading Researcher, Sector of Political Aspects of European Integration, Department of European Political Studies.

DOI: 10.20542/afij-2019-3-59-72

**БУДАПЕШТ И БУХАРЕСТ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ
УКРАИНСКИХ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ**

© 2019 г. А. СМОРНОВ

СМОРНОВ Алексей Николаевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник сектора теории политики
Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (alexmirnew@mail.ru).

Смирнов А.Н. Будапешт и Бухарест перед вызовами украинских внутривполитических процессов. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2019, № 3, сс. 73-84.
DOI: 10.20542/afj-2019-3-73-84.

DOI: 10.20542/afj-2019-3-73-84**УДК:** (439)+(477)+(498): 323+323.1+327

Статья поступила в редакцию 09.07.2019.

Политический кризис, переживаемый Украиной с 2014 г., имел мощный конфликтогенный потенциал, реализованный в болезненном разрыве с Россией. Однако, несмотря на декларируемое Киевом "возвращение" в Европу, он стал серьезным испытанием и для ряда восточноевропейских государств. Причиной тому их территориальная близость к очагу напряженности, а также особая, исторически обусловленная сопричастность украинским делам. После распада Советского Союза наибольшая схожесть наблюдалась в отношениях новой независимой Украины с Венгрией и Румынией. Близок был набор проблем, главной из которых являлось наличие венгерского и румынского меньшинств, проживающих на приграничных территориях. В статье рассматривается, каким образом украинские внутривполитические процессы последних лет повлияли на эти отношения и в чем различия подходов Будапешта и Бухареста к упомянутым проблемам.

Ключевые слова: украинский кризис, "майданная революция", румынское этническое меньшинство, венгерское этническое меньшинство, национальные интересы, геополитика, внешняя политика, языковая политика, Закон Украины "Об образовании", Европейский союз, НАТО.

Политический кризис, переживаемый Украиной с 2014 г., стал испытанием не только для России, но и для ряда восточноевропейских государств, сравнительно недавно "оформивших" свое членство в объединенной Европе. В первую очередь это касается непосредственных западных соседей Украины, то есть Польши, Венгрии, Словакии и Румынии. Причиной тому как территориальная близость названных стран к очагу напряженности, так и особая, исторически обусловленная сопричастность украинским делам.

После распада Советского Союза наибольшая схожесть наблюдалась в обстоятельствах, определяющих сосуществование независимой Украины с Венгрией и Румынией. Отношения с каждой из стран характеризовались близким набором проблем, главной из которых являлось наличие венгерского и румынского этнических меньшинств, проживающих на приграничных территориях, присоединенных в прошлом к советской Украине и примерно равных по своей численности (каждое – около 150 тыс. человек в соответствии с переписью населения 2001 г.). Рассмотрим, как украинские внутривполитические процессы повлияли на эти отношения и в чем различие подходов Будапешта и Бухареста к упомянутым проблемам.

Поиск ответа на поставленные вопросы не может быть сведен лишь к простой фиксации взаимосвязи, несомненно существующей между этнополитической проблематикой,

заданной событиями прошлого, и современной институционально-политической динамикой исследуемых государств. Следует учитывать сложный геополитический контекст происходящего, который не только влияет на характер межгосударственных связей в каждый конкретный момент времени, но зачастую и определяет их, что особенно отчетливо видно в свете потрясшего Киев кризиса. Поэтому Россия, в силу своей геополитической вовлеченности, остается опосредованным участником отношений Украины с ее западными соседями. Данное обстоятельство придает особую значимость широкому кругу вопросов, касающихся “восточноевропейских горизонтов” украинской политики, как внешней, так и внутренней.

ЗАКАРПАТСКИЕ ВЕНГРЫ И КИЕВСКАЯ “РЕВОЛЮЦИЯ”

Тема венгерского меньшинства в Украине привлекает повышенное внимание политических обозревателей, особенно возросшее в связи с бурными событиями пяти последних лет. Почти любой материал, посвященный венгерско-украинским отношениям, строится вокруг закарпатской проблемы. В итоге может сложиться превратное впечатление, будто Венгрия фактически претендует на часть украинской территории и лишь ждет благоприятного момента, чтобы реализовать свои намерения. Подобный информационный контекст до недавнего времени доминировал в медийном пространстве. Внимание информационного сообщества отчасти обусловлено действительно непростой ситуацией, возникшей в отношениях Киева и Будапешта после “майданной революции” 2014 г. Основная же причина заключается в том, что официальный Будапешт сам акцентирует закарпатскую тему, адресуя ее главным образом внутривенгерской политической аудитории [1]. Но аналогичным же образом привлекается внимание к положению этнических венгров в других соседних странах: Румынии, Словакии, Сербии и т.д.

Вопрос о закарпатских венграх принадлежит к числу традиционных раздражителей, осложняющих венгерско-украинский политический диалог. Вместе с тем до событий февраля 2014 г. он не оказывал особого влияния на двусторонние отношения. С молчаливого согласия киевских властей Венгрия финансировала инфраструктурные, социальные и культурные проекты в районах компактного проживания соотечественников. Симптоматично, что министр иностранных дел Венгрии Янош Мартони, посетивший украинскую столицу в феврале 2014 г. и бывший свидетелем разгоравшегося политического кризиса, на обратном пути проехал через Закарпатскую область, где встретился с представителями венгерской общины. Тогда же премьер-министр Виктор Орбан заявил, что в свете киевских событий правительство пристально следит за судьбой закарпатских соотечественников [2].

Смена власти в Киеве не замедлила сказаться на положении венгерского меньшинства, ощутившего непосредственную угрозу со стороны победившего украинского национализма и бесчинствующих радикалов. Венгерские власти отреагировали на происходящее рядом довольно жестких заявлений. Но окончательно новый вектор отношений был оформлен в мае 2014 г., когда глава венгерского правительства озвучил перечень мер по данному вопросу и адресовал его киевским национал-патриотам. Выступая 10 мая с инаугурационной речью перед новым составом венгерского парламента, Виктор Орбан заявил буквально следующее: “Для всех актуально положение живущего в Украине 200-тысячного венгерского сообщества, которое должно получить двойное гражданство, должно получить все коллективные права, должно получить возможности самоуправления. Это наши ясные ожидания от новой Украины, которая формируется и которая ощущает нашу поддержку в процессе построения демократического общества” [3]. С этого момента тема защиты венгерского этнического меньшинства стабильно оставалась в фокусе внимания главы правительства Венгрии.

Еще через неделю в интервью национальному телевидению Орбан не просто подтвердил ранее высказанные пожелания, но и конкретизировал их: “Мы заинтересованы в стабильной и демократической Украине... Тем не менее ни стабильной, ни демократической не может быть Украина, если она не предоставит проживающим там меньшинствам, национальным сообществам, в том числе, венгерскому, то, чего они заслуживают. Это означает двойное гражданство, коллективные или общественные права и автономию” [4]. Как следует из приведенного отрывка, речь идет именно о праве этнических венгров в Украине на автономию, причем официальный Будапешт признает его за всеми национальными

сообществами Украины.

Высказывания Орбана вызвали бурную реакцию украинских политиков, дав повод для выяснения дипломатических отношений между Киевом и Будапештом. Посол Венгрии был вызван для объяснений в украинский МИД. В официальном заявлении дипломатического ведомства говорится, что Украина разочарована высказываниями премьер-министра Венгрии, а разговоры об автономии нацменьшинств “играют на руку пропаганде России” [5]. Данное заявление, как и многие последующие документы украинского внешнеполитического ведомства, составлялось в накаленной общественной атмосфере “постмайданной” Украины, не располагавшей к взвешенности оценок и суждений. Следует, однако, признать, что все сказанное В. Орбаном полностью соответствует основным положениям венгерской национальной политики и на протяжении последних восьми лет уже неоднократно звучало из уст официальных лиц. Украинский кризис лишь добавил этим положениям актуальности и несколько сместил смысловые акценты, заставив соотносить венгерскую проблему с происходящим на Донбассе.

С течением времени “закарпатский вопрос” не потерял актуальности. Спустя три года после победы Евромайдана киевские власти по-прежнему крайне болезненно и не всегда адекватно реагировали на любые упоминания о правах венгерского меньшинства, исходящие от официального Будапешта. Показателен в этом отношении скандал, разразившийся вокруг высказываний вице-преьера Венгрии Жолта Шемьена. Его заявление, прозвучавшее 21 марта 2017 г., было посвящено общей проблеме самоопределения и политического представительства этнических венгров, проживающих за границей, причем конкретно Украина в нем даже не упоминалась. Шемьен, в частности, сказал: “Давайте говорить честно – государства заинтересованы в ассимиляции венгров. А мы заинтересованы в том, чтобы остановить ассимиляцию и сохранить венгерскую идентичность. Выживание венгров, проживающих за границей, зависит от того, смогут ли они достичь успеха, двигаясь в направлении достижения автономии” [6].

Дипломатическое ведомство Украины решительно осудило подобные “подстрекательские” речи. В его заявлении была использована стандартная для таких случаев формулировка: “Любые спекуляции на эту тему не соответствуют интересам наших двух стран и народов и, надеемся, не отражают официальную позицию Будапешта” [7]. Если учесть, что высокопоставленные представители венгерского руководства открыто говорят о необходимости автономии для этнических венгров, а принцип поддержки соотечественников зафиксирован в Конституции страны, “надежды” Киева представляются тщетными [8]. Но, судя по дальнейшему тексту заявления, его авторы не смогли обойтись без дежурных ссылок на деструктивную роль России, даже касаясь вопросов сугубо двусторонних украино-венгерских отношений. “Мы должны вместе противостоять попыткам использования вопроса обеспечения прав нацменьшинств, в том числе толкования слов Шемьена, как это уже неоднократно было сделано российским агрессором, для нагнетания атмосферы недоверия и непонимания”, – подчеркивает украинский МИД [7].

В свою очередь заместитель министра иностранных дел Украины Вадим Пристайко, комментируя ситуацию СМИ, расценил происходящее как “удар в спину”, нанесенный его стране “безответственными венгерскими политиками” [9].

Наконец, 30 марта, во время встречи с премьер-министром Венгрии президент Украины Петр Порошенко дал негативную оценку заявлениям венгерских чиновников, одновременно признав необходимость заключить межправительственное соглашение о двойном гражданстве для венгров в Украине [10]. Это было расценено венгерской стороной как прогресс в затянувшемся диалоге. Буквально на следующий день Орбан встретился с президентом Общества венгерской культуры Закарпатья Ласло Брензовичем и проинформировал его, что спор вокруг гражданства, похоже, приближается к разрешению [11]. Подобные ожидания оказались слишком оптимистическими, поскольку уже через неделю внешнеполитическое ведомство Венгрии выразило обеспокоенность по поводу предпринимаемых Киевом ограничений прав венгерского меньшинства [12].

ВЕНГРИЯ И УКРАИНСКАЯ РЕФОРМА ОБРАЗОВАНИЯ

В сентябре 2017 г. дипломатическое противостояние двух держав вышло на новый уровень в связи с принятием Украиной дискриминационного закона “Об образовании”. На сей раз официальный Будапешт привел в действие мощные внешнеполитические рычаги, создающие непосредственную угрозу стратегическим планам Киева по интеграции в европейские и североатлантические структуры. В результате локальная проблема, вызванная неурегулированным положением венгерского меньшинства, получила серьезный международный резонанс, обнаружив общую слабость киевских властей.

В соответствии с новым законом, принятым 5 сентября Верховной Радой, использование любых неукраинских языков в образовательной сфере жестко ограничивается и сводится к минимуму с перспективой полного запрета. С 1 сентября 2018 г. преподавание на языках национальных меньшинств разрешено лишь для учеников младшей школы. Ученики средней школьной ступени смогут изучать язык этнических меньшинств, то есть свой собственный, но преподаванию на нем должно отводиться не более двух уроков в день. Преподавание для старшеклассников должно вестись только на украинском языке. Перечисленные меры являются переходными. Документ предполагает, что с 2020 г. на украиноязычное обучение будут переведены и младшие классы. Специализированные школы для этнических меньшинств законом не предусмотрены.

Украинизация образования осуществляется в рамках политики тотальной дерусификации, которая проводится киевской властью с 2014 г. и является для нее стратегическим приоритетом. Однако помимо русскоязычных, исчисляемых миллионами, последствия образовательной реформы почувствуют на себе и другие этнические меньшинства, в частности, венгры, которых проживает в Закарпатье свыше 150 тыс¹.

Сразу после голосования в Верховной Раде правительство Венгрии выразило Украине решительный протест. Государственный секретарь правительства по вопросам национальной политики Янош Арпад Потапи заявил о беспрецедентном ограничении прав 150 тыс. этнических венгров, что, по его словам, полностью противоречит Конституции [13]. Еще более резко высказался глава МИД Венгрии Петер Сийярто: “Украина нанесла Венгрии удар в спину, внося в закон об образовании изменения, существенно нарушающие права венгерского меньшинства. Позорно для страны, которая стремится развивать все более тесные отношения с Европейским союзом, принимать решение полностью противоречащее европейским ценностям” [14]. Таким образом, по прошествии полугода Будапешт ответил Киеву почти идентичным обвинением в политическом вероломстве.

На тот момент документ еще не был подписан президентом П. Порошенко, и сохранялась призрачная надежда, что протесты восточноевропейских государств – членов Европейского союза (ЕС) повлияют на его решение. С просьбой не подписывать закон, “несущий угрозу существованию национальных меньшинств”, к президенту обратились и главы закарпатских венгерских организаций. Как следует из составленного ими открытого письма, внесенные Верховной Радой изменения противоречат положениям Конституции Украины и международными обязательствам страны, а реализация образовательных норм подорвет основы существования этнических меньшинств, лишив их гарантированного Основным Законом права получать обучение на родном языке. Под соответствующими международными обязательствами подразумеваются Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств, ратифицированная Киевом в 2003 г. [15]

Разумеется, критика дискриминационного закона, звучащая внутри страны и за ее пределами, не возымела действия на украинского президента. Имея моральную поддержку со стороны ведущих западных стран и согласуясь с консолидированной позицией украинского истеблишмента, П. Порошенко подписал закон “Об образовании” 26 сентября. В тот же

¹ Госкомитет статистики Украины. Всеукраинская перепись населения 2001 года. Национальный состав населения Закарпатской области. См.: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/zakarpattia/> (accessed: 05.07.2019).

день министр иностранных дел Венгрии П. Сийярто выступил с крайне резким заявлением, поставившим отношения двух стран на грань конфронтации. Назвав подписание закона "позорным и возмутительным", он пообещал, что его страна, разочарованная поступком Порошенко, будет блокировать все шаги по сближению Украины с ЕС в рамках программы "Восточное партнерство" и любые инициативы, способствующие украинской евроинтеграции. "После заключения соглашения об ассоциации с ЕС и соглашения о безвизовом режиме Украина надеялась осуществить дальнейшие шаги на пути к европейской интеграции. Теперь она может об этом забыть. Мы можем гарантировать, что это больно ударит по будущему Украины", – заключил глава венгерского МИД [16].

С самого начала конфликта официальный Будапешт избрал бескомпромиссную и даже ультимативную линию поведения, чем явно выделялся на фоне других недовольных стран. Причина такой жесткости очевидна. За минувшее десятилетие Венгрия очень основательно, не только материально, но и политически вложилась в Закарпатье, сделав его площадкой реализации государственного имиджевого проекта. С учетом данного обстоятельства любые проявления украинского языкового национализма правительство Орбана воспринимает в расширительном ключе, то есть помимо ущемления прав меньшинств видит в этом еще покушение на сферу собственных национальных интересов.

Спустя месяц после подписания закона, 27 октября, официальный Будапешт нанес очередной болезненный удар по планам Киева, действуя в рамках Североатлантического альянса. Внешнеполитическое ведомство Венгрии объявило о наложении вето на проведение заседания Комиссии НАТО–Украина, которое было запланировано на 6 декабря 2017 г. Во время совещания глав МИД П. Сийярто изложил позицию своей страны по вопросу участия Киева в программах альянса. Как заявил высокопоставленный дипломат, приняв закон об образовании и тем самым проигнорировав права меньшинств, Украина нарушила обязательства не только перед Евросоюзом, но и перед НАТО [17]. Поэтому, если евроатлантические устремления остаются значимыми для Киева, он должен отменить этот закон.

В 2018 г. Будапешт начал последовательно реализовывать свои обещания. По настоянию венгерской стороны было снято с повестки дня заседание Комиссии НАТО–Украина в формате встречи министров обороны, запланированное на середину февраля. Ситуация повторилась в апреле, когда Венгрия вновь ветировала заседания комиссии на уровне министров. Совет министров обороны стран НАТО состоялся в Брюсселе 27 апреля, но вопрос евроатлантической интеграции Украины в его ходе не обсуждался. Июльский саммит НАТО также прошел без полноценного участия украинской стороны. Как и ранее, Венгрия заблокировала проведение отдельного заседания Комиссии НАТО–Украина, причем на самом высоком уровне. И лишь по настоянию США венгерский МИД все же снял свои возражения против встречи президента Порошенко с главами стран альянса в рамках специального формата саммита Украина–Грузия–НАТО, прошедшего 12 июля и посвященного вопросам безопасности в бассейне Черного моря.

Как показывают описанные события, ресурс конфронтационного взаимодействия двух стран далеко не исчерпан. Для венгерской стороны значимой его составляющей является политический капитал правящей партии "Фидес", позволяющий официальному Будапешту выражать и защищать интересы всех венгров, где бы они ни проживали. Убедительная победа партии В. Орбана на парламентских выборах в апреле 2018 г., а также второе место у правых радикалов из партии "Йоббик" ("За лучшую Венгрию!") заставляют ожидать как минимум сохранения неуступчивости по вопросу украинской образовательной реформы. Очевидно, киевская власть, показавшая (в отличие от Венгрии) свое полное политическое банкротство на выборах 2019 г., будет вынуждена считаться с интересами амбициозного западного соседа.

УКРАИНА И РУМУНИЯ: НАПРЯЖЕННОСТЬ НА ФОНЕ СБЛИЖЕНИЯ

Румыния наряду с Венгрией, а также Польшей, имеет сложности в отношениях с независимой Украиной. Эти страны болезненно переживают территориальные потери, понесенные в XX в. и сохраняют память о землях, находящихся ныне под юрисдикцией Киева.

В связи с жестким национализмом “постмайданных” властей наиболее мощным конфликтогенным потенциалом для румынско-украинских отношений обладает проблема этнических меньшинств. Особую остроту и сложность данный вопрос приобретает в диалоге Киева и Бухареста из-за различия применяемых трактовок. Следует заметить, что существенное межгосударственное противоречие коренится уже в самой постановке проблемы, поскольку румынская этнополитическая доктрина причисляет к числу этнических румын также всех лиц, считающих себя молдаванами, а украинское законодательство проводит строгое разграничение в этом вопросе.

Обеспокоенность судьбой соотечественников довольно громко прозвучала в заявлениях официальных румынских представителей в 2014 г., сразу после победы Евромайдана. Переживания румынских политиков в общих чертах были схожи с теми чувствами, которые испытывали по отношению к Украине их венгерские коллеги. Поводом для беспокойства стала радикальная языковая политика новых киевских властей, поставившая все неукраинские языки в подчиненное положение по отношению к “мове”. Однако тогда Киеву удалось убедить своих западных соседей в том, что установленные ограничения направлены почти исключительно против русского языка, который по объективным показателям не являлся (и до сих пор не является) средством общения этнических меньшинств. Отмена прежнего закона 2012 г. “Об основах государственной языковой политики”, предпринятая Верховной Радой 23 февраля, сразу же после смены власти, преподносилась как необходимая мера, направленная на предотвращение культурно-языковой экспансии России.

Произошедший в Киеве националистический переворот был в целом весьма благосклонно воспринят румынским истеблишментом, предпочитавшим до поры “не замечать” эксцессов. Но если на первые жесткие действия украинских властей Румыния отреагировала очень сдержанно, лишь выразив сожаление, то их последующие шаги повлекли более серьезные дипломатические последствия. В первую очередь это касается уже упомянутого закона “Об образовании”.

Показателем недовольства румынской стороны явилась отмена визита президента Клауса Йоханниса, намеревавшегося посетить Украину в октябре 2017 г. По словам самого Йоханниса, визит отложен до того момента, пока “Украина не устранил проблему с принятым законом, который, на наш взгляд, противоречит добрым взаимным намерениям” [18]. Кроме того, представители Румынии, наряду с венгерскими официальными лицами, обратились в Парламентскую ассамблею Совета Европы (ПАСЕ), инициировав обсуждение действий украинской стороны, и направили запрос в Венецианскую комиссию Совета Европы о соответствии принятого закона международным и конституционным обязательствам украинского государства.

Таким образом, Будапешт и Бухарест совместными усилиями скандализовали ситуацию посредством привлечения внимания европейских структур к происходящему в Украине. В своем подчеркнуто негативном восприятии украинского законодательства Румыния вслед за Венгрией заявила о готовности торпедировать любое сближение Киева с ЕС и НАТО до тех пор, пока не будет найдено приемлемое решение проблемы.

В самом начале конфликта румынский МИД рассчитывал заручиться поддержкой не только еще более решительно и жестко настроенного Будапешта, но и других “пострадавших” от злополучного закона — Польши, Словакии, Болгарии. Вскоре, правда, выяснилось, что перечисленные страны предпочитают действовать поодиночке, улаживая свои противоречия с Киевом на двусторонней основе. По понятным причинам в числе возможных союзников не оказалось наиболее заинтересованной страны, чьи “меньшинства” стали главной мишенью киевских властей. В ситуации, когда речь идет о правах соотечественников из стран Евросоюза, позиция геополитически чуждой и даже враждебной Москвы в расчет не принимается.

В течение октября 2017 г. Румыния всячески демонстрировала свое недовольство, однако на уровне дипломатических консультаций с представителями Украины шел интенсивный поиск компромиссной формулы, удовлетворяющей интересы обеих сторон.

Киев, в свою очередь, старался погасить разгорающийся конфликт, особенно опасаясь скоординированных действий недовольных государств. С этой целью глава украинского МИД Павел Климкин совершил поездку в Бухарест, где провел переговоры со своим румынским коллегой Теодором Мелешкану. Комментируя итоги своего визита, Климкин сказал: “В Румынии все совсем по-другому, чем в Венгрии. Есть готовность к открытому диалогу. Но нужно предметно работать с местной громадой” [19].

Готовность к диалогу была продемонстрирована в ходе ответного визита главы МИД Румынии Мелешкану в Украину в январе 2018 г. На этот раз встреча министров проходила в Черновцах – районе компактного проживания румынского меньшинства. Она сопровождалась рядом символических акций, призванных продемонстрировать Бухаресту, а также всему мировому сообществу отсутствие дискриминации украинских граждан по этноязыковому признаку. Официальный Киев стремился всячески подчеркнуть конструктивно-партнерский характер взаимоотношений с западным соседом, и румынская сторона, как видно, не возражала. После окончания встречи Т. Мелешкану назвал переговоры о проблемах румынской общины в Украине “очень хорошими и последовательными”. При этом он подчеркнул, что речь не идет об изменении румынской позиции относительно украинского образовательного закона [20].

В Черновцах было решено начать переговоры по протоколу о сотрудничестве между министерствами образования Украины и Румынии. Данный документ должен предусматривать взаимные гарантии языковых прав нацменьшинств, то есть предметом дальнейших переговоров становится не только положение румын в Украине, но и этнических украинцев в Румынии. Украинское правительство взяло на себя обязательство принять серию подзаконных актов, учитывающих особенности обучения детей в румыноязычных школах. В соответствии с достигнутыми договоренностями имплементация соглашений должна стать объектом постоянного мониторинга румынских властей.

Несмотря на официальные заверения в неизменной и жесткой позиции, касающейся прав румынского меньшинства, власти Румынии показали явное стремление к улаживанию спора с Киевом. Причиной тому стали не только геополитические соображения, состоящие в общности стратегических интересов двух стран. В международной реакции на украинский образовательный закон отразился и давний конфликт между Румынией и Венгрией, возникший также вокруг этнического меньшинства, только в данном случае — венгерского.

Хотя обе страны выступили с осуждением Киева и в дальнейшем координировали свои усилия, Бухарест не намерен поддерживать непримиримый тон Будапешта, взятый им в отношении прав своих соотечественников, проживающих в Украине. Это было бы контрпродуктивно, принимая во внимание, что и сама Румыния сталкивается с подобными венгерскими притязаниями, пусть и не настолько ярко выраженными. Коль скоро у Бухареста есть возможность договориться с Киевом по самым принципиальным вопросам, обострение конфронтации представляется румынскому руководству нецелесообразным, во всяком случае на данном этапе. При этом сама этноязыковая подоснова конфликта с Украиной будет оставаться актуальной на обозримую перспективу как для Румынии, так и для Венгрии.

“КУЛЬТУРНАЯ МИССИЯ” БУХАРЕСТА

Справедливости ради следует заметить, что озабоченность официального Бухареста судьбой соотечественников, проживающих в Украине, имеет под собой вполне осязаемую основу в виде масштабной программы поддержки румынской общины. В ситуации разразившегося языкового конфликта Бухарест отстаивает не только права своего меньшинства на чужой территории, но и собственные инвестиции в развитие социокультурной среды, что при ином качестве оценок тождественно распространению зоны политического влияния. Конечно, слова и поступки современного румынского руководства не имеют столь яркой националистической окраски и не столь явно проникнуты духом экспансионизма, как это было при прежнем президенте Траяне Бэсеску, но суть его политики остается неизменной.

Представители официального Бухареста охотно обвиняют власти “постмайданной” Украины в дискриминационной языковой политике, но сами предпочитают не вспоминать, насколько жестко и грубо проводилась “румынизация” Северной Буковины и Южной Бессарабии в период между мировыми войнами, во время их нахождения в составе Румынского королевства. Идея “великой Румынии” служит ныне идентификатором, определяющим принадлежность к нации, то есть в той или иной мере указывающим на потребность разделять ее ценности и готовность отстаивать ее интересы. Распространение данной идеи в восточном направлении, за пределы современных границ румынского государства, имеет черты политического вмешательства, что, разумеется, осознается как руководством самой Румынии, так и властями сопредельных государств — Молдовы и Украины [21, с. 40].

Румынские официальные лица стараются не смешивать тему “отторгнутых территорий” с проблемой самоопределения румыноязычного меньшинства, компактно либо дисперсно проживающего в упомянутых регионах. Вместе с тем они не могут отказаться от политики протекции в отношении зарубежных соотечественников. Как следствие, любое политически мотивированное действие Бухареста, включая массовую раздачу румынских паспортов потомкам “жертв сталинской аннексии 1940 года”, получает культурно-образовательное и гуманитарное обоснование. Между тем агрессивность румынской культурной политики неоднократно отмечалась украинским экспертным сообществом. В частности, директор украинского Центра исследований проблем гражданского общества В. Кулик еще в 2010 г. предрекал расширение румынского политико-культурного пространства за счет украинских территорий [22].

Не имея возможности предъявить территориальные претензии Украине, официальный Бухарест опекает и поддерживает прорумынские настроения, отмечаемые главным образом в Черновицкой области, где для них имеется соответствующая этносоциальная база [23]. “Майданная революция” 2014 г. придала осязаемый импульс общественным движениям, в том или ином виде представляющим интересы буковинских румын. Причина усиления их активности кроется в общей дестабилизации этнополитического ландшафта “постмайданной” Украины, ответственность за которую несет сам Киев. Вместе с тем следует признать, что прорумынски настроенные общественные организации, действующие на севере Буковины, носят в основном культурно-образовательный характер и не выдвигают открытых политических требований.

Кульминацией политической активности, в той или иной форме, связанной с проблемой “буковинской иридентности”, стало 100-летие “великого объединения” румынского народа, громко отмеченное Бухарестом в конце 2018 г. Украинский аспект румынских торжеств состоял в постоянном упоминании о Черновцах как об одном из центров национального объединения, где в ноябре 1918 г. произошло подписание документа, декларировавшего слияние Румынии и Буковины. Данный исторический факт был отмечен на самом высоком уровне в торжественной речи президента Румынии Клауса Йоханниса [24]. Участием в юбилейных мероприятиях отметились и региональные власти. Пожалуй, дальше других пошли депутаты совета города Яссы, 28 ноября 2018 г. принявшие символическую декларацию и провозгласившие Северную Буковину частью Великой Румынии. Народные избранники пообещали, что приложат все силы к интеграции утерянных земель [25].

Официальный Киев старался не обращать внимания на происходящее в соседнем государстве, делая вид, что самой Украины все это не касается. Тем не менее еще за полгода до описанных событий Служба безопасности Украины приняла ряд мер в отношении румынских активистов, действующих на Буковине, чем спровоцировала громкий дипломатический скандал. Поводом послужили образцы пропагандистской полиграфии (в частности, “историческая” карта “Великой Румынии”), изъятые при обыске в Румынском культурном центре имени Евдоксия Гурмузаки в Черновцах. Руководству Центра было инкриминировано посягательство на территориальную целостность страны.

В качестве ответной меры украинский посол был вызван в МИД Румынии и предупрежден о недопустимости нападков на культурные учреждения румыноязычного меньшинства. Одновременно в румынских СМИ прокатилась мощная волна солидарности с буковинскими соотечественниками, вынужденными испытывать на себе произвол

украинских политиков. Скандал придал дополнительный политический резонанс отмечаемому юбилею, а украинские власти оказались перед нелегкой дилеммой: продолжать борьбу с культурным сепаратизмом, вызывая все более яростную реакцию западного соседа, или свернуть начатую кампанию, рискуя получить упреки от своих национал-патриотов в попустительстве румынским амбициям. Как видно, Киев выбрал второе, оказавшись в состоянии неопределенности относительно дальнейших взаимоотношений с Бухарестом и его подопечными. Произошедшая в 2019 г. смена украинской правящей элиты пока не способствовала преодолению этой ситуации.

ВЕНГЕРСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И РУМЫНСКАЯ ГЕОПОЛИТИКА

При неминуемом сопоставлении политики Венгрии и Румынии в отношении своих меньшинств, проживающих в Украине, приходится признать, что каждая из стран по-своему последовательна в отстаивании прав соотечественников. Между тем, несмотря на схожесть ситуаций, имеется немало различий, характеризующих позиции Будапешта и Бухареста по данному вопросу.

В частности, венгерская политика поддержки соотечественников в украинском Закарпатье по большей части связана с курсом, проводимым правящей партией "Фидес" и лично премьер-министром В. Орбаном, а идея "Великой Румынии", предполагающая аналогичные усилия в отношении украинских румын, не имеет столь жесткой привязки к действующему руководству страны и его политическим убеждениям, являясь по сути "национальным проектом".

Румыния, в отличие от Венгрии, не склонна использовать структуры Североатлантического альянса для давления на Киев. Это связано с подчиненным положением Бухареста, вынужденного строго следовать в русле политики США, чье руководство не одобряет "своеволия" Венгрии и ее "потребительского" отношения к членству в НАТО. В то же время внешние правила и обязательства едва ли заставят Бухарест отказаться от великорумынских амбиций, проецированных в восточном направлении. Будапешт выражает неподдельную озабоченность положением венгерских меньшинств практически на всех сопредельных территориях, составлявших некогда единое государственное целое. Румыния, при наличии аналогичных румынских общин в большинстве соседних государств, простирает свои политические интересы лишь на земли восточных соседей — Молдавии и Украины.

Очевиден более сложный характер румынских этнополитических притязаний. В соответствии с ними молдаване рассматриваются как историческое ответвление румынской этнической общности. Восстановление политико-культурного единства данной общности Бухарест считает одной из приоритетных задач, актуальной не только в отношении Молдавии, но и для районов компактного проживания молдаван в украинской Южной Бессарабии. Украинское руководство придерживается на сей счет совершенно иного мнения, считая румын и молдаван двумя разными народами, с чем в общем солидарны и сами носители молдавской идентичности.

Наконец, в румынской политике весьма явно выражена геополитическая составляющая, что связано с общим отношением к происходящему в Украине и вокруг нее. Немаловажным, если не определяющим, фактором беспокойства румынских властей является усиление позиций России на Черном море, особенно осязаемое после воссоединения Крыма с Россией. Геополитический контекст, предписывающий преимущественно антироссийскую направленность румынской внешней политики, отражается и в том, что касается поддержки румыноязычных меньшинств. В своих рассуждениях о необходимости наделяния украинских соотечественников "особым статусом", румынские политики, как правило, делают упор на обеспечении прав разделенного народа, ставшего жертвой "исторических обстоятельств" или "советской агрессии".

Венгерская политика поддержки украинских соотечественников демонстрирует совершенно иную идейную адаптацию. Официальный Будапешт довольно прозрачно намекает на свою заинтересованность в продвижении Минского процесса. Основным

побудительным мотивом при этом является возможность создания этнотерриториальных автономных образований, потенциально применимая не только к украинскому юго-востоку, но и к венгерским районам Закарпатья. Национал-популисты, наиболее выразительно представленные партией “Йоббик” и вовсе видят образцом для подражания российские действия в Крыму по организации референдума.

Перечисленные обстоятельства позволяют рассматривать румынскую стратегию в отношении Украины как более сложную и потенциально долгосрочную. О ее конкретных результатах можно будет судить уже в ближайшем будущем по итогам кризисного развития украинского государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Смирнов А.Н. Восточная политика Венгрии в свете украинского кризиса. *Международная жизнь*, 2017, № 9, сс. 54-71. [Smirnov A. Vostochnaya politika Vengrii v svete ukrainskogo krizisa [Hungary's Eastern Policy in the Context of the Ukrainian Crisis]. *International Affairs*, 2017, no. 9, pp. 54-71.]
2. Orban: “Flawless” minority policy a must for Ukraine. *Daily News Hungary*, 22.03.2014. Available at: <https://dailynewshungary.com/orban-flawless-minority-policy-a-must-for-ukraine/> (accessed 15.04.2019).
3. Prime Minister Orbán re-elected by Parliament. *Website of the Hungarian Government*, 10.05.2014. Available at: <http://2010-2014.kormany.hu/en/prime-minister-s-office/news/prime-minister-orban-re-elected-by-parliament> (accessed 15.04.2019).
4. Orban On Autonomy, Forex Borrowers, New Government. *Daily News Hungary*, 17.05.2014. Available at: <https://dailynewshungary.com/orban-on-autonomy-forex-borrowers-new-government> (accessed 15.04.2019).
5. Заява МЗС України з приводу висловлювань Прем'єр-міністра Угорщини Віктора Орбана. Міністерство закордонних справ України, 17.05.2014. [Statement by the Ministry of Foreign Affairs of Ukraine on the statements of the Prime Minister of Hungary Viktor Orban (In Ukr.) Ministry of Foreign Affairs of Ukraine, 17.05.2014. Available at: <https://mfa.gov.ua/ua/press-center/comments/1346-zajava-mzs-ukrajini-z-privodu-vislovlyuvany-premjer-ministra-ugorshhini-viktora-orbana> (accessed 15.04.2019).
6. The continued existence of Hungarian communities abroad depends on successful progress within the field of autonomy. *Website of the Hungarian Government*, 21.03.2014. Available at: <http://www.kormany.hu/en/prime-minister-s-office/news/the-continued-existence-of-hungarian-communities-abroad-depends-on-successful-progress-within-the-field-of-autonomy> (accessed 13.04.2019).
7. Коментар МЗС України щодо висловлювань Віце-прем'єр-міністра Угорщини Жолта Шем'єна. Міністерство закордонних справ України, 22.03.2017. [Comments of the Ministry of Foreign Affairs of Ukraine on the statements of the Vice Prime Minister of Hungary Zolt Shemien (In Ukr.) Ministry of Foreign Affairs of Ukraine, 22.03.2017. Available at: <https://mfa.gov.ua/ua/press-center/comments/7095-komentar-mzs-ukrajini-shhodo-vislovlyuvany-vice-premjer-ministra-ugorshhini-zholta-shemjena> (accessed 13.04.2019).
8. Основной Закон Венгрии [Basic Law of Hungary (In Russ.)] Available at: https://nemzetikonyvtar.kormany.hu/download/3/00/50000/orosznyomda_jav%C3%ADtott.pdf (accessed 13.04.2019).
9. Замглавы МИД: Кое-кто в Венгрии наносит нам удар в спину. *Украинская правда*, 12.04.2017. [Zamglavy MID: Koe-kto v Vengrii nanosit nam udar v spinu [Deputy Foreign Minister: Someone in Hungary strikes us in the back]. *Ukrainskaya pravda*, 12.04.2017.] Available at: <http://www.prawda.com.ua/rus/news/2017/04/12/7141056/> (accessed 15.04.2019).
10. Viktor Orbán holds talks with President of Ukraine on dual citizenship of Hungarians in Ukraine. *Website of the Hungarian Government*, 30.03.2017. Available at: <http://www.kormany.hu/en/the-prime-minister/news/viktor-orban-holds-talks-with-president-of-ukraine-on-dual-citizenship-of-hungarians-in-ukraine> (accessed 11.04.2019).
11. Dispute over dual citizenship for Ukrainian Hungarians seems to be approaching a solution. *Website of the Hungarian Government*, 31.03.2017. Available at: <http://www.kormany.hu/en/the-prime-minister/news/dispute-over-dual-citizenship-for-ukrainian-hungarians-seems-to-be-approaching-a-solution> (accessed 14.04.2019).
12. The Government is asking it Ukrainian partners to refrain from harassing Hungarian institutions in Subcarpathia. *Website of the Hungarian Government*, 09.04.2017. Available at: <http://www.kormany.hu/en/ministry-of-foreign-affairs-and-trade/news/the-government-is-asking-it-ukrainian-partners-to-refrain-from-harassing-hungarian-institutions-in-subcarpathia> (accessed 15.04.2019).
13. Potápi Árpád János nemzetpolitikáért felelős államtitkár koezlemenye. *Magyarország Főkonzulátusa Ungvár*, 06.09.2017. [Árpád János Potápi State Secretary for National Policy (In Hung.) Consulate General of Hungary in Uzhgorod, 06.09.2017. Available at: <https://ungvar.mfa.gov.hu/news/potapi-arpad-janos-nemzetpolitikaert-felelos-allamtitkar-koezlemenye> (accessed 16.04.2019).
14. “Это удар в спину”. Венгрия жестко раскритиковала новый закон Украины об образовании. *Униан*, 07.09.2017. [“Eto udar v spinu”. Vengriya zhestko raskritikovala novyi zakon Ukrainy ob obrazovanii [“This is a stab in the back”. Hungary harshly criticized the new Ukrainian law on education]. *Unian*, 07.09.2017.] Available at: <https://www.unian.net/politics/2121931-eto-udar-v-spinu-vengriya-jestko-raskritikovala-novyiy-zakon-ukrainyi-ob-obrazovanii.html> (accessed 15.04.2019).
15. Венгерские организации Закарпатья просят Порошенко ветировать новую редакцию закона об образовании. *Українські Новини*, 08.09.2017. [Vengerskie organizatsii Zakarpat'ya prosyat Poroshenko vetirovat' novuyu redaktsiyu zakona ob obrazovanii [Hungarian organizations of Transcarpathia ask

- Poroshenko to veto the new version of the law on education]. *Ukrainski Nowwini*, 08.09.2017.] Available at: <https://ukranews.com/news/517765-vengerskye-organyzacyi-zakarpatya-prosyat-poroshenko-vetyrovat-novuyu-redakcyiu-zakona-ob> (accessed 13.04.2019).
16. This will be painful for Ukraine. *Website of the Hungarian Government. Ministry of Foreign Affairs and Trade*, 26.09.2017. Available at: www.kormany.hu/en/ministry-of-foreign-affairs-and-trade/news/this-will-be-painful-for-ukraine (accessed 15.04.2019).
 17. Hungary is unable to support Ukraine's integration aspirations. *Website of the Hungarian Government. Ministry of Foreign Affairs and Trade*, 30.10.2017. Available at: www.kormany.hu/en/ministry-of-foreign-affairs-and-trade/news/hungary-is-unable-to-support-ukraine-s-integration-aspirations (accessed 15.04.2019).
 18. Declarația de presă a Președintelui României, domnul Klaus Iohannis, susținută la finalul participării la cea de-a 72-a sesiune a Adunării Generale a ONU. *Președintele României. Agenda-presedintelui*, 21.09.2017. [Press statement by the President of Romania, Mr. Klaus Iohannis, made at the end of his participation in the 72nd session of the UN General Assembly (In Rom.)] *President of Romania. President's program*, 21.09.2017. Available at: <https://www.presidency.ro/ro/presedinte/agenda-presedintelui/declaratia-de-presa-a-presedintelui-romaniei-domnul-klaus-iohannis-sustinuta-la-finalul-participarii-la-cea-de-a-72-a-sesiune-a-adunarii-generale-a-onu> (accessed 14.04.2019).
 19. Закон об образовании: Климкин рассказал о разнице в позициях Венгрии и Румынии. *Сегодня*, 13.10.2017. [Zakon ob obrazovanii: Klimkin rasskazal o raznitse v pozitsiyakh Vengrii i Rumynii [Education Law: Klimkin spoke about the difference in the positions of Hungary and Romania]. *Segodnya*, 13.10.2017.] Available at: <https://www.segodnya.ua/politics/zakon-ob-obrazovanii-klimkin-rasskazal-o-raznitse-v-pozitsiyah-vengrii-i-rumynii-1063712.html> (accessed 13.04.2019).
 20. Ministrul Teodor Meleşcanu, în vizită la Cernăuți: "Până la identificarea unor soluții concrete, România va menține subiectul Legii educației pe agenda discuțiilor bilaterale". *Ministerul Afacerilor Externe*, 11.01.2018. [Minister Teodor Meleşcanu, visiting Cernăuți: "Until the identification of concrete solutions, Romania will keep the subject of the Education Law on the agenda of bilateral discussions". (In Rom.)] *Ministry of Foreign Affairs*, 11.01.2018. Available at: <https://mae.ro/node/44631> (accessed 15.04.2019).
 21. Кириллов В., Путинцев И. Влияние Румынии в Молдавии: формы и эволюция унионизма. *Современная Европа*, 2017, № 3, сс. 37-48. [Kirillov V., Putintsev I. Vliyanie Rumynii v Moldavii: formy i evolyutsiya unionizma [The influence of Romania in Moldova: the forms and evolution of unionism]. *Contemporary Europe*, 2017, no. 3, pp. 37-48.]
 22. Румыно-украинская "дружба", или партнерство с подтекстом. *Цензор.Нет*, 04.06.10. [Rumyno-ukrainskaya drujba ili partnerstvo s podtekstom [Romanian-Ukrainian "friendship", or partnership with subtext]. *Censor.Net*, 04.06.10.] Available at: https://censor.net.ua/resonance/4083/rumynoukrainskaya_quotdrujbaquot_ili_partnerstvo_s_podtekstom_viktoriya_vladina_dlya_quottsenzorne (accessed 15.04.2019).
 23. Никоноров О. Як Україні унеможливити створення "народних республік" на кордоні з Румунією. *Депо.Донбас*, 12.10.2016. [How Ukraine will not allow the creation of "people's republics" on the border with Romania (In Ukr.)] *Depo.Donbas*, 12.10.2016.] Available at: <https://dn.depo.ua/ukr/dn/yak-ukrayini-unemozhliviti-stvorennya-narodnih-respublik--12102016150000> (accessed 15.04.2019).
 24. Alocuțiunea Președintelui României, domnul Klaus Iohannis, susținută cu prilejul inaugurării Monumentului Marii Uniri. *Președintele României. Agenda-presedintelui*, 01.12.2018. [The speech of the President of Romania, Mr. Klaus Iohannis, supported at the inauguration of the Monument of the Great Union (In Rom.)] *President of Romania. President's program*, 01.12.2018. Available at: <https://www.presidency.ro/ro/presedinte/agenda-presedintelui/alocutiunea-presedintelui-romaniei-domnul-klaus-iohannis-sustinuta-cu-prilejul-inaugurarii-monumentului-marii-uniri> (accessed 15.04.2019).
 25. *Procesul verbal al ședinței extraordinare din data de 28.11.2018 a consiliului local al municipiului Iași. Site-ul Primăriei municipiului Iași. Direcția relații publice și transparent decisonala* (2018). [The minutes of the extraordinary meeting of 28.11.2018 of the local council of the city of Iași. (In Rom.)] The site of the City Hall of Iași. Public relations and transparent decisonala Directorate (2018). Available at: <https://www.primaria-iasi.ro/imagini-iasi/fisiere-iasi/1544100799-PV%20sedinta%2028%20nov%202018.pdf> (accessed 15.04.2019)

**BUDAPEST AND BUCHAREST IN FRONT OF THE CHALLENGES
OF UKRAINIAN INTERNAL POLITICAL PROCESSES****(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2019, no. 3, pp. 73-84)****Received 09.07.2019.***Aleksei N. SMIRNOV (alexmirnew@mail.ru),**Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.*

The political crisis that Ukraine has been experiencing since 2014 has become a test not only for Russia, but also for a number of Eastern European states. The reason for this is both territorial proximity to the focus of tension, and a special historically conditioned attitude to Ukrainian affairs. After the collapse of the Soviet Union, the greatest similarity was observed in relations between independent Ukraine and Hungary and Romania. The similarity consisted of a close set of problems, the main of which was the presence of Hungarian and Romanian ethnic minorities living in the border areas. The article examines how the Ukrainian internal political processes of recent years have influenced these relations and what are the differences in the Budapest and Bucharest approaches to the mentioned problems.

The obvious discrepancies existing in the Hungarian and Romanian politics in the "Ukrainian direction" are caused by a whole set of factors, each of them reflecting the development priorities of these states, the ideological attitudes of their ruling elites, institutional features and relevant interpretations of national interests. Among the most obvious differences, one should note the tight linkage of the Hungarian policy of supporting compatriots, consistently carried out in Ukrainian Transcarpathia, to the right-conservative course of the country's leadership, which is not observed in the case of Romania. In turn, the Romanian ethno-political ambitions are more complex, due to the priority geopolitical project implemented by official Bucharest in relation to Moldova. In general, the geopolitical component is very clearly expressed in Romanian foreign policy, which is largely due to the strengthening of the Russian presence in the Black Sea basin, especially noticeable after the accession of Crimea to the Russian Federation. Accordingly, the attitude to the actions of Russia, perceived through the prism of the Ukrainian crisis, can serve as another indicator of the dissimilarity of the Romanian and Hungarian positions.

Keywords: Ukrainian crisis, "Maidan revolution", Romanian ethnic minority, Hungarian national minority, national interests, geopolitics, foreign policy, language policy, the Ukrainian Law "On Education", European Union, North Atlantic Alliance.

*About author:**Aleksei N. SMIRNOV, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Senior Researcher, Sector of Political Theory.***DOI:** 10.20542/afj-2019-3-73-84

